



Вампир в пустыни

Том 1

# POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXI



Salamandra P.V.V.

# ВАМПИРЫ ПУСТЫНИ

Том I

Сост. М. Фоменко  
при участии А. Вий

Salamandra P.V.V.

Вампиры пустыни. Том I. Сост. М. Фоменко при участии А. Вий. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 264 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXI. Вампирская серия).

В книге «Вампиры пустыни» читатель встретится с необычными вампирами. Эти вампиры мало напоминают традиционных роковых и клыкастых незнакомцев в черных плащах, сомнительных ревенантов и гламурную нечисть расплодившихся «саг». Пищей им служит не только кровь, но и разум, душа, психическая и жизненная энергия. Растения, животные, картины, дома, пустоты, пришельцы из космоса, обитатели иных планет и вовсе непостижимые существа и сущности — таковы вампиры этой антологии.

© Translators, переводы, 2018  
© М. Fomenko, состав, комментарии, 2018  
© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

**1819-2019**

**ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ**

**К**

**200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ  
«ВАМПИРА» Д. ПОЛИДОРИ**

# ВАМПИРЫ ПУСТЫНИ

*Tu ge Monassan*

*Орля*

*8 мая.* Какой восхитительный день! Все утро я провел, растянувшись на траве перед моим домом, под огромным платаном, который целиком закрывает его, защищает и окутывает тенью. Я люблю эту местность, люблю здесь жить, потому что здесь мои корни, те глубокие, чувствительные корни, которые привязывают человека к земле, где родились и умерли его предки, привязывают его к определенному образу мыслей, к определенной пище, к обычаям и кушаньям, к местным оборотам речи, к произношению крестьян, к запаху почвы, деревень и самого воздуха.

Я люблю дом, где я вырос. Из окон я вижу Сену, которая течет мимо моего сада, за дорогой, совсем рядом со мной, — полноводную и широкую Сену, от Руана до Гавра покрытую плывущими судами.

Налево — Руан, обширный город синих крыши под островерхим лесом готических колоколен. Хрупкие или крепкие, возглавленные литым шпилем собора, они бесчисленны, и там множество колоколов, которые звонят в голубом просторе прекрасного утреннего часа, распространяя мягкое гудение металла, свою бронзовую песню; когда ветер доносит ее до меня, она звучит то сильнее, то слабее, смотря по тому, пробуждается ли ветер или засыпает.

Как хорошо было это утро!

Часов в одиннадцать крохотный, как муха, пароходик, изрыгая густой дым и хрюя от натуги, протащил на буксире мимо моей ограды целый караван судов.

Вслед за двумя английскими шхунами, красный флаг которых развевался высоко в небе, прошел великолепный бразильский трехмачтовый корабль, весь белый, удивительно чистый, сверкающий. Я приветствовал его, сам не знаю почему, — так приятно мне было видеть этот корабль.

*12 мая.* Уже несколько дней меня лихорадит; мне не здоровится или, вернее, мне как-то грустно.

Откуда струятся эти таинственные влияния, которые превращают наше счастье в уныние, а надежды в отчаяние? Как будто самий воздух, невидимый воздух наполнен неведомыми Силами, таинственную близость которых мы испытываем на себе. Я просыпаюсь радостный, желание запеть

переполняет мою грудь. Почему? Я иду низом вдоль берега и вдруг, после короткой прогулки, возвращаюсь расстроенный, как будто дома меня ожидает какое-то несчастье. Почему? Может быть, это струя холода, коснувшись моей кожи, потрясла мне нервы и омрачила душу? Или же это форма облаков, краски дня, оттенки предметов, такие изменчивые, воспринятые зрением, встревожили мою мысль? Как знать? Все, что нас окружает, все, что мы видим, не всматриваясь, все, с чем мы соприкасаемся, не вникая, все, к чему мы притрагиваемся, не осязая, все, что мы встречаем, не познавая, оказывает быстрое, неожиданное и необъяснимое воздействие на нас, на наши органы и через них — на наши мысли, на самое сердце.

Как глубока эта тайна Невидимого! Мы не можем проникнуть в нее с помощью наших жалких органов чувств. Нам не могут помочь наши глаза, которые не умеют видеть ни слишком малого, ни слишком большого, ни слишком близкого, ни слишком далекого, ни обителей звезд, ни обитателей капли воды... Нам не может помочь наш слух, который лишь обманывает нас, так как передает нам колебания воздуха превращенными в полнозвучные тона. Наш слух той же природы, что и феи: он чудесно претворяет это колебание в звук и метаморфозой этой рождает музыку, которая придает певучесть немому волнению природы... А что уж говорить о нашем обонянии, более слабом, чем чутье собаки... о нашем вкусе, едва различающем возраст вина!

Ах, будь у нас другие органы, которые творили бы к нашему благу другие чудеса, сколько всего могли бы мы еще открыть вокруг себя!

*16 мая. Я болен, это ясно! А я так хорошо чувствовал себя последний месяц! У меня лихорадка, жестокая лихорадка, или, вернее, лихорадочное возбуждение, доставляющее не меньше страданий моей душе, чем телу. Все время у меня ужасное предчувствие угрожающей мне опасности, боязнь надвигающегося несчастья или близкой смерти, то ощущение, которое, несомненно, является приступом болезни, еще неизвестной, но гнездящейся в крови и плоти.*

**18 мая.** Я посоветовался с доктором, потому что стал страдать бессонницей. Он нашел у меня учащенный пульс, расширение зрачков, повышенную нервозность, но не обнаружил ни одного тревожного симптома. Мне нужно принимать душ и пить бромистый калий.

**25 мая.** Никакой перемены! В самом деле, какое странное состояние! Лишь только близится вечер, мною овладевает непонятное беспокойство, как будто ночь таит страшную для меня угрозу. Я наскоро обедаю, потом пытаюсь читать, но не понимаю ни слова, еле различаю буквы. Тогда я принимаюсь ходить взад и вперед по гостиной под гнетом смутной, но непреодолимой боязни, боязни сна и боязни постели.

Часам к десяти я подымаюсь в спальню. Едва войдя, зашираю дверь на два поворота ключа и задвигаю засов: я боюсь... но чего?.. До сих пор я совершенно не боялся... Я открываю шкафы, заглядываю под кровать, прислушиваюсь... прислушиваюсь... но к чему?.. Не странно ли, что простое недомогание, быть может, некоторое расстройство кровообращения, возбуждение какого-нибудь нервного узла, небольшой прилив крови, ничтожнейший перебой в работе нашей одушевленной машины, столь несовершенной и столь хрупкой, способны сделать меланхоликом самого веселого человека и трусом — храбреца? Затем я ложусь и жду сна, как ожидают палача. Я с ужасом жду его прихода, сердце у меня колотится, ноги дрожат, и все тело трепещет в жаркой постели до тех пор, пока я вдруг не проваливаюсь в сон, как падают в омут, чтобы утопиться. Я не чувствую, как прежде, приближения этого вероломного сна, который прячется где-то рядом, подстерегает и готов схватить меня за голову, закрыть мне глаза уничтожить меня.

Я сплю долго, два — три часа, потом какое-то сновидение, нет, кошмар, начинает душить меня. Я прекрасно чувствую, что лежу и сплю... Я это чувствую и знаю... но чувствую также, что кто-то приближается ко мне, смотрит на меня, трогает меня, вскачивает на кровать, становится коленями мне на грудь, охватывает руками мою шею и сжимает... сжимает ее... изо всех сил, чтобы задушить меня.

Я сопротивляюсь, но связан той страшной немощью, что парализует нас во сне: хочу закричать — и не могу, хочу пошевелиться — и не могу; задыхаясь, делаю невероятные усилия, чтобы повернуться, сбросить с себя существо, которое давит и душит меня, — и не могу!

И внезапно я просыпаюсь, обезумевший, покрытый потом. Зажигаю свечу. Я — один.

После этого припадка, который повторяется каждую ночь, я наконец спокойно засыпаю и сплю до рассвета.

2 июня. Мое состояние еще ухудшилось. Что же со мной? Бром не помогает, души не помогают. Недавно, чтобы утомить тело, и без того усталое, я отправился прогуляться в Румарский лес. Сначала мне казалось, что свежий воздух, легкий и приятный, насыщенный запахом трав и листьев, вливает в мои жилы новую кровь, а в сердце новую силу. Я пошел большой охотничьей дорогой, потом свернул на Лабуй, по узкой тропинке меж двумя полчищами высоченных деревьев, возвышавших зеленую, густую, почти черную кровлю между небом и мной.

Вдруг меня охватила дрожь, — не дрожь холода, но странная дрожь тоски.

Я ускорил шаг, испугавшись того, что я один в лесу, бессмысленно и глупо устрашась одиночества. И мне показалось, что за мной кто-то идет, следует по пятам, совсем близко, вплотную, почти касаясь меня.

Я резко обернулся. Я был один. Позади себя я увидел только прямую и широкую аллею, пустынную, глубокую, жутко пустынную; и по другую сторону она тянулась тоже бесконечно, совершенно такая же, наводящая страх.

Я закрыл глаза. Почему? И начал вертеться на каблуке, очень быстро, словно волчок. Я чуть не упал; открыл глаза; деревья плясали, земля колебалась; я принужден был сесть. Потом, ах! потом я уже не мог вспомнить, какою дорогой пришел сюда! Дикая мысль! Дикая! Дикая мысль! Я больше ничего не узнавал. Пошел в ту сторону, что была от меня направо, и возвратился на дорогу, которая привела меня перед тем в чашу леса.

*3 июня.* Я провел ужасную ночь. Хочу уехать на несколько недель. Небольшое путешествие, наверное, успокоит меня.

*2 июля.* Возвратился. Я исцелен. Кроме того, я совершил очаровательное путешествие. Я побывал на горе Сен-Мишель, которой до сих пор не видел.

Какой открывается вид, когда приезжаешь в Авранш под вечер, как приехал я! Город расположен на холме; меня провели в городской сад, находящийся на окраине. Я вскрикнул от изумления. Огромный залив неоглядно простирался передо мною, меж двух расходящихся берегов, которые то-нули вдали в тумане; посреди этого беспредельного желтого залива под светло-золотистым небом возвышалась среди песков странная сумрачная островерхая гора. Солнце закатилось, и на горизонте, еще пылавшем, обрисовывался профиль этой фантастической скалы с фантастическим зданием на ее вершине.

На рассвете я отправился к нему. Как и накануне вечером, был отлив, и я смотрел на чудесное аббатство, все ближе выраставшее передо мной. После нескольких часов ходьбы я достиг огромной гряды валунов, на которой расположился городок с большой церковью, царящей над ним. Взобравшись по узенькой кругой уличке, я вошел в самое изумительное готическое здание, когда-либо построенное на земле для бога, обширное, как город, полное низких зал, придавленных сводами, и высоких галерей на хрупких колоннах. Я вошел внутрь этой гигантской драгоценности из гранита, воздушной, как кружево, покрытой башенками, куда ведут извилистые лестницы, и стройными колоколенками, которые вздымают в голубое небо дня и в темное небо ночи свои диковинные головы, вздыбившиеся химерами, дьяволами, невероятными животными, чудовищными цветами, и соединяются друг с другом тонкими, искусно украшенными арками.

Взобравшись наверх, я сказал монаху, сопровождавшему меня:

— Отец, как вам, должно быть, здесь хорошо!

— Здесь очень ветрено, сударь, — ответил он, и мы прияялись беседовать, глядя, как подступает океан, как он бежит по песку и покрывает его стальной броней.

Монах стал мне рассказывать разные предания, все древние предания этих мест — легенды, много легенд.

Одна из них чрезвычайно поразила меня. Местные старажилы, живущие на горе, утверждают, будто ночью в песках слышны голоса, затем слышно, как блеют две козы, одна погромче, другая потише. Маловеры скажут вам, что это крики морских птиц, похожие иногда на блеяние, иногда на человеческие стоны; но рыбаки, которым случалось запоздать с возвращением, клянутся, что им встречался во время отлива старый пастух, бродивший по дюнам вокруг маленького, удаленного от мира городка: голова его постоянно закутана плащом, и он ведет за собою козла с лицом мужчины и козу с лицом женщины; у них обоих длинные седые волосы, и оба без умолку говорят и бранятся на неведомом языке, а потом вдруг перестают кричать, чтобы изо всех сил заблеять.

Я спросил монаха:

— Вы верите этому?

Он промолвил:

— Не знаю.

Я продолжал:

— Если бы на земле, кроме нас, жили другие существа, то разве мы не узнали бы о них уже давно? Разве вы не увидели бы их? Разве их не увидел бы я?

Он ответил:

— А разве мы видим хотя бы стотысячную часть того, что существует? Возьмите, например, ветер, который является величайшей силой природы, который валит с ног людей, разрушает здания, вырывает с корнем деревья, вздымает на море горы воды, опрокидывает береговые утесы и разбивает о подводные скалы большие корабли, ветер, смертоносный, свистящий, стонущий, ревущий, — разве вы его видели, разве можете видеть? Однако он существует.

Я замолчал, услышав это простое рассуждение. Этот человек был мудр, а быть может, и глуп. Я не мог этого решить

наверно, но все же замолчал. О том, что он говорил, я и сам часто думал.

*3 июля.* Я плохо спал; здесь безусловно какое-то лихорадочное поветрие, потому что мой кучер страдает тем же недугом, что и я. Возвратившись вчера домой, я заметил, что он как-то особенно бледен. Я спросил его:

— Что с вами, Жан?

— Да вот не могу спать, сударь, ночи убивают меня. После вашего отъезда на меня словно порчу навели.

Остальные слуги, однако, чувствуют себя хорошо, но я ужасно боюсь, что со мной начнется прежнее.

*4 июля.* Ясно, со мной началось то же самое. Вернувшись прежние кошмары. Сегодня ночью я почувствовал, что кто-то сидит у меня на груди и, припав губами к моим губам, пьет мою жизнь. Да, он высасывал ее из меня, как пиявка. Потом он встал, насытившись, а я проснулся настолько обескровленным, разбитым и подавленным, что не мог прийти в себя. Если это продлится еще несколько дней, я, конечно, уеду снова.

*5 июля.* Не схожу ли я с ума? То, что случилось, то, что я видел нынешней ночью, настолько необыкновенно, что голова у меня идет кругом, едва об этом подумаю.

Вечером, по обыкновению, я запер дверь на ключ, потом, почувствовав жажду, выпил полстакана воды и случайно заметил, что графин был полон до самой хрустальной пробыки.

Затем я улегся спать и погрузился в обычный свой мучительный сон, из которого меня вывело часа через два еще более ужасное потрясение.

Представьте себе, что человека убивают во сне, и он просыпается с ножом в груди, хрипит, обливается кровью, задыхается и умирает, ничего не понимая, — вот что я испытал.

Когда я пришел в себя, мне опять захотелось пить; я зажег свечу и подошел к столу, на котором стоял графин. Я взял его, наклонил над стаканом, но вода не потекла. Графин был пуст! Он был совершенно пуст! Сначала я ничего не понял, потом меня сразу охватило такое ужасное волнение, что я вынужден был сесть, вернее, упал на стул! Затем

вскочил и огляделся вокруг; затем снова сел, обезумев от недоумения и страха при виде прозрачного стекла! Я в упор смотрел на него, стремясь разгадать загадку. Руки у меня дрожали. Значит, вода выпита? Кем же? Мной? Наверно, мной! Кто же это мог быть, кроме меня? Значит, я лунатик, я живу, сам того не зная, двойной таинственной жизнью, заставляющей заподозрить, что в нас два существа? Или же это какое-то другое непонятное существо, неведомое и не-зримое, которое, когда наша душа скована сном, оживляет полоненное им тело, повинующееся ему, как нам самим, больше, чем нам самим?

О, кто поймет мою ужасную тоску! Кто поймет волнение человека, находящегося в здравом уме, бодрствующего, полностью владеющего своим рассудком, когда он со страхом ищет сквозь стекло графина воду, исчезнувшую, пока он спал!

И я просидел так до наступления дня, не смея снова лечь в постель.

6 июля. Я схожу с ума. Сегодня ночью опять выпили весь графин; вернее, его выпил я сам!

Но я ли это? Я ли? Кто же тогда? Кто? О господи! Я схожу с ума! Кто спасет меня?

10 июля. Я проделал поразительные опыты.

Решительно — я сумасшедший! Но тем не менее...

6 июля, перед сном, я поставил на стол вино, молоко, воду, хлеб и землянику.

Выпили — или я выпил — всю воду и немного молока. Не тронули ни вина, ни хлеба, ни земляники.

7 июля я повторил опыт, и он дал те же результаты.

8 июля я не поставил воды и молока. Не тронули ничего.

Наконец 9 июля я поставил только воду и молоко, предварительно обмотав графины белой кисеей и привязав пробки. Потом я натер себе губы, усы и руки графитом и лег спать.

Меня охватил непреодолимый сон, за которым вскоре последовало ужасное пробуждение. Во сне я не пошевельнулся: даже на подушке не оказалось ни пятнышка. Я бро-

сился к столу. Белая кисея, в которую были завернуты гравины, оставалась нетронутой. Я размотал тесемки, трепеща от страха. Вся вода была выпита! Все молоко выпито! О боже!..

Сейчас же уезжаю в Париж.

*12 июля.* Париж. В последние дни я, как видно, совсем потерял голову! Я стал игрушкой расстроенного воображения, если только я действительно не лунатик или не подвергся одному из тех доказанных, но до сих пор не объясненных влияний, которые называются внушением. Во всяком случае, расстройство моих чувств граничило с сумасшествием, но мне достаточно было прожить сутки в Париже, чтобы вновь обрести равновесие.

Вчера после разъездов и визитов, вливших мне в душу свежий живительный воздух, я закончил вечер во Французском театре. Играли пьесу Александра Дюма-сына; силой своего живого и богатого дарования он довершил мое исцеление. Безусловно, одиночество опасно для деятельности умов. Мы должны жить среди людей, которые мыслят и говорят. Долго оставаясь в одиночестве, мы населяем пустоту призраками.

В отличном настроении я возвращался бульварами в гостиницу. Пробираясь в толпе, я не без иронии вспоминал страхи и предположения прошлой недели, когда я был уверен, — да, уверен! — что какое-то невидимое существо живет под моей крышей. Как быстро слабеет, путается и мутится наш разум, стоит лишь какому-нибудь непонятному пустяку поразить нас!

Вместо того, чтобы сделать простой вывод: «Я не понимаю потому, что причина явления ускользает от меня», — мы тотчас же выдумываем страшные тайны и сверхъестественные силы.

*14 июля.* Праздник Республики. Я гулял по улицам. Ракеты и знамена забавляли меня, как ребенка. До чего же, однако, глупо радоваться в определенное число по приказу правительства! Народ — бессмысленное стадо, то дурачки терпеливое, то жестоко бунтующее. Ему говорят: «Веселись». Он веселится. Ему говорят: «Иди, сражайся с соседом». Он

идет сражаться. Ему говорят: «Голосуй за императора». Он голосует за императора. Потом ему говорят: «Голосуй за республику». И он голосует за республику.

Те, кто им управляет, тоже дураки; только, вместо того чтобы повиноваться людям, они повинуются принципам, которые не могут не быть вздорными, бесплодными и ложными именно потому, что это принципы, то есть идеи, признанные достоверными и незыблемыми, — это в нашем-то мире, где нельзя быть уверенным ни в чем, потому что свет всего лишь иллюзия, потому что звук — такая же иллюзия!

*16 июля.* Вчера я видел вещи, которые меня глубоко взволновали.

Я обедал у моей кузины госпожи Сабле; ее муж командует 76-м стрелковым полком в Лиможе. Я встретился у нее с двумя молодыми женщинами; одна из них замужем за врачом, доктором Параном, который усиленно занимается нервными болезнями и необыкновенными явлениями, обнаруженными в настоящее время благодаря опытам с гипнотизмом и внушением.

Он долго рассказывал нам об удивительных результатах, достигнутых английскими учеными и врачами нансийской школы.

Факты, которые он приводил, показались мне настолько диковинными, что я наотрез отказывался верить им.

— Мы накануне открытия одной из самых значительных тайн природы, — утверждал он, — я хочу сказать, одной из самых значительных тайн на земле, потому что есть, конечно, тайны гораздо более значительные, — там, в звездных мирах. С тех пор, как человек мыслит, с тех пор, как он умеет высказать и записать свою мысль, он чувствует рядом с собою какую-то тайну, недоступную для его грубых и несовершенных чувств, и пытается возместить их бессилие напряжением ума. Когда его ум пребывал еще вrudиментарном состоянии, это вечное ощущение невидимых явлений воплотилось в банально-жуткие образы. Так родились народные верования в сверхъестественное, легенды о блуждающих духах, феях, гномах, призраках, я сказал бы даже, миф о боге, ибо наши представления о творце-зиждителе,

из какой бы религии они не исходили, — это до последней степени убогие, нелепые, неприемлемые вымыслы, порожденные запуганным человеческим умом. Нет ничего вернее изречения Вольтера: «Бог создал человека по образу своему, но человек воздал ему за это сторицей».

Но вот уже немного более столетия, как стали предчувствовать что-то новое. Месмер и некоторые другие направили нас на неожиданный путь, и мы действительно достигли, особенно за последние четыре-пять лет, поразительных результатов.

Моя кузина тоже улыбалась очень недоверчиво. Доктор Паран обратился к ней:

- Хотите, сударыня, я попытаюсь вас усыпить?
- Хорошо. Согласна.

Она села в кресло, и он стал пристально смотреть на нее гипнотизирующим взглядом. Я сразу почувствовал какое-то беспокойство, у меня забилось сердце, сжало горло. Я видел, как веки г-жи Сабле тяжелели, рот искривился, дыхание стало прерывистым.

Через десять минут она уже спала.

- Сядьте позади нее, — сказал мне доктор.
- Я сел. Он вложил ей в руки визитную карточку, говоря:
- Это — зеркало. Что вы видите в нем?

Она ответила:

- Я вижу моего кузена.
- Что он делает?
- Крутит ус.
- А сейчас?
- Вынимает из кармана фотографию.
- Чья это фотография?
- Его собственная.

Так оно и было на самом деле! Эту фотографию мне только что принесли в гостиницу.

- Как он снят на этой фотографии?
- Он стоит со шляпой в руке.

Значит, визитная карточка, белый кусочек картона, давала ей возможность видеть, как в зеркале. Молодые женщины испуганно повторяли:

— Довольно! Довольно! Довольно!

Но доктор приказал ей:

— Завтра вы встанете в восемь часов, поедете в гостиницу к вашему кузену и будете умолять его дать вам взаймы пять тысяч франков, которые просит у вас муж и которые потребуются ему в ближайший его приезд.

Затем он разбудил ее.

Возвратясь в гостиницу, я размышлял об этом любопытном сеансе, и меня охватили подозрения; я, конечно, не усомнился в безусловной, бесспорной правдивости кузины, которую знал с детства как сестру, но я счел возможным плутовство со стороны доктора. Не прятал ли он в руке зеркальце, держа его перед усыпленной молодой женщиной вместе со своей визитной карточкой? Профессиональные фокусники проделывают ведь еще и не такие удивительные вещи.

Итак, я вернулся в гостиницу и лег спать.

А сегодня утром в половине девятого меня разбудил лакей и доложил:

— Госпожа Сабле желает немедленно поговорить с вами, сударь.

Я наспех оделся и принял ее.

Она села в большом волнении, опустив глаза, не поднимая вуали, и сказала:

— Дорогой кузен, я хочу вас попросить о большом одолжении.

— О каком же, кузина?

— Мне очень неловко говорить об этом, но иначе нельзя. Мне необходимы, совершенно необходимы пять тысяч франков.

— Полноте! Вам?..

— Да, мне или, вернее, моему мужу, — он поручил мне достать эту сумму.

От изумления я в ответ пробормотал что-то невнятное. Я задавал себе вопрос: уж не насмехается ли она надо мной

вместе с доктором Параном, уж не простая ли все это шутка, заранее подготовленная и умело разыгранная?

Но все мои подозрения рассеялись, когда я внимательно посмотрел на кузину. Она дрожала от волнения, — настолько тягостна была для нее эта просьба, — и я понял, что она готова разрыдаться.

Я знал, что она очень богата, и заговорил снова:

— Как? У вашего мужа нет в наличии пяти тысяч франков? Подумайте-ка хорошенько. Уверены ли вы, что он поручил вам попросить их у меня?

Несколько мгновений она колебалась, как будто силясь что-то припомнить, затем ответила:

— Да... да... уверена.

— Он написал вам об этом?

Она снова заколебалась, раздумывая. Я догадывался, как мучительно работает ее мысль. Она не знала. Она знала только одно: ей нужно добыть пять тысяч франков для мужа. И она отважилась солгать:

— Да, он мне написал.

— Когда же? Вчера вы ничего мне об этом не говорили.

— Я получила от него письмо сегодня утром.

— Вы можете мне его показать?

— Нет... нет... нет... оно очень интимное... очень личное... я... я его сожгла.

— Значит, ваш муж наделал долгов?

Она еще раз заколебалась, потом прошептала:

— Не знаю.

Тогда я сразу отрезал:

— В настоящий момент у меня нет пяти тысяч франков, милая кузина.

У нее вырвался страдальческий вопль:

— О! Прошу вас, прошу, достаньте мне их!..

Она страшно встревожилась и умоляюще сложила руки. Я слышал, как изменился ее голос; одержимая и порабощенная непреодолимым приказанием, она плакала и лепетала:

— Умоляю вас... если бы вы знали, как я страдаю... Деньги нужны мне сегодня.

Я сжался над нею:

— Вы их получите, даю вам слово.

Она воскликнула:

— Благодарю вас, благодарю! Как вы добры!

Я продолжал:

— А вы помните, что произошло вчера у вас?

— Помню.

— Вы помните, что доктор Паран усыпал вас?

— Помню.

— Так вот, это он велел вам прийти ко мне нынче утром, чтобы взять у меня взаймы пять тысяч франков, и сейчас вы повинуетесь этому внушению.

Немного подумав, она ответила:

— Но ведь их просит мой муж!

Целый час я пытался ее убедить, но не мог ничего добиться.

Как только она ушла, я помчался к доктору. Я столкнулся с ним в дверях его дома, и он выслушал меня, улыбаясь. Затем спросил:

— Теперь верите?

— Да, приходится верить.

— Едемте к вашей родственнице.

Истомленная усталостью, она дремала в шезлонге. Доктор пощупал у нее пульс и некоторое время смотрел на нее, подняв руку к ее глазам; она медленно опустила веки, подчиняясь невыносимому гнету этой магнитической власти.

Усыпив ее, он сказал:

— Ваш муж не нуждается больше в пяти тысячах франков! Вы забудете о том, что просили кузена дать их вам взаймы, и если он заговорит с вами об этом, ничего не будете понимать.

После этого он разбудил ее. Я вынул из кармана бумажник:

— Вот, дорогая кузина, то, что вы просили у меня утром.

Она была настолько удивлена, что я не посмел настаивать. Я попытался все же напомнить ей, но она энергично отрицала, думая, что я смеюсь над нею, и в конце концов чуть не рассердилась.

Вот история! Я только что вернулся домой и не в состоянии был позавтракать — настолько этот опыт взбудоражил меня.

*19 июля.* Многие из тех, кому я рассказывал об этом приключении, посмеялись надо мной. Не знаю, что и думать. Мудрец говорит: «Быть может».

*24 июля.* Я пообедал в Буживале, а вечер провел на балу гребцов. Несомненно, все зависит от местности и окружающей среды. Поверить в сверхъестественное на острове Лягушатни было бы верхом безумия... но на вершине горы Сен-Мишель? Но в Индии? Мы ужасно подвержены влиянию того, что нас окружает. На следующей неделе я возвращаюсь домой.

*30 июля.* Вчера я вернулся домой. Все благополучно.

*2 августа.* Ничего нового. Великолепная погода. Провожу дни, созерцая бегущую Сену.

*4 августа.* Среди моих слуг ссоры. Они утверждают, будто ночью в шкафах кто-то бьет стаканы. Лакей обвиняет кухарку, кухарка обвиняет экономку, экономка — их обоих. Кто виноват? Догадлив будет тот, кто скажет!

*6 августа.* На этот раз я уже не безумец. Я видел... видел... видел!.. Теперь уже нечего сомневаться... Я видел!.. Озабоченность пробирает меня до кончиков пальцев... страх еще пронизывает меня до мозга костей... Я видел!

В два часа дня я гулял на солнцепеке у себя в саду, среди розовых кустов... в аллее расцветающих осенних роз.

Остановившись полюбоваться на «Великаны битв», распустившегося тремя восхитительными цветками, я увидел, ясно увидел, что совсем возле меня стебель одной из этих роз согнулся, как бы притянутый невидимой рукою, а потом сломался, словно та же рука сорвала его! Потом цветок поднялся по дуге, которую могла бы описать рука, подносящая его к чьим-то губам, и один, без опоры, неподвижный, повис пугающим красным пятном в прозрачном воздухе в трех шагах от меня.

В безумном ужасе я бросился схватить его! Но не схватил ничего: он исчез. Тогда я бешено рассердился на самого себя: нельзя же, чтобы у серьезного, рассудительного человека бывали подобные галлюцинации!

Но была ли это галлюцинация? Я повернулся, чтобы отыскать стебель, и тотчас же нашел его на кусте, между двух роз, оставшихся на ветке; излом его был еще свеж.

Тогда я возвратился домой, потрясенный до глубины души; ведь теперь я уверен, так же уверен, как в чередовании дня и ночи, что возле меня живет невидимое существо, которое питается молоком и водой, которое может трогать предметы, брать их и переставлять с места на место, что, следовательно, это существо наделено материальной природой, хотя и недоступной нашим ощущениям, и оно так же, как я, живет под моим кровом...

7 августа. Я спал спокойно. Он выпил воду из графина, но ничем не потревожил моего сна.

Задаю себе вопрос: не сумасшедший ли я? Только что, гуляя вдоль реки на самом солнцепеке, я начал сомневаться, в здравом ли я рассудке, и мои сомнения уже не были неопределенными, как до сих пор, а, наоборот, стали ясными, безусловными. Мне случалось видеть сумасшедших: я знал среди них людей, которые во всем, кроме одного какого-нибудь пункта, сохраняли былое здравомыслие, логичность, даже проницательность. Обо всем они судили толково, всесторонне, глубоко, но внезапно их мысль, задев подводный камень присущего им помешательства, раздирилась в ключья, дробилась и тонула в том яростном, страшном океане, полном взлетающих волн, туманов и шквалов, который зовется *безумием*.

Конечно, я счел бы себя безумным, совершенно безумным, если бы не сознавал, не понимал бы вполне своего состояния, если бы не разбирался в нем, анализируя его с полной ясностью. Итак, меня можно назвать рассуждающим галлюцинантом. В моем мозгу, по-видимому, произошло какое-то неведомое расстройство, одно из тех расстройств, которые для современных физиологов являются предметом наблюдения и изучения, и этим расстройством вызван

глубокий разлад в моем уме, в порядке и последовательности моих мыслей. Подобные явления имеют место во сне, который ведет нас сквозь самые невероятные фантасмагории, и они не удивляют нас, потому что способность проверки и чувство контроля усыплены, между тем как способность воображения бодрствует и работает. А не могло ли случиться так, что один из незаметных клавиш моей мозговой клавиатуры оказался парализованным? Вследствие различных несчастных случаев люди теряют память то на собственные имена, то на глаголы, то на цифры, то на одни хронологические даты. Локализация всех мельчайших функций нашего мышления теперь доказана. Что же удивительного, если способность отдавать себе отчет в нереальности некоторых галлюцинаций в настоящее время у меня усыплена?

Я думал обо всем этом, идя по берегу реки. Солнце заливало светом водную гладь, ласкало землю, наполняло мои взоры любовью к жизни, к ласточкам, чей стремительный полет — радость для глаз, к прибрежным травам, чей шелест — отрада для слуха.

Но мало-помалу необъяснимое беспокойство овладевало мною. Какая-то сила, мне казалось, — тайная сила, сковывала меня, останавливалась, мешала идти дальше, влекла обратно. Меня мучительно тянуло вернуться, как бывает, когда оставишь дома больного любимого человека и тебя охватывает предчувствие, что его болезнь ухудшилась.

И вот я вернулся против собственной воли, в уверенности, что дома меня ждет какая-нибудь неприятная новость: письмо или телеграмма. Ничего этого, однако, не оказалось, и я был озадачен и обеспокоен даже более, чем если бы снова предо мной явилось какое-нибудь фантастическое видение.

*8 августа.* Вчера я провел ужасную ночь. Он больше ничем себя не проявляет, но я чувствую его возле себя, чувствую, как он шпионит за мною, неотвязно смотрит на меня, читает в моих мыслях, подчиняет меня своей власти; прячась таким образом, он более страшен, чем если бы давал знать

о своем невидимом и постоянном присутствии сверхъестественными явлениями.

Тем не менее я спал.

*9 августа.* Ничего, но мне страшно.

*10 августа.* Ничего; что-то будет завтра?

*11 августа.* По-прежнему ничего; я не могу больше оставаться дома, ибо этот страх и эта мысль вторглись мне в душу; я уеду.

*12 августа.* 10 часов вечера. Весь день я хотел уехать и не мог. Хотел выполнить этот акт свободной воли, столь легкий, столь естественный — выйти, сесть в коляску, отправиться в Руан, — и не мог. Почему?

*13 августа.* Есть болезни, при которых все пружины нашего физического существа как будто сломаны, вся энергия уничтожена, все мускулы расслаблены, кости становятся мягкими, как плоть, а плоть жидкой, как вода. Все это я странным и печальным образом ощущаю в моем нравственном существе. У меня нет больше никакой силы, никакого мужества, никакой власти над собой, нет даже возможности проявить свою волю. Я не могу больше хотеть. Но кто-то хочет вместо меня, и я повинуюсь.

*14 августа.* Я погиб. Кто-то овладел моей душой и управляет ею! Кто-то повелевает всеми моими поступками, всеми движениями, всеми моими мыслями. Сам по себе я уже ничто, я только зритель, порабощенный и запутанный всем, что меня заставляют делать. Я хочу выйти. Не могу! Он не хочет, и я, растерянный, трепещущий, остаюсь в кресле, где он держит меня. Я хочу хотя бы только подняться, встать, чтобы почувствовать, что я еще господин над самим собою. И не могу! Я прикован к креслу, а оно так приросло к полу, что никакая сила не поднимет нас.

Потом вдруг оказывается, что мне нужно — нужно, нужно! — идти в сад собирать клубнику и есть ее. И я иду. Собираю ягоды и ем их! О боже мой! Боже мой! Боже мой! Есть ли бог? Если есть, пусть он освободит меня, оградит, спасет. Пощады! Жалости! Милосердия! Спасите меня! О, какая мука! Какая пытка! Какой ужас!

*15 августа.* Несомненно, именно так была одержима и порабощена моя бедная кузина, когда пришла ко мне занимать пять тысяч франков. Она подчинялась посторонней волне, вселившейся в нее, словно другая душа, другая, паразитирующая и господствующая душа. Не приближается ли конец света?

Но каков же он, тот, кто управляет мною, этот Невидимка, этот незнакомец, этот бродяга сверхъестественной породы?

Значит, Невидимки существуют! Тогда почему же, от сотворения мира и до сих пор, они никому не показывались так явственно, как мне? Я никогда не читал о чем-либо похожем на то, что происходит в моем доме. О, если бы я мог покинуть его, если бы мог уехать, бежать и не возвращаться! Я был бы спасен, но я не могу.

*16 августа.* Сегодня мне удалось ускользнуть на два часа, как пленнику, который нашел дверь своей темницы случайно отпертой. Я почувствовал, что стал вдруг свободен, что он далеко. Я приказал поскорей запрягать лошадей и поехал в Руан. О, какая радость, когда можешь сказать: «В Руан!» — человеку, который тебе повинуется.

Я велел остановиться у библиотеки и попросил дать мне объемистый труд доктора Германа Геренштаусса о неизвестных обитателях древнего и современного мира.

Потом, садясь в карету, я хотел сказать: «На вокзал!», — но крикнул (не сказал, а крикнул) так громко, что прохожие обернулись: «Домой!» — и вне себя от тоски упал на подушки экипажа. Он снова меня нашел и снова овладел мною.

*17 августа.* О, какая ночь! Какая ночь! А между тем мне следовало бы радоваться. До часу ночи я читал. Герман Геренштаусс, доктор философии и истории религии, написал историю и указал форму проявления всех невидимых существ, носящихся вокруг человека или измышленных им. Он описывает их происхождение, сферу их действия, их силу. Но ни одно из них не походит на то, которое неотвязно преследует меня. Можно сказать, что человек с тех самых пор, как он мыслит, всегда предчувствовал и боялся какого-то нового существа, более сильного, чем он, своего преемника

в этом мире, и, чувствуя близость этого властелина, но не умев разгадать его природу, в смятении своем создал целое фантастическое племя сверхъестественных существ, неясных призраков, порожденных страхом.

Так вот, почитав до часу ночи, я усился возле отворенного окна, чтобы освежить голову и мысли тихим ночных ветром.

Стояла хорошая погода, было тепло. Как я любил такие ночи раньше!

Луны не было. В глубине черного неба трепетно мерцали звезды. Кто населяет эти миры? Какие там формы, какие существа, какие животные, какие растения? Мыслящие существа этих далеких вселенных больше ли знают, чем мы? Могущественнее ли они, чем мы? Способны ли они видеть что-либо из того, что остается непознанным нами? И не явится ли когда-нибудь одно из них, преодолев пространство, на нашу Землю, чтобы покорить ее, как норманны пересекали море, чтобы поработить более слабые народы?

Мы ведь так немощны, так безоружны, так невежественны, так ничтожны на этом врачающемся комочке грязи, разжиженном каплей воды!

Думая над этим, я задремал под дуновением свежего ночного ветра.

Пропав минут сорок, я открыл глаза, но не двигался, разбуженный каким-то странным, непонятным ощущением. Сначала я не заметил ничего, но потом вдруг мне почудилось, что страница книги, лежавшей на столе, перевернулась сама собою. Из окна не проникало ни малейшего дуновения. Я удивился и ждал. Минуты через четыре я увидел, да, увидел воочию, как следующая страница приподнялась и легла на предыдущую, словно ее перевернула чья-то рука. Мое кресло было пустым, казалось пустым, но я понял, что он там, что он, сидя на моем месте, читает. Бешеным прыжком, прыжком разъяренного зверя, готового распороть брюхо своему укротителю, я пересек комнату, чтобы схватить его, задушить, убить! Но кресло, прежде чем я подскочил к нему, опрокинулось, будто кто-то бросился бежать от меня... стол качнулся, лампа упала и погасла, а окно шум-

но закрылось, словно его с размаху захлопнул грабитель, который ринулся в ночь, спасаясь от погони.

Значит, он бежал, он боялся, боялся меня!

Если так... если так... тогда завтра... или послезавтра... или когда-нибудь в другой раз... мне все же удастся сгрести его и раздавить! Разве собаки не кусают, не душат иногда своих хозяев?

*18 августа.* Я думал целый день. О, да, я буду ему повиноваться, следовать его внушениям, выполнять его приказания, стану кротким, покорным, трусливым! Он сильнее. Но мой час придет...

*19 августа.* Я знаю... знаю... знаю все! Я только что прочитал в *Обозрении научного мира* следующее: «Из Риоде-Жанейро нами получено довольно любопытное известие. Некое безумие, эпидемическое безумие, подобное заразному помешательству, охватывавшему народы Европы в средние века, свирепствует в настоящее время в провинции Сан-Паоло. Растерянные жители покидают дома, бегут из деревень, бросают свои поля, утверждая, будто их преследуют, будто ими овладевают и распоряжаются, как людским стадом, какие-то невидимые, хотя и осозаемые существа, вроде вампиров, которые пьют их жизнь во время сна и, кроме того, питаются водою и молоком, не трогая, по-видимому, никакой другой пиши.

Профессор дон Педро Энрикес с несколькими врачами выехал в провинцию Сан-Паоло, чтобы на месте изучить источники и проявления этого внезапного безумия и доложить императору о мероприятиях, которые представляются наиболее целесообразными, чтобы возвратить умственное равновесие обезумевшему населению».

Так, так! Теперь я припоминаю, припоминаю прекрасный бразильский трехмачтовик, проплыvший под моими окнами вверх по Сене 8 мая этого года! Он был таким красивым, таким белоснежным, таким веселым! На нем и приплыло Существо, приплыло оттуда, где зародилось его племя! И оно увидело меня! Оно увидело мой дом, такой же белый, и спрыгнуло с корабля на берег. О боже!

Теперь я знаю, я догадываюсь! Царство человека кончилось.

Пришел он, Тот, перед кем некогда испытывали ужас первобытные пугливые племена, Тот, кого изгоняли встревоженные жрецы, кого темными ночами вызывали колдуны, но пока что не видели, Тот, кого предчувствия преходящих владык земли наделяли чудовищными или грациозными обликами гномов, духов, гениев, фей, домовых. Миновали времена грубых представлений, внущенных первобытным страхом, и люди, более проницательные, стали предчувствовать его яснее. Месмер угадал его, а вот уже десять лет, как и врачи с полной точностью установили природу его силы, прежде чем он сам проявил ее. Они стали играть этим оружием нового божества — властью таинственной воли над порабощенной человеческой душой. Они назвали это магнетизмом, гипнотизмом, внушением... и как-то там еще. Я видел, как они, словно неразумные дети, забавлялись этой страшной силой! Горе нам! Горе человеку! Он пришел, он... как назвать его... он... кажется, он выкрикивает мое свое имя, а я его не слышу... он... да... он выкрикивает имя... Я слушаю... я не могу... повтори!.. Орля... Я рассыпал... Орля... это он... Орля... он пришел!

Ах! Ястреб заклевал голубку; волк растерзал барана; лев пожрал остророгого буйвола; человек убил льва стрелою, мечом, порохом; но Орля сделает с человеком то, что мы сделали с лошадью и быком: он превратит его в свою вещь, в своего слугу, в свою пищу — единственно силой своей власти. Горе нам!

Однако животное иногда выходит из повиновения и убивает того, кто его укротил... я тоже хочу... я бы мог... но нужно знать его, касаться его, видеть! Ученые утверждают, что глаз животного, не похожий на наш, не видит того, что видим мы... Так и мой глаз не может увидеть пришельца, который меня угнетает.

Почему? О, теперь я припоминаю слова монаха с горы Сен-Мишель: «Разве мы видим хотя бы стотысячную часть того, что существует? Возьмите, например, ветер, который является величайшою силой природы; который валит с ног

людей, разрушает здания, вырывает с корнем деревья, вздымает на море горы воды, опрокидывает береговые утесы и разбивает о подводные скалы большие корабли, ветер смертоносный, свистящий, стонущий, ревущий, — разве вы его видели, разве можете видеть? Однако он существует!»

И я подумал еще: мое зрение столь слабо, столь несовершенно, что не различает даже твердых тел, когда они прозрачны, как стекло. Если стекло без амальгамы преградит мне дорогу, я натолкнусь на него, как птица, которая, залетев в комнату, разбивает себе голову об оконные стекла. Кроме этого, множество других явлений вводит в заблуждение, обманывает мой взор. Что же тогда удивительного, если глаза мои не в состоянии увидеть новое тело, сквозь которое проходит свет?

Новое существо! А почему бы и нет? Оно, конечно, должно появиться! Почему бы нам, людям, быть венцом творения? Мы не постигаем это существо, как и все, созданное до нас. Это потому, что его природа более совершенна, тело более тонко и более закончено, чем наше. А ведь наше тело, столь слабое, столь неразумно задуманное, обремененное органами, вечно усталыми и вечно напряженными, как слишком сложные пружины, наше тело, которое живет, как растение и как животное, с трудом питаясь воздухом, травой и мясом, — что такое наше тело, как не животный организм, подверженный болезням, уродствам, гниению, одышке, плохо отрегулированный, примитивный и прихотливый, на редкость неудачно сделанный, грубое и вместе с тем хрупкое творение, черновой набросок существа, которое могло бы стать разумным и прекрасным?

В этом мире так мало разнообразия в живых существах от устрицы до человека! Почему же тогда не быть еще одному существу, если закончен период последовательного появления определенных видов?

Почему не быть еще одному? Почему бы так же не быть другим деревьям — с огромными ослепительными цветами, наполняющими благоуханием целые страны? Почему не быть другим стихиям, кроме огня, воздуха, земли и воды? Их четыре, только четыре, этих созидателей и кормильцев всего

живого! Какая жалость! Почему их не сорок, не четыреста, не четыре тысячи? Как все убого, бедно, ничтожно! Как все скучно отпущено, скучно задумано, грубо сделано! Слон, гипопотам — что за грация! Верблюд — что за изящество!

Но, скажете вы, а бабочка, этот летающий цветок? Да, но я мечтаю о другой бабочке, огромной, как сотня вселенных, а форму, красоту, цвет и движение ее крыльев я даже не в силах выразить. Но я вижу ее... со звезды на звезду несется она, освежая их и навевая аромат гармоничным и легким дуновением своего полета!.. И народы, обитающие там, вверху, восхищенные и очарованные, смотрят, как она пролетает!..

Что со мной? Это он, он, Орля, преследует меня, виноватает мне эти безумные мысли! Он во мне, он стал моей душой; я убью его!

*19 августа.* Я убью его! Я его видел! Вчера вечером я сел за стол и притворился, будто сосредоточенно пишу. Я знал, что он явится и начнет бродить вокруг меня, близко, так близко, что, быть может, мне удастся прикоснуться к нему и схватить его. А тогда... тогда во мне пробудится вся сила отчаяния: я пущу в ход руки, колени, грудь, лоб, зубы, чтобы задушить его, раздавить, загрызть, растерзать!

И я подстерегал его всеми своими возбужденными нервами.

Я зажег обе лампы и восемь свечей на камине, словно мог обнаружить его при таком освещении.

Прямо напротив меня — моя кровать, старинная дубовая кровать с колонками; направо — камин, налево — старатально запертая дверь, которую я перед этим надолго оставил открытой, чтобы приманить его; сзади — очень высокий зеркальный шкаф, перед которым я каждый день бреюсь, одеваюсь и, по привычке, проходя мимо, постоянно осматриваю себя с головы до ног.

Итак, чтобы обмануть его, я притворился, будто пишу, потому что он тоже следил за мною; и вдруг я почувствовал, ясно ощутил, что он читает из-за моего плеча, что он

тут, что он касается моего уха.

Я вскочил и, протянув руки, обернулся так быстро, что чуть не упал... И что же?.. Было светло, как днем, а я не увидел себя в зеркале!.. Залитое светом, оно оставалось пустым, ясным, глубоким. Моего отражения в нем не было... а я стоял перед ним! Я видел огромное стекло, ясное сверху донизу. Я смотрел безумными глазами и не смел шагнуть вперед, не смел пошевельнуться, хотя и чувствовал, что он тут; я понимал, что он опять ускользнет от меня, — он, чье неощутимое тело поглотило мое отражение.

Как я испугался! Потом вдруг я начал различать себя в глубине зеркала, но лишь в каком-то тумане, как бы сквозь водяную завесу; мне казалось, что эта вода медленно струится слева направо и мое отражение с минуты на минуту проясняется. Это было похоже на конец затмения. То, что заслоняло меня, как будто не имело резко очерченных контуров, а походило скорее на туманность, которая мало-помалу таяла.

Наконец я мог с полной ясностью различить себя, как это бывало каждый день, когда я смотрелся в зеркало.

Я видел его! Доныне содрогаюсь от ужаса при этом воспоминании.

*20 августа.* Убить его, но как? Ведь я не могу его настигнуть! Ядом? Но он увидит, как я подмешиваю яд в воду; а, кроме того, подействуют ли наши яды на его неощутимое тело? Нет... конечно, нет... но тогда... как же тогда?..

*21 августа.* Я вызвал из Руана слесаря и заказал ему для спальни железные ставни, какие из боязни грабителей делают в первых этажах особняков в Париже. Кроме того, он сделает мне такую же дверь. Пусть меня считают трусом, — мне все равно!..

*10 сентября.* Руан, гостиница «Континенталь». Дело сделано... сделано... но умер ли он? Я видел нечто такое, что потрясло меня до глубины души.

Итак, вчера, чуть только слесарь навесил железные ставни и дверь, я все оставил открытым до полуночи, хотя уже

становилось холодно.

Вдруг я почувствовал, что он здесь, — и радость, сумасшедшая радость охватила меня. Я медленно поднялся, стал ходить из угла в угол по комнате и ходил долго, чтобы он ни о чем не догадался; потом снял ботинки и лениво надел туфли; потом закрыл железные ставни и, спокойно подойдя к двери, запер ее на два поворота ключа. Вернувшись вслед за этим к окну, я запер и его на замок, а ключ спрятал в карман.

Я понял сразу, что он заметался возле меня, что теперь и он испуган, что он приказывает мне отпереть. Я чуть было не уступил, но все же устоял и, прижавшись спиной к двери, приоткрыл ее ровно настолько, чтобы, пятясь, прошмыгнуть самому; я очень высокого роста, а потому задел головой за притолоку. Я был уверен, что он не мог ускользнуть, и запер его совсем одного, совсем одного! Какая радость! Он был в моих руках! Тогда я бегом спустился вниз; в гостиной, находящейся под спальней, я схватил обе лампы, вылил из них масло на ковер, на мебель, потом поджег все это и бросился бежать, предварительно заперев на два поворота ключа парадную дверь.

И я спрятался в глубине сада, в чаще лавровых деревьев. О, как долго я ждал, как долго! Все было черно, безмолвно, неподвижно; ни ветерка, ни звезд, только громады невидимых облаков, которые тяжело, так тяжело давили мне душу.

Я смотрел на свой дом и ждал. Как долго это тянулось! Я уже думал, что огонь потух сам собой, или он его потушил, но вот одно из нижних окон треснуло под напором огня, и пламя, огромное, красно-желтое пламя, длинное, гибкое, ласкающее, взметнулось вдоль белой стены и лизнуло ее до самой крыши. Свет пробежал по деревьям, ветвям, листьям, а с ним пробежала и дрожь, дрожь ужаса! Встрепенулись птицы, завыла какая-то собака: мне показалось, что наступает рассвет! Тотчас разлетелись еще два окна, и я увидел, что весь нижний этаж моего жилища превратился в ужасный пылающий костер. И вдруг крик, страшный, пронзительный, душераздирающий крик, крик женщины проре-

зал ночь, и оба окна в мансарде раскрылись! Я забыл о слугах! Я видел их обезумевшие лица, их воздетые руки!..

Тогда, потеряв голову от ужаса, я бросился в деревню, крича: «На помощь! На помощь! Пожар! Пожар!» Я встретил людей, которые уже спешили ко мне, и вернулся с ними, чтобы видеть все.

Теперь весь дом был уже только ужасным и великолепным костром, чудовищным костром, освещавшим все вокруг, костром, на котором сгорали люди и сгорал также Он, Он, мой пленник, новое Существо, новый повелитель — Орля!

Вдруг вся крыша рухнула внутрь, и вулкан пламени взметнулся до самого неба. Сквозь окна я видел огненную купель и думал, что Он там, в этом жерле, мертвый.

Мертвый? Да так ли? А его тело? Ведь его светопроницаемое тело не уничтожить средствами, убивающими наши тела!

Что, если он не умер?.. Быть может, одно лишь время властно над Существом Невидимым и Грозным. К чему же эта прозрачная оболочка, эта непознаваемая оболочка, эта оболочка Духа, если и ей суждено бояться болезней, ран, немощи, преждевременного разрушения?

Преждевременного разрушения! Весь человеческий страх объясняется этим! После человека — Орля! После того, кто может умереть от любой случайности каждый день, каждый час, каждую минуту, пришел тот, кто может умереть только в свой день, в свой час, в свою минуту, лишь достигнув предела своего бытия!

Нет... нет... несомненно... несомненно... он не умер... Значит... значит, я должен убить самого себя!

Ян Непуза

Валчур



# Вампиръ.

РАЗСКАЗЪ Н Е Р У Д А.

Увеселительный пароход привез нас из Константинополя к острову Принципо, на берег которого мы и высадились. Общество было невелико: одно польское семейство, состоящее из отца, матери, дочери и ее жениха, и затем мы двое. Да, чтобы не забыть, — уже на мосту, переброшенном через Золотой Рог, в Константинополе, к нам присоединился грек, совсем молодой человек, быть может, живописец, судя по папке, которую он держал под рукой. Длинные черные локоны спадали ему на плечи, лицо было бледно, и черные глаза смотрели из глубоких впадин. В первый момент он заинтересовал меня, главным образом, своей предупредительностью и точным знанием местности. Но он говорил слишком много, и скоро интерес к нему у меня пропал.

Но тем приятнее показалось мне польское семейство. Отец и мать — хорошие, почтенные люди, жених — молодой, изящный господин с изысканными манерами. Они ехали на остров Принципо, чтобы провести здесь несколько летних месяцев из-за дочери, которая была не совсем здорова. Красивая, бледная девушка была или в периоде выздоровления после тяжелой болезни, или, быть может, болезнь только еще развивалась в ней.

Она опиралась на руку своего жениха, охотно останавливалась и отдыхала, частый и сухой кашель прерывал их тихий разговор друг с другом. Каждый раз, когда она кашляла, ее спутник заботливо замедлял шаги и сочувственно взглядал на нее; между тем она, казалось, хотела ему сказать: «Это ничего... я все же счастлива!» Они твердо верили в счастье и здоровье.

По указанию грека, который тотчас же простился с нами на молу, польское семейство сняло себе помещение на взгорье. Хозяин гостиницы был француз, и весь дом, красивый и удобный, был устроен по французскому образцу.

Мы позавтракали все вместе и, когда спала полдневная жара, отправились на вершину горы в кедровый лес, чтобы насладиться красивыми видами. Едва мы выбрали подходящее место, чтобы расположиться, как около нас снова появился грек. Он послал нам легкий поклон, осмотрелся и сел всего в нескольких шагах от нас. Он открыл свою папку и начал рисовать.

— Я подозреваю, — сказал я, — что он нарочно сел так близко к утесу, чтобы мы не могли видеть его рисунка.

— Нам вовсе и не нужно, — сказал молодой поляк, — заглядывать к нему в папку. С нас достаточно того, что мы видим здесь, вокруг себя.

Через минуту поляк прибавил еще:

— Мне кажется, что мы просто служим ему для оживления ландшафта, — ну и пусть!

И в самом деле, перед нами было достаточно всего, чтобы смотреть. Нет более красивого и более счастливо расположенного уголка на земле, чем этот Принципо.

Политическая мученица Ирина, современница Карла Великого, прожила здесь один месяц в «изгнании». Если бы мне можно было провести здесь один-единственный месяц в моей жизни, то всю свою жизнь я был бы счастлив воспоминанием об этом. Единственный день, прожитый мною здесь, я никогда не забуду!

Воздух был прозрачен, как алмаз, и так нежен и мягок, что казалось, будто душа уносится на его волнах в даль. Справа над морем возвышались темные горы Азии, слева синел вдали крутой берег Европы. Вблизи подымался Эхалкос, один из девяти островов Архипелага, со своими кипарисовыми лесами, словно печальное сновидение. Наверху, среди его деревьев, виднелось большое здание — приют для душевнобольных.

Вода Мраморного моря была слегка взволнована и, как светящийся опал, играла всеми цветами. Вдали море каза-

лось молочным, затем между двумя островами оно розовело, как кроваво-красные померанцы, и еще дальше внизу оно переходило в голубовато-зеленый цвет, прозрачный, как сапфир. И оно было одно со своей дивной красотой, — нигде не виднелось ни одного большого корабля, и только две маленькие барки под английским флагом маневрировали вдоль берегов. Одна из них была паровым судном, величиной не больше сторожевой будки, другая имела на борту около двенадцати гребцов; и когда они, как один человек, подымали вверх свои весла, с них каплями стекала вода, как расплавленное серебро. Дельфины доверчиво кружились под ними и длинными изгибами проносились над морем. Иногда в голубом пространстве спокойно рассекал воздух орел, измеряя расстояние между двумя частями света. Весь склон горы под нами был усеян цветущими розами, запах которых наполнял воздух. Из ресторана на берегу моря по чистому воздуху доносились к нам издали заглушенные звуки музыки.

Впечатление было поражающее. Мы впали в глубокое молчание и всей душой впитывали в себя неземную картину. Молодая полька лежала на траве и головой прислонилась к плечу своего возлюбленного. Бледный овал ее изящного лица слабо порозовел, и из ее голубых глаз вдруг брызнули слезы. Жених с глубоким сочувствием наклонился над ней и своими поцелуями снимал с ее щек одну слезу за другой. У ее матери также показались слезы, и мне было... удивительно хорошо.

— И душа, и тело должны здесь выздороветь, — прошептала девушка. — Как счастлива эта местность!

— Богу известно, что у меня нет врагов, но если б они у меня были, то здесь я бы простил им всем, — проговорил отец дрожащим голосом.

И снова все замолчали. Всем было так хорошо, так невыразимо хорошо! Каждый чувствовал в себе целый мир счастья, и каждый готов был поделиться своим счастьем со всем миром. У всех было одно и то же чувство, и поэтому никто не мешал друг другу. Мы не заметили даже, как, спустя некоторое время, грек поднялся с земли, закрыл свою пап-

ку и, слегка поклонившись, ушел. Мы остались...

Наконец, спустя несколько часов, когда горизонт, на юге волшебно-прекрасный, начал понемногу темнеть, мать предложила идти. Мы поднялись и, направляясь к гостинице, медленно спускались по склону вольным шагом, как беззаботные дети.

Вернувшись в гостиницу, мы заняли красивую веранду. Едва мы расположились на ней, как услышали внизу, под верандой, спор и бранные слова.

Наш грек бранился с хозяином гостиницы, и это развеселило пас. Разговор продолжался недолго.

— Если б у меня тут не было еще других гостей... — проворчал хозяин гостиницы и по ступенькам поднялся к нам на веранду.

— Скажите, пожалуйста, кто этот господин, как его зовут? — спросил молодой поляк приближавшегося к нему хозяина.

— Э!.. кто его знает, как называется этот молодец! — проговорил хозяин и злобно посмотрел вниз. — Мы называем его вампиrom!

— Он живописец?

— Хорошее ремесло! Рисует только трупы! Как только кто-нибудь умирает в Константинополе или здесь в окрестностях, он в тот же самый день срисовывает лицо умершего. Негодяй рисует уже заранее и никогда не ошибается! Он — словно коршун!

Старушка-полька вскрикнула в испуге — на ее руках лежала бледная дочь без сознания.

А жених в несколько прыжков сбежал вниз, схватил одной рукой грека за грудь, а другой вырвал у него папку.

Мы бросились вслед за ним, оба мужчины с осторженением боролись уже на земле.

Папка лежала раскрытая, и на одном листе... голова молодой польки была нарисована карандашом... с закрытыми глазами, с мицовым венком на лбу...

Орасио Курога

*Подушка*

Словно в непрерывном ознобе провела она свой медовый месяц. Суровый характер мужа сковывал льдом наивные девичьи мечты этого робкого белокурого ангела. Тем не менее она его горячо любила, хотя порой невольно вздрагивала, когда по вечерам, возвращаясь с прогулки, украдкой окидывала взором высокую фигуру Хордана, вот уже целый час погруженного в свои мысли. Он также в душе питал к ней глубокое, но по-мужски сдержанное чувство.

Три месяца — поженились они в апреле — новобрачные прожили на свой лад счастливо. Алисии хотелось бы, разумеется, чтобы небо ее любви было не таким угрюмым и холодным, хотелось нежности более пылкой и щедрой, но беспристрастное лицо супруга неизменно сдерживало ее порывы.

Дом, в котором они поселились, вызывал в ней ужас. В пустынном патио белизна мраморных статуй, фризов и колонн дышала сказкой о заколдованным дворце, уснувшем среди осеннего увядания. Во внутренних покоях снежное сверкание оштукатуренных, совершенно голых стен усиливало ощущение тревожного холода. Самые легкие шаги гулким эхом отдавались по всему дому, как будто чувствительность его обострилась оттого, что он долго пустовал.

В этом странном гнезде любви Алисия провела всю зиму. В конце концов она задернула флером девичьи мечты и жила во враждебном доме словно погруженная в дремоту, не желая ни о чем думать, пока не возвращался муж.

Не удивительно, что она худела. А тут еще привязался грипп, поначалу легкий, но коварный: болезнь затянулась, и Алисия никак не могла от нее оправиться. Но вот как-то вечером она собралась с силами и, опираясь на руку мужа, вышла в сад. Безучастно глядела она по сторонам. Неожиданно Хордан медленно, с глубокой нежностью погладил ее по голове, и Алисия, бросившись к нему на шею, разрыдалась. Долго изливалась она в слезах свой затаенный испуг и при малейшей ласке Хордана принималась еще пуще всхлипывать. Постепенно рыдания стихли, но Алисия, неподвижная и безмолвная, все еще прятала лицо на груди мужа.

После этого вечера Алисия уже не вставала с постели. Не успела она утром открыть глаза, как потеряла сознание.

Домашний врач после внимательного осмотра предписал ей полный покой.

— Не знаю, в чем дело, — сказал он Хордану на прощанье. — Какая-то непонятная слабость. Ни рвоты, ничего... Если завтра не станет лучше, пошлите за мной немедленно.

На следующее утро Алисии стало хуже. Созвали консилиум. У больной нашли быстро прогрессирующую и совершенно необъяснимое малокровие. Обмороков с Алисией больше не случалось, но она таяла на глазах. Весь день в освещенной люстрами спальне царила мертвая тишина. Целые часы протекали без малейшего шороха. Алисия дремала. Хордан почти неотлучно находился в гостиной, где свет горел круглые сутки. Как заведенный, ходил он из угла в угол. Ковер заглушал его шаги. Время от времени он входил в спальню и безмолвно кружил возле кровати, на секунду останавливаясь то у изголовья, то в ногах, чтобы взглянуть на жену.

Вскоре Алисию стали преследовать галлюцинации. Призраки вначале неясно маячили в воздухе, затем осели на пол. Молодая женщина не сводила безумно расширенных глаз с ковра по обе стороны от изголовья. Однажды ночью она вдруг замерла, неподвижно вперив взор в одну точку. Рот ее испуганно приоткрылся, на губах и носу выступили капельки пота.

— Хордан! Хордан! — закричала она, цепенея от ужаса, не в силах отвести взгляда от ковра.

Хордан примчался в спальню, но, увидев его, Алисия завопила как безумная.

— Это я, Алисия, это я, — успокаивал ее Хордан.

Алисия потерянно переводила взгляд с мужа на ковер, потом снова на мужа и лишь после долгого недоуменного сравнения пришла в себя, улыбнулась, взяла руку Хордана и, дрожа всем телом, долго гладила ее.

Чаще всего Алисии мерещилась громадная человекообразная обезьяна, которая, опершись передними лапами о ковер, пожирала ее глазами.

Врачи бессильно разводили руками. Непостижимым образом больная как будто истекала кровью — капля за каплей, день за днем, час за часом... Во время последнего консилиума Алисия лежала в оцепенении, пока врачи выслушивали ее, передавая друг другу точно безжизненную куклу. Они долго молча ее осматривали, затем перешли в столовую. Старший врач растерянно пожал плечами:

— Загадочный случай... Тут ничем не поможешь...

— Не хватало только вашего приговора! — буркнул Хордан и внезапно забарабанил пальцами по столу.

Алисия таяла на глазах; ее странный бред начинался обычно под вечер, стихая сразу после полуночи. За день болезнь ее не обострялась, но каждое утро она просыпалась мертвенно-бледная, чуть не в обмороке. Казалось, именно по ночам иссякала в ней кровь — источник жизни. Пробуждаясь от сна, она чувствовала себя раздавленной непомерной тяжестью. С третьего дня болезни это ощущение уже не покидало ее. Она с трудом поворачивала голову. Не позволяла перестилать себе постель и даже взбивать подушку. Вечерние кошмары подкрадывались теперь к ней в обличье чудовищ, которые, сгрудившись у кровати, пытались вскарабкаться на одеяло.

Затем Алисия потеряла сознание. Два последних дня она не переставала бредить. По-прежнему в спальне и гостиной торжественно, как на похоронах, горели люстры. В зловещем безмолвии дома слышался лишь монотонный бред умирающей да глухие отзвуки неумолчных шагов Хордана.

Наконец Алисия умерла. Служанка, которая вошла в спальню прибирать опустевшую кровать, вдруг с удивлением стала разглядывать подушку.

— Сеньор! — негромко позвала она Хордана. — На подушке словно бы кровавые пятна...

Хордан поспешил приблизиться, нагнулся над подушкой. В самом деле, по обе стороны вмятины, где покоилась голова Алисии, на наволочке виднелись темные пятнышки. Служанка еще несколько минут молча и неподвижно разглядывала их, затем пробормотала:

— Похоже на укусы...

— Поднеси к свету, — распорядился Хордан.

Служанка подняла подушку, но тут же в ужасе выронила и уставилась на нее, бледная и дрожащая. Хордан почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове.



— Что случилось? — хрипло выдавил он.

— Очень уж тяжелая... — с трудом проговорила служанка, которую трясло, словно в лихорадке.

Хордан поднял подушку — словно камнями набита — и понес в столовую. Там на обеденном столе он одним взмахом ножниц вспорол наволочку и чехол. Верхние перья разлетелись, и служанка, судорожно вцепившись руками в гладко зачесанные волосы, дико завопила: среди перьев, медленно шевеля мохнатыми лапами, копошился живой клейкий комок — чудовищное насекомое. Его так раздуло, что хоботок едва выделялся.

Каждую ночь, с тех пор как Алисия слегла, клещ незаметно впивался в виски несчастной, высасывая из нее кровь. Укус был почти неощутим. Вначале, когда подушку взбивали и переворачивали, это умеряло аппетит кровопийцы; но

как только молодая женщина перестала подниматься, чудовище принялось сосать с удесятеренной жадностью. В пять суток оно доконало Алисию.

Птичий клещи, обычно крошечные, достигают порой огромных размеров. Человеческая кровь особенно, кажется, идет им на пользу, и нередко их находят в подушках из перьев.

Стефан Орадинский

Белый ворак

(Всё о жизни трудолюбия)

Был я в те поры еще молодым подмастерьем, вот как вы, любезные мои, и работа ладно спорилась у меня в руках. Мастер Калина — упокой, Господи, справедливую душу его — не раз говорил: тебе, мол, первому после меня надлежит заступить мастером, и величал меня не иначе, как гордостью цеха трубочистов. И в самом деле, ноги у меня были сильные, а локтями я упирался в дымволоке крепко — мало кто так умеет.

На третьем году службы получил я в помощь двух молодых парней и начал обучать их ремеслу. Вместе с мастером было нас семеро; кроме меня Калина, держал еще двух подмастерьев и трех учеников на подручных работах.

Жили мы дружно. В праздники и воскресные дни собирались всей братией у мастера потолковать за пивом, а зимой — около печки за горячим чаем, песни пели, все новости обговаривали, смотришь, нежданно-негаданно вечер спустился, будто гиря со щеткой в обрывистую горловину печного дымохода.

Калина — человек грамотный, разумный, свет повидал, не один дымоход, как говорится, вычистил. Был немного философом, книги весьма даже уважал, газету для трубочистов издавать собирался. Однако в делах веры не мудрствовал лукаво, а, как быть положено, с покорностию почитал Святого Флориана, нашего покровителя.

После мастера прилепился я всей душой к младшему подмастерью, Юзеку Бедроню, — парнишка чистое золото, полюбился он мне за доброе, приветное, как у ребенка, сердце. Да недолго пришлось радоваться дружбе с милым пареньком!

Другой товарищ наш, угрюмый молчун Осмулка, держался замкнуто, веселья сторонился, а работник из него знатный был и заядлый. Калина ценил его чуть не выше всех, на люди все его тянул, да без особого успеха.

Зато вечерами у мастера Осмулка сиживал охотно в темном своем углу, все на свете забывая, про былое слушал и

верил той были неукоснительно.

Никто не умел так рассказать, как наш «старик». Историями да сказами — один другого интересней, — не запнувшись, сыпал: кончал одну историю, начинал другую, припletteл третью, и — на весь вечер. И в каждой бывальщине своя глубокая мысль, сокровенная, для отвода глаз шутками-прибаутками расцвеченная. Только вот мы тогда молоды да глупы были, из сказов его чему посмешнее радовались, на безделицы словесные, для сокрытия главного приправленные, и попадались. Один Осмулка проницательный в самую сердцевину «сказок» Калиновых вникал и все за правду почитал. Потому как мы-то промеж себя потихоньку все эти рассказы называли «небылицами». Интересные речи наш мастер вел: страшно порой, мороз пробирал, волосы на голове со страха шевелились, а все ж таки — «сказки» да «небылицы». Вот жизнь-то и наказала нас вскорости, и глянули мы на его сказки другими глазами...

Как-то в середине лета на вечерние наши побасенки не пришел Осмулка, до самой ночи так и не явился в свой темный угол за буфетом.

— Наверняка где-нибудь с девушками хороводится, — пощучивал Бедронь, хоть и знал, Осмулка — парень стеснительный, с женщинами не больно-то шуры-муры разводить сподручен.

— А ну тебя, не болтай лишнего, — одернул его Калина.  
— Малохольный он у нас, небось дома медведем, как в чащобе, залег и лапу сосет.

Вечер тянулся вяло и грустно — самого усердного слушателя впрямь недоставало.

На следующий день забеспокоились мы не на шутку: Осмулка на работу к десяти утра, как положено, не вышел. Подмастерье-то, видать, заболел, всполохнулся Калина и отправился навестить его. Да застал одну старушку мать, озабоченную отсутствием сына: Осмулка как ушел накануне утром, так по сю пору ни слуху ни духу о нем.

Калина порешил на розыски самому отправиться.

— Осмулка — сумасброд. Бог его знает, что натворил. Может, где хоронится?

Понапрасну искал его мастер до полудня. А после вспомнил — накануне предстояла подмастерью работа в старом пивоваренном заводе за городом, и направился туда разузнать, что и как.

И в самом деле: был вчера с утра подмастерье в пивоварне, вычистил дымоход, а за платой не явился.

— В котором часу работу кончил? — расспрашивал Калина седого как лунь старика в дверях какой-то пристройки на дворе пивоварни.

— Ничего не ведаю, пан мастер. Ушел парень тайком, мы и знать не знали — спешил, видать, больно, к нам и за расчетом не заглянул. Улетучился парень, что твоя камфора.

— Гм, — проворчал Калина задумчиво. — И всегда-то чудак-чудаком. Хорошо ли хоть работу сделал? Как сейчас? Тяга нормальная?

— Да не больно-то. Невестка жаловалась поутру — опять печь дымит. Ежели и завтра дымить начнет, попрошу уж вас заново прочистить.

— Сделаем, — отрезал мастер сердито — как это недовольны его подмастерьем, — и всерьез озабочился отсутствием всяких вестей о парне.

Вечером собрались мы на совместную трапезу расстроенные и рано разошлись по домам. Назавтра все то же: про Осмулку ни слуху ни духу — будто камень в воду.

После полудня с пивоварни прислали паренька с заказом вычистить дымоход — коптит как дьявол.

Бедронь отправился около четырех. И не вернулся. Я работал в другом месте, когда Калина его посыпал, и ничего не знал. Увидев под вечер серьезные лица товарищей и мастера — хмурого, чернее тучи, я испугался: кольнуло недоброе предчувствие.

— Где Юзек? — Я понапрасну высматривал Бедроня среди собравшихся.

— Не вернулся с пивоварни, — мрачно отрезал мастер.

Я вскочил, да Калина силой усадил меня на место:

— Одного не пущу. Хватит. Завтра с утра отправимся вместе. Лишенко, а не пивоварня. Уж я вычищу им дымоход!

Заснуть так и не удалось. Едва рассвело, надел я кожаный кафтан, тую стянул пояс застежкой, натянул на голову подшлемник с зажимами и, перебросив через плечо щетки с гилями, постучался к мастеру.

Калина ждал.

— Возьми-ка топорик, — протянул он вместо приветствия, видать, только что наточенный топорик. — Скорее пригодится, чем щетки да скребки.

Я молча захватил инструмент, и мы поспешили к пивоваренному заводу.

Прекрасное августовское утро, тишина такая, аж звенит в ушах, город еще спит. Миновав рыночную площадь и мост через реку, повернули бульварами влево и вышли на обсаженную тополями дорогу за город.

До пивоварни путь неблизкий. Через четверть часа быстрой ходьбы сошли с дороги и направим к через покосы срезали путь к пригородной рощице. В отдалении над ольшаником показались медные крыши пивоваренных строений.

Калина стянул с головы подшлемник, перекрестился и, беззвучно шевеля губами, начал читать молитву. Я шел рядом и молчал — не хотелось мешать ему. Скоро мастер надел подшлемник, крепко стиснул топорик и тихо повторил:

— Лищенко, а не пивной завод. Пива уж лет десять не варят. Старая развалина и только. Последний пивовар, Розбань, говорят, обанкротился, да с горя повесился. Семья за бесценок продала городу строения, весь инвентарь и уехала. Преемник до сих пор не объявился. Котлы и машины наверняка никудышные, устарели совсем, а новые поставить не всякий сподобится — рисковать кому охота!

— А кто же велел чистить трубу? — спросил я с облегчением — наконец-то угнетающее молчание было нарушено.

— Говорят, какой-то садовник из пригорода с месяцем назад почти задаром въехал в пустующую пивоварню с женой и стариком-отцом. Помещений много, места хватает, там и несколько семей разместиться найдут где. Верно, переехали во внутренние комнаты — там потеплее, да и не такое запустение, — и живут себе задешево. А тяги у них нету, потому как старые трубы здорово сажей забиты. Давно не чисти-

ли... Не люблю я эти старые закоптевые трубы, — добавил он, задумчиво помолчав.

— А почему? Работы с ними больше?

— Глуп ты еще, молод. Боюсь я их — понимаешь? Боюсь я старых, годами не тронутых щетками, не чищенных скребками черных пропастей, — разобрать лучше такой дымоход и сложить новый, чем людей нанимать чистить.

Я глянул на Калину. Лицо его странно исказилось страхом и каким-то затаенным отвращением.

— Да что с вами, пан мастер?!

А он, ничего не замечая, продолжал говорить, устремив взгляд куда-то в пространство перед собой.

— Опасны такие завалы сажи в узких темных горловинах, куда и солнце-то не заглядывает. Сажа, она опасная не только потому, что легко загорается. Да, не только... Мы, трубочисты, — слышь? — всю жизнь боремся с сажей, не даем скопиться залежам, чтоб не полыхнуло, копоть, она вероломная, дремлет до времени во мгле печной бездны, в духоте дымоходных обрывов, притаилась и ждет своего часа — мстительная и злобная. Никогда не знаешь, когда и что она породит.

Калина замолчал и взглянул на меня. Хоть я и не понял его слов, но убежденность и страх передались и мне. Мастер улыбнулся доброй, открытой улыбкой и, чтобы подбодрить меня, добавил:

— Может, все мои страхи — пустое, и здесь просто недоразумение. Не вешать носа! Сейчас все узнаем. Пришли.

И в самом деле, мы были уже на месте. Через широко распахнутые ворота вслед за мастером я вошел на большой двор, окруженный заводскими строениями со множеством дверей. В одной из пристроек на пороге сидела жена садовника с ребенком у груди, к притолке прислонился ее муж. Увидев нас, мужчина смешался и с явно озабоченным видом поспешил навстречу:

— Вы к нам, верно, по поводу печи?

— Само собой, — холодно ответил мастер, — к вам, только не из-за какой-то там печи, а из-за моих людей, посланных чистить дымоход.

Садовник совсем растерялся и не знал, куда глаза девать.

— Мои подмастерья до сих пор не вернулись! — с яростной угрозой закричал Калина. — Что случилось? Вы в ответе за них!

— Пан мастер, — забормотал садовник, — мы и сами ума не приложим, что бы с ними такое приключилось. Сперва думали, с первым все в порядке, а ныне вот насчет второго тоже ничего не понимаю. Вчера после полудня при мне влез в коренной дымоход через дверцу в стене; поначалу слышно было, как работал скребками; я дождаться хотел, пока парень кончит работу, да меня кликнули в усадьбу. Ушел на несколько часов, а как вернулся, насчет печи и ваншего подмастерья и не вспомнил. Давно, мол, уже вернулся в город, на ночь вентиляционную дверцу в стене закрыли. А сейчас, как вас увидел, сделалось не по себе: упаси Боже, не случилось ли чего с парнем, а как первый-то подмастерья? Господи, неужто пропал? Только что ж такое с ними попрятаться могло, пан Калина? Что делать? Чем пособить?... Я тут совсем ни при чем, — бормотал он, беспомощно разводя руками.

— Хоть бы дверцу в стене не закрывал, ты, раззява! — яростно рявкнул Калина. — За мной, Петрусь! — приказал он, схватив меня за плечо. — Нельзя терять ни минуты. Скорее, где эта дверца в дымволок?

Испуганный хозяин повел нас в дом на кухню.

— Вон, в углу, — показал он на квадратную дверцу в стене. Калина направился было к ней, но, я опередив его, поспешно рванул задвижку и открыл лаз.

Пахнуло гарью, на пол посыпалась сажа.

Не успел мастер помешать, как я уже встал на колени в лазе и уперся руками в стенки, чтобы начать подъем.

— Пусти меня, чумовой! — раздался за моей спиной гневный голос Калины. — Мое дело, а ты приставь лестницу к крыше и лезь наверх к трубе.

Впервые я тогда ослушался мастера. Ярость и желание узнать правду любой ценой толкали на неповиновение.

— Нет уж, пан мастер, вы сами покараульте у трубы на крыше! — крикнул я в ответ. — Обещаю, без вашего сигнала не стану подниматься.

Калина выругался и волей-неволей уступил моей команде — я услышал удалявшиеся шаги. Тогда я крепче затянул под подбородком платок с шелковой прокладкой для защиты рта и носа, поправил пояс и крепко ухватил топорик. Вскорости, и двух молитв не успеть прочитать, у колена дым-волока, дальше выходившего прямо на крышу, раздался стук спущенного на веревке ядра: Калина подавал условный знак.

Я тут же на четвереньках пробрался к колену и, нащупав ядро, трижды потянул за веревку, давая знать, сигнал, мол, принял, начиняю подъем.

Миновав колено, я выпрямился, инстинктивно заслоняя голову поднятым топориком.

Дымоход был широкий — вполне можно пролезть, — покрытый толстенным слоем копоти. Здесь внизу, на самом дне, сажа прикоптела к стенкам, и целые пласти легко возгоравшихся кристалликов отливали холодным металлическим блеском в тусклом свете, едва проникавшем сверху.

Я глянул вверх, туда, где вертикальные стеки трубы сходились в прямоугольник, сияющий дневным светом, и задрожал.

Надо мной, несколькими футами выше поднятого топорика, притаилось что-то белое, снежно-белое, и не спускало с меня огромных желтых совиных глаз.

Огромная тварь, полуобезьяна-полужаба, держала передними перепончатыми, когтистыми лапами что-то темное, похожее на человеческую руку, бессильно откинутую в сторону, а рядом, на соседней стенке, вырисовывался странно скорченный силуэт тела.

Обливаясь холодным потом, я уперся ногами в боковые стеки и немного продвинул вверх. И тогда на морде твари разверзлась длинная, от уха до уха, щель, раздался странный, хищный звук, — тварь скрежетала зубами, как обезьяна. Мои движения, по-видимому, потревожили страшилище, и оно изменило положение — в темень ворвался яркий солнечный луч и осветил ужасную картину.

Каким-то чудом удерживаясь на стенке, — прилепилась, видно, присосками лап, — мерзкая тварь крепко обхватила тело Бедроня; покрытые белым пушистым мехом задние лапы стиснули крест-накрест ноги жертвы, а вытянутый, как у муравьеда, хобот жадно присосался к виску несчастного.

От ярости передо мной все поплыло в красном тумане, и, позабыв о страхе, я поднялся еще на несколько футов. Белое чудище, явно обеспокоенное, стригло ушами и скрежетало сильнее, но с места не сдвинулось.

Тварь делала отчаянные усилия, стараясь спрыгнуть на меня или ускользнуть наверх по дымоходу. Да рывки были какие-то тяжелые, вялые, словно пьяные. Тварь оцепенела, точно питон, заглотивший жертву, отяжелела, как пиявка, насосавшись крови, таращила на меня круглые выпуклые глазищи и угрожающие скрежетала...

Бешеный гнев подавил всякий страх. Я размахнулся что есть сил и обрушил топор на отвратительный белый череп.

Удар был сильный и меткий. В тот же миг огромные глазищи погасли, что-то задело меня в стремительном падении, внизу раздался глухой стон: странное существо рухнуло вниз, увлекая за собой свою жертву.

Меня затрясло от омерзения, спуститься вниз и разглядеть тварь... потом... сейчас не могу...

Оставалось одно — подняться наверх, на крышу. Впрочем, я уже оказался недалеко от трубы, а с крыши меня звал Калина.

Я быстро начал подъем, изо всех сил упираясь ногами и локтями в стенки дымохода. Вдруг меня охватил панический ужас: несколькими футами выше на вделанном в стену крюке висело неестественно иссохшее тело Осмулки.

Невиданно худое — буквально кожа да кости, — закопченное дымом, напряженно вытянутое, словно струна, сухое и твердое, как деревянное.

Трясущимися руками я снял останки с крюка и, обвязав веревкой от ядра, подал знак Калине, дважды дернув веревку.

Через несколько минут я оказался на крыше; мастер, уже отвязавший тело Осмулки, встретил меня мрачный, нахмуренный.

— Где второй? — спросил коротко.

Я рассказал.

Когда мы осторожно спустили по лестнице тело Осмулки, Калина спокойно сказал:

— Белый вырак. Это он, я так и думал, что он.

Мы молча прошли через сени, через две комнаты в кухню. Нигде ни души: семейство садовника потихоньку сбежало куда-то, видно, во флигель.

Положив тело Осмулки у стены, мы подошли к лазу в стене. Из дверцы торчали босые, окоченелые ноги.

Вытащили тело другого нашего несчастного товарища и положили на полу рядом с Осмулкой.

— Видишь маленькие ранки на висках у обоих? — спросил Калина глухо. — Это его знак. Так он убивает свою жертву. Белый вырак, белый вырак, — твердил он.

— Надо бы добить, — сказал я со злобой. — Вдруг не сдох.

— Сомневаюсь. Он свое получил — не переносит света. Впрочем, посмотрим.

Заглянули в отдушину. Калина принял что-то вытаскивать...

Белый ком медленно спускался из темноты дымохода, снежно-пушистое руно уже находилось у самой вентиляционной дверцы.

Но приближаясь к свету, белый ком таял. Когда, наконец, Калина вытащил шест, на железном наконечнике висел небольшой молочно-белый клубок какого-то странного вещества: кристаллики напоминали мелкие лепестки и казались пушистым, легким белым мехом либо пухом или мелом — точь-в-точь ком сажи, только ослепительно белый, снежно-белый...

Внезапно клубок соскользнул с крюка и упал на пол. В мгновение ока клубок сделался угольно-черным, и у наших ног рассыпалась большая, металлом отливающая куча черной, как смола, сажи.

— Только осталось... — задумчиво шепнул Калина.

И немного погодя, будто разговаривая сам с собой, добавил:

— Сажа тебя породила, в сажу и обратишься.

Положив на носилки останки наших товарищей, мы направились в город. На следующий день у меня и у мастера Калины по коже пошла какая-то странная сыпь. Все тело покрылось большими белыми пупырями, словно перловыми крупинками, продержалась сыпь несколько дней. И вдруг неожиданно и быстро исчезла.

Фрэнк Б. Лонг

Океанская пичевка



# 1

Бак замолотил голыми кулаками в дверь каюты, и ветер завыл в щелях. Мне не понравилось ни то, ни другое. Я распахнул дверь. Вошел Бак, а вместе с ним ворвался яростный порыв ветра. Бак, этот странный коротышка, чьи глаза были полны ветра и моря, изъяснялся по преимуществу жестами. Он указал на дверь и свирепо запустил пятерню в рыжеватые волосы, и я понял: что-то его чуть не прикончило — я имею в виду, прикончило морально, изранило душу, перевернуло весь его мир.

Я не знал, радоваться мне или ужасаться. Дикие выразительные жесты и горящие глаза Бака тронули меня, но я и понятия не имел, что он увидел там, наверху. Очень скоро я это узнал.

Матросы с бессмысленным видом сидели на палубе по двое и по троє. Никто даже не пошевелился, когда я выступил из тени спутанных снастей в яркую полосу лунного света.

— Где боцман? — спросил я.

Несколько человек услышали вопрос, но лишь повернулись и уставились на меня, не отвечая.

— Оно забрало боцмана! — сказал Оскар.

Оскар редко с кем-либо разговаривал. Он был высоким и тощим, по бокам желтой лысой головы топорщились свет-

лье волосы. Я отчетливо помню пронзительный взгляд его темных глаз и эти волосы, блестевшие под светом луны. Прочие его черты стерлись из памяти — Оскар стал далеким, смутным призраком. Любопытно, ведь остальные подробности и события той поразительной ночи запомнились мне совершенно ясно...

Оскар стоял рядом со мной. Внезапно я повернулся и схватился за его руку. Прикосновение к сильной, мускулистой руке Оскара подействовало на меня успокаивающе. Но я, видимо, причинил ему боль: он дернул плечом и укоризненно глянул на меня. Полагаю, Оскар считал, что я должен держаться на своих двоих. Но впрочем, он тут же широко повел рукой: дескать, не имеет значения. Ветер свистел у нас в ушах, изорванные паруса полоскались и хрюпали голосили. Паруса, знаете ли, умеют разговаривать. Я слышал, как они хором протестовали, и у каждого паруса был свой, немного отличавшийся от других голос. Со временем начинаешь понимать их язык. Чудесно тихим утром выйти на палубу и услышать, как они перешептываются. Паруса и жестикулировать умеют, а когда устают, жалобно покачиваются на фоне неба.

Я прошелся по палубе, наорал на людей и велел им убираться к дьяволу. Потом достал трубку и начал выдыхать в холодный воздух причудливые облака дыма. Желтые дымные образы плясали в лунном свете, и наше положение казалось совсем безысходным. Наконец я возвратился к Оскару и прямо спросил, что он имел в виду, сказав «оно». Оскар не ответил. Он просто повернулся и указал рукой.

Что-то белое и студенистое перетекало через планширь и двигалось или скользило по палубе. Оно уже успело покрыть несколько футов, когда из темноты показалось нечто более грузное и нависло над черным ахтерштевнем. Второй предмет гулко шлепнулся на палубу и двинулся по касательной к первому по гладким отполированным доскам.

Два матроса быстро вскочили на ноги. Я услышал, как Оскар выкрикнул отрывистую команду.

Это нечто на палубе вытянулось, расширилось у основания и выбросило в воздух мертвенно-синюшный отросток,

окруженный чудовищными розовыми присосками. В лунном свете мы видели, как отвратительные присоски раскрывались, сокращались и разжимались снова. Нас накрыла волна непонятного сладковатого зловония, вызывавшего не-преодолимое чувство физической тошноты. Один из людей качнулся назад и упал на доски. Затем, как слабоумный, рухнул второй, а третий... третий на четвереньках, будто завороженный, пополз к омерзительному отростку.

Мне показалось, что луна опустилась ниже — накренилась в небе и повисла прямо над снастями. Вперед, как оборвавшиеся стальные тросы, вдруг выскочили бесформенные щупальцы, врезавшись в ближайшую мачту. Я услышал треск и громоподобный звук удара. Щупальцы дрожали и словно метались во все стороны, а после снова упали за борт.

Я поглядел на черные верхушки мачт и очень тихо спросил Оскара:

— Это оно забрало боцмана?

Оскар кивнул, переминаясь с ноги на ногу. Люди на палубе шептались между собой, и я инстинктивно чувствовал, что назревает бунт. Но Оскар решил снять с меня бремя вины.

— Где бы мы были, не приведи вы нас сюда? Мотались бы, верно, по волнам без руля и парусов. Наши паруса, может, и выглядят, как шкура утопленника, но еще сгодятся, как только мы починим мачты. Лагуна выглядела вполне безопасной, и большинство из нас было за то, чтобы править сюда. А теперь они скулят, как желторотые щенки, и винят во всем вас. Идиоты! Скажите хоть слово и...

Я остановил его: не стоило позволять людям отнестись к его предложению всерьез, а говорил он достаточно громко, так что все слышали. Матросов, подумал я, обвинять не в чем — при таких-то обстоятельствах!

— Сколько раз эта *тварь* заползала на борт? — спросил я.

— Восемь! — ответил Оскар. — На третий раз она схватила боцмана. Он завизжал, стал размахивать руками и весь пожелтел. Она обвилась вокруг его ноги, и в него впились эти громадные розовые присоски. Мы ничего не могли сделять — ничего! Мы пробовали освободить его, но вы не мо-

жете даже представить силу этой белой лапы. Из нее текла слизь — покрыла и боцмана, и всю палубу. Потом она плюхнулась в воду и унесла его с собой.

После этого нам пришлось вести себя осторожнее. Я приказал людям спуститься вниз, но они только бросали на меня сердитые взгляды. Эта тварь их завораживает. Сидят там и ждут, когда она вернется. Вы же видели, что сейчас произошло. Она бросается, как кобра, и присасывается, что твоя минога. Но эти идиоты не желают ничего слушать. Когда я думаю о тех дрожащих розовых присосках, мне становится жаль их — и себя! Боцман-то, понимаете, не издал ни звука, лишь стал бледным, как смерть, и жутко вывалил язык. И прежде, чем он исчез за бортом, я заметил, что губы у него покривились и распухли. Но, как я уже вам сказал, он был покрыт желтоватой слизью, липкой грязью и, видать, сразу распроштался с жизнью. Я уверен, что он почти не страдал. Это нам, с Божьей помощью, предстоит страдать.

— Оскар, — сказал я, — я хочу, чтобы был со мной полностью откровенен. Говори прямо. Ты можешь объяснить, что это такое? Без всяких паршивых теорий, Оскар. Дай мне точку опоры, Оскар, что-то, из чего можно исходить. Я очень устал, и у меня здесь немного власти. Ну да, я вроде бы командую, но что я могу им сказать, если сам ничего не понимаю? Как я могу их заставить спуститься в кубрик? Мне так жаль их. Как ты думаешь, что это такое, мой друг?

— Эта тварь — явно головоногое, — начал Оскар. Но в его глазах застыли стыд и ужас, и это мне не понравилось.

— Осьминог, Оскар?

— Возможно. Или гигантский кальмар! Или какой-нибудь чудовищный неизвестный вид!

Лик луны скрыла зеленоватая вуаль тучи. Я увидел, как один из матросов пополз на четвереньках по палубе. С внезапным вызывающим воплем он подбежал к планширию и протянул руки. По всей длине планширя пробежала белая рябь. Она поднялась и задрожала в бесконечных тенях, а после мерзким потоком хлынула через шпигаты и обволокла дергающуюся фигуру несчастного. Бедный глупец попытался высвободиться. Он закричал, и его лицо исказилось

от ужаса. Он упал на палубу и силился ползти, цепляясь руками. Пальцы его хватались за гладкую скользкую поверхность, но тварь обвила его ногу своими адскими щупальцами и потащила — потащила медленно и ужасно.

Его голова ударилась о борт, и пурпурная струйка, не шире шкота, побежала по палубе, растекаясь лужицей у ног Оскара. Одна присоска прижалась к виску несчастного, другая заползла под рубаху и приникла к его голой груди. Я бросился было к нему, но Оскар вцепился мне в руку, ничего не объясняя. Тело матроса изменилось у нас на глазах, побелело и сделалось склизким. Никто и не подумал вмешаться. Внезапно, пока мы смотрели, мертвец, глаза которого уже остекленели, резко дернулся к шпигатам, снова и снова.

Но тело не проходило в отверстие. От ударов голова вскоре расплющилась и стала напоминать нечто непредставимое, о чем нам не хотелось даже и думать. Нас мutilо. Но мы продолжали зачарованно смотреть, хоть и испытывали бесконечное отвращение. Мы видели что-то жестокое и полное невероятной жизни, видели всю его беспредельную силу. Здесь, под сокрытой саваном луной, в фосфоресцирующей пустыне экзотических вод, мы видели, как законам человеческим бросало вызов нечто немое, бесформенное, кощунственное; видели работу напряженной, бездумной, самодостаточной материи, подчинявшейся законам, что были старше человека, старше морали, старше греха. Одна жизнь поглощала другую — и делала это настойчиво, без малейших укоров совести, становясь с каждым мигом все более сильной и торжествующей.

И все же твари не удалось протащить тело сквозь шпигат. Она тянула, тащила и в конце концов бросила мертвеца. Ветер утих, и тварь с неожиданным и зловещим всплеском, разжав щупальца, погрузилась в мертвенно-спокойную воду. Мы кинулись вперед и обступили тело. Казалось, оно плывало в реке из белого желе. Оскар приказал принести все необходимое, и мы, как полагается, завернули тело и сбросили за борт. Оскар, правда, механически прочитал из маленького черного молитвенника несколько слов, которые

счел подобающими. Я стоял и смотрел в темный люк на баке.

До сих пор не понимаю, как я сумел загнать людей в этот люк. Но я это сделал — с помощью Оскара. Я воочию вижу Оскара на палубе: его голова блестит под луной, вырисовываясь на фоне безмолвной пустыни звезд. Вижу, как он грозит кулаками этим жалким трусам на палубе и выкрикивает команды. А может, ругательства, оскорблений? Помню, что я выступил вперед и присоединился к нему. Должно быть, я поработал кулаками — позже я заметил, что костяшки пальцев были исцарапаны и ободраны, и Оскару пришлось их забинтовать. Странно, что Оскар стерся из памяти, ведь я очень его ценил, несмотря на его странные манеры, большие страстные глаза и вечно растрепанные светлые волосы. Он помог мне загнать людей в носовой кубрик. Он и Бак. Бак, с белым от ужаса лицом и дрожащими губами, не способными толком произнести ни слова!

Мы гнали их, как овец — с той разницей, что овцы порой бунтуют и причиняют немало беспокойства. Мы собрали их всех там, и после обернулись и глянули на израненные мачты, мерно раскачивавшиеся среди мрачного безжизненного спокойствия моря и неба, на провисшие канаты и паруса, на длинные, залитые лунным светом релинги и багровые шпигаты. В кубрике, обращаясь к людям, идиотически бормотал Бак. Затем вода пошла отвратительными пузырями, и мы услышали громкий всплеск.

— Оно поднялось снова, — сказал Оскар. В его голосе звучало отчаяние.

Я сидел у себя в каюте и читал. Оскар перевязал мне руки и ушел, пообещав не беспокоить меня.

Я пытался понять смысл маленьких печатных знаков на белой странице, но они не вызывали никаких образов, никакого отклика. Они отказывались складываться в слова,

и я не понимал, были ли глупые фразы, смысл которых я так старался постичь, частью статьи или рассказа. Не помню сейчас названия книги, но кажется, в ней говорилось о кораблях и море, о брошенных моряками судах и опасностях, подстерегавших слишком хитроумных шкиперов. Мне чудилось, что я слышу, как вода бьется о борт корабля, и время от времени доносился громкий всплеск.

Но я понимал, что какая-то часть моего мозга решительно отвергала и тот, и другой звук, и я убеждал себя, что изнурительное нервное возбуждение было лишь физическим и кратковременным, не будучи никак связано с психикой или какими-либо внешними причинами. Мои чувства были в расстройстве и я испытывал теперь естественную реакцию на потрясение, но никакие новые опасности мне не грозили.

Раздался стук в дверь. Я поспешил вскочил на ноги. В эту минуту я даже не вспомнил, что Оскар пообещал никого ко мне не подпускать.

— Что вы хотите? — спросил я.

Я не услышал прямого или удовлетворительного ответа, но за дверью послышался странный булькающий звук, и мне почудился быстрый вдох. Меня жестоко скрутило от жуткого, необоримого страха.

Я с диким ужасом смотрел на дверь, а она вся сотрясалась, как рея во время шторма, и вдруг прогнулась внутрь под ужасающим ударом.

Гулкий удар следовал за ударом, точно какое-то чудовищное тело бросалось на дверь, отступало и, набравшись сил, снова кидалось вперед. Я подавил готовый вырваться крик и только стоял, открывая и закрывая рот. Затем я подскочил к двери, чтобы убедиться, что запер ее на засов. Удовлетворенно ощупал засов и стал пятиться назад, пока не уперся спиной в противоположную переборку.

Дверь выгнулась сильнее и сразу вслед за этим раздался страшнейший удар. Дерево затрещало, раскалываясь, петли застонали. Дверь подалась, рухнула внутрь и вздыбилась на чем-то белом и неописуемом. То, что было под ней, яростно отшвырнуло дверь к стене и поползло вперед с ужасной и все нарастающей быстротой. Это была длинная сту-

денистая конечность, бесформенное щупальце с розовыми присосками, которое скользило или текло ко мне по гладкому полу.

Я стоял, прижавшись спиной к переборке, и лишь хриплое, затрудненное дыхание защищало меня от твари. Но это щупальце, безусловно, ничуть меня не страшилось и все скользило ко мне, длинное и белое. Понимаете, о чем я? А Оскар к тому же забинтовал мне руки, и они превратились в слабые, ни на что не годные отростки. Тварь явно желала добиться своего, и глаза ей для этого были не нужны.

Вместе с ней в каюту проникло невообразимое сладковатое зловоние; оно лишило меня сил еще до того, как щупальца дотянулись до меня. Забинтованными руками я пытался сбросить с себя громадные омерзительные кольца, но мои искалеченные пальцы погружались в студенистую массу, как в мягкую грязь. Эта дрожащая живая материя была словно лишена всякой телесности. Она растекалась под пальцами, и это было ужасно. *Растекалась!* Руки проходили прямо сквозь нее, и в то же время она была эластичной и, схватив меня, могла сжимать свою хватку. Тварь душила меня. Я задыхался. Я изгибался и выворачивался, но она обвилась вокруг меня и крепко держала, и я ничего не мог поделать.

Помню, как я кричал и звал Оскара, пока не охрип, а потом меня безжалостно потащило по полу, через разбитую дверь и вверх по лестнице. Голова моя билась о ступеньки, когда мы так поднимались, я и тварь. Кажется, у меня из головы текла кровь, три зуба были выбиты. На меня сыпались жесточайшие удары, когда я задевал за края ступенек, рамы дверей и гладкие твердые доски палубы.

Тварь вытащила меня на палубу. Помню, в просвете между бесконечными складками этого непристойно раздутого студня я увидел луну. Я тонул, погружаясь в гущу жирных отвратных колец, которые дрожали, сокращались и трепетали в лунном свете!

Я уже не чувствовал никакого желания бороться и кричать, и мысль об Оскаре и возможном спасении не вызывала у меня никакого восторга. Я начал испытывать удовольствие. Как мне описать это чувство? Меня пронизывала стран-

ная теплота, руки и ноги дрожали в необычайном ожидании. Сквозь складки живого желе я заметил большую красноватую присоску или диск, усеянный по краям серебристыми зубами. Я видел, как он быстро опустился и присосался к моей груди. На миг я ощущал отвращение и стал рвать руками окружавшую меня студенистую массу. Было нечто жестокое в том, что это бесплотное вещество даже не сопротивлялось. Можно было без конца царапать и разрывать жирные складки, чувствовать, что они уступают — и прекрасно понимать, что из этого ничего не выйдет. Прежде всего, эту массу совершенно невозможно было ухватить, сжать руками и сдавить. Она просто ускользала, а затем сгущалась снова и твердела: да, она могла по собственной воле сгущаться и растекаться!

Чувство ужаса и отвращения исчезло. По мне пробежала волна восторга, тепла и радости. Я чуть не заплакал, чуть не закричал от удовольствия. Это был высший экстаз.

Я знал, что на самом деле чудовище высасывает из меня кровь своими конвульсивно вздрагивающими, жадными присосками. Знал, что через минуту стану высушенным, как кусок вяленого мяса, но этот неизбежный конец был для меня желанным! Я даже не пытался скрыть свою радость. Я откровенно купался в блаженстве, хотя мне казалось несправедливым, что Оскару придется объясняться с людьми. Бедняга Оскар! Он вечно связывал воедино оборванные концы, слаживал грубую и отталкивающую реальность, превращал неприкрашенные факты в нечто приемлемое и даже романтическое. Совершенный стоик, уверенный в себе! Я знал это, и мне было жаль его. Отчетливо вспоминала наш последний разговор. Он неуклюже шел по доку, засунув руки в карманы и зажав в зубах сигарету. «Оскар, — сказал я ему, — я в самом деле не страдал, когда эта тварь присосалась ко мне! Ничуть не страдал. Мне это нравилось!» Он поморщился и почесал голову под своими нелепыми волосами. «Значит, я спас вас от вас самого!» — воскликнул он. Его глаза сверкали, и я видел, что ему хотелось ударить меня, сбить с ног. Больше я Оскара не видел. Он растворился в тенях. Быть

может, я поступил бы умнее, если бы тогда удержал его рядом с собой.

Желе вокруг меня, казалось, увеличивалось в объеме. У моей головы толщина его достигала добрых три фута, но я уверен, что сквозь многоцветную призму студня видел луну и качающиеся верхушки мачт. Перед глазами пробегали синие, алые и пурпурные волны, во рту я ощущал вкус соли. Я решил — не без некоторого негодования и чувства оскорбленного достоинства — что тварь окончательно поглотила меня и я сделался составной частью дрожащей студенистой массы. И тогда я увидел Оскара!

Он навис над моей отвратительной тюрьмой с горящим факелом в руке. Складки студня действовали как увеличительное стекло, и пламя сквозь них казалось безупречно красивым. Пляшущие языки огня словно охватывали всю палубу, вздымаясь в темноте. Загорелись снасти и блестящие релинги, и вдоль бортов поползла красная прожорливая змея. Я ясно видел Оскара, видел огромную спираль дыма, поднимавшегося от пламени, видел качавшиеся красноватые верхушки мачт и зловещую черноту люка на носу. Темнота словно разошлась перед Оскаром, уступая его факелу и стоицизму. Он раскачивался надо мной во тьме, этот молчаливый Дон Кихот, и я понимал, что он сумеет со всем этим покончить. Я не совсем понимал, что Оскар собирался сделать, но был уверен — исход будет ярким и блестательным.

И Оскар не разочаровал меня. Когда я увидел, как он наклонился и коснулся студня своим громадным пылающим факелом, мне захотелось петь и кричать. Складки задрожали и их цвет изменился. Перед моими глазами возник безумный цветной калейдоскоп: ярчайшие алые, желтые, серебристые, зеленые, золотистые цвета. Присоска оторвалась от моей груди и метнулась вверх сквозь складчатую толщу. Я почувствовал ужасное зловоние. Запах был невыносим: я вытянул руки и стал бешено прорываться к воздуху, к свету, к Оскару.

Затем я ощущил на щеке жар факела и понял, что масса вокруг меня опадает, разваливается на куски и горит. Од-

новременно она растворялась, превращаясь в масло, в жир, и стекала горячими струйками по моим коленям, рукам, бедрам. Я сжал губы, боясь глотнуть тошнотворную жидкость, и повернулся к палубе, защищая лицо от падавших вокруг огненных клочьев. Существо буквально сгорало заживо, и в глубочайших глубинах души мне было его жаль!

Когда Оскар наконец помог мне встать на ноги, я увидел, как за бортом исчезло то, что осталось от существа. Его щупальцы жутко обуглились, присоски исчезли, и я мельком заметил безжизненно повисшие кончики щупалец, красноватые бугорки и вздувшиеся нарываы. Потом мы услышали всплеск и тот же странный булькающий звук. Вся палуба была залита зеленоватым жиром; здесь и там в этой чудовищной жиже плавали большие твердые куски обгоревшей плоти. Оскар нагнулся и подобрал один из них. Он перевернулся в руке и подставил под лунный луч. Кусок был шириной дюймов в пять, и четыре из них занимала присоска. Она сжималась и разжималась в руке Оскара, после упала, как налитая свинцом, и отскочила от палубы. Оскар ударом ноги отправил ее за борт и взглянул на меня. Я отвернулся и поднял глаза к черным марселям на верхушках мачт.

Дж. Родинсон

Последний из вампиров

Помните ли вы находку костей «человека-ящерицы» в пещере на Амазонке где-то в сороковых годах? Вероятно, нет.

Открытие это, однако, вызвало большой шум в научном мире и даже привлекло внимание светского общества. День или два в Белгравии было очень модно рассуждать о «связующих звеньях», «эволюции человека из рептилии» или «обоснованности древних мифов», населявших мир кентаврами и русалками.

Дело было так: один немецкий еврей, торговец каучуком, пробираясь в компании обычной толпы туземцев сквозь сельву у реки Мараньон, нашел на берегу, где разбил лагерь, какие-то кости. Из праздного любопытства торговец начал их складывать и вдруг с удивлением увидел перед собой скелет существа с руками и ногами человека, собачьим черепом и огромными крыльями, похожими на крылья летучей мыши. Будучи человеком практичным, торговец решил, что на подобном курьезе можно неплохо заработать; тогда он собрал в мешок все кости, какие смог найти, и в надлежащее время они были доставлены на спине ламы в Чапоаяс, а оттуда в Германию.

К несчастью, имя торговца совпадало с именем другого немецкого еврея, который незадолго до этого пытался привести научный мир с помощью папирусных свитков, якобы созданных еще до всемирного потопа, но был изобличен и выведен на чистую воду. И потому, когда его тезка появился с костями крылатого человека, с ним обошлись без лишних церемоний.

Тем не менее, торговец удачно продал свой каучук, оставил кости молодому студенту-медику из старинного университета Бирундвурст и вернулся к своим каучуковым деревьям, туземцам и берегам Амазонки. На этом рассказ о нем заканчивается.

Молодой студент в один прекрасный день начал составлять скелет из фрагментов костей и, сколько ни бился, получалось одно – крылатый человек с собачьей головой.

Несколько ребер оказались лишними, и несколько фрагментов позвоночника никак не удавалось приладить к скелету.

лету; но что еще можно было ожидать от такого невероятного существа, чья анатомия способна была любого поставить в тупик? Среди студентов начали ходить слухи, о находке узнали профессора — короче говоря, ученые мужи из университета разобрали скелет по косточкам и снова сложили его собственными учеными руками.

Но сколько они ни бились, получалось одно — крылатый человек с собачьей головой.

Дело становилось серьезным; сперва профессора были озадачены, потом начали ссориться; их препирательства вылились в ядовитые брошюры и ответные памфлеты. Так весь мир узнал о яростной полемике вокруг «амазонского человека-ящерицы».

Одни утверждали, разумеется, что такого существа на свете быть не может, и объявляли кости искусственной подделкой. Другие в ответ предлагали скептикам самим изготовить такую же подделку и обещали за это настолько высокие награды, что музей месяцами осаждали ослепленные блеском золота мастера. Но никому из них не удалось изготовить второй скелет человека-ящерицы. Человеческая его часть не представляла сложности — для этого требовался лишь скелет человека. На сгибах крыльев, однако, сидели громадные, черные, блестящие, изогнутые кости, и их-то самим изобретательным мастерам никак не удавалось повторить. Затем «истинники», как стали называть себя ученые, верившие в подлинность чудовища, бросили «поддельщикам» новый вызов: они открыто призывали их определить, какому созданию, если не человеку-ящерице, принадлежали крылья или голова. Ответа так и не последовало.

Победа, стало быть, досталась «истинникам», но — увы! — не кости. Ибо «поддельщики», действуя методами подкупа и кражи, сумели добраться до драгоценного скелета, и — о горе! — однажды утром выяснилось, что жемчужина музеиной коллекции исчезла. Остались только человеческие кости, но голова и крылья бесследно пропали, и с того дня их никто больше не видел.

Какая же из двух партий была права? По правде сказать, ни та, ни другая, как показывают следующие ниже отрывки.

Давным-давно, рассказывают индейцы сапоро, населяющие район между Амазонкой и Мараньоном, в Пампа дель Сакраменто забрел отряд золотоискателей, белых, которые прогнали индейцев с их земель и завладели ими.

Это были первые белые, попавшие в те края, и индейцы очень страшились их ружей, но в конце концов вероломство заменило им мужество: притворившись дружелюбными, индейцы подослали к пришлецам своих женщин, и те научили их делать тукупи из корней маниоки, но не рассказали им, как отличать созревшее растение от незрелого. И жалкие белые сварили тукупи из незрелых растений (всем известно, что в этом случае тукупи вызывает припадки, как при эпилепсии). Когда белые в лагере стали беспомощно кататься по земле, индейцы напали на них и всех убили.

Всех, кроме троих. Этих они отдали Вампиру.

Но что же это такое — Вампир? Сапоро не знали. «Очень давно, — рассказали они, — в Перу было много вампиров, но всех их поглотила земля во время Великого Землетрясения, когда из глубин поднялись Анды. Остался только один ‘Аринчи’; он обитает там, где Амазонка встречается с Мараньоном, и не ест мертвчину — только живые тела, из которых брызжет кровь».

Такова легенда; о том, что она имеет под собой некоторые фактические основания, свидетельствуют исторические хроники этой местности: в них говорится, что индейцы Мараньона не раз расправлялись с белыми искателями золота, пытавшимися изгнать их с золотоносных берегов. Что же до Аринчи, или Вампира, то о нем в официальных хрониках не упоминается. Другие местные суеверия, однако, могут пролить свет на загадку человека-ящерицы из университета Бирундвурст.

Принося жертвоприношение «Вампиру», индейцы связывали человека и клали его в каноэ; затем каноэ доставляли в некое место, представляющее собой лабиринт заводей и болот с пологими и склизкими глинистыми берегами, в конце которого имелась скала с пещерой. Здесь и оставляли каноэ. Медлительное течение притока несло к пещере все, что оказывалось в воде. Некоторые индейцы видели, как

лодки медленно, делая лишь несколько ярдов в час и крутясь вокруг своей оси, приближались к зияющему отверстию, а после исчезали в пещере. Многие поколения индейцев дивились тому, что пещера никогда не заполнялась, хотя в нее день за днем втекал поток воды, лениво тащивший с собой речной мусор. Поэтому они считали пещеру бездонной и называли ее входом в Ад.

Однажды белый человек, профессор из того же университета Бирундвурст и могучий охотник на жуков пред Господом, живший в дружбе с индейцами, отправился на болота, подобрался к самому входу в пещеру и пустил внутрь небольшой плотик, нагруженный трутом и сухими ветвями; все это он предварительно поджег и около часа смотрел, как горящий плотик, освещая влажные стены пещеры, медленно плыл вперед — а затем огонь *кто-то погасил*.

Огонь не исчез внезапно, как если бы плотик утонул или скользнул с обрыва в водопад; нет, огонь как будто был намеренно потушен.

Горящие поленья и ветки разлетелись по сторонам и долго еще тлели на уступах и грудах камней, где упали, а в пещере поднялся ветер и эхо донесло звуки громадных хлопающих крыльев.

И наконец профессор сам решил отправиться в пещеру. «Я взял, — писал он в дневнике, — большое каноэ и соорудил на носу жаровню из прочных обручей для бочек, а за нею установил рефлектор из жестяного сита для промывки золота; я загрузил каноэ корнями каучукового дерева, сухими ветвями, бататами и сущеным мясом. С собой я имел два копья; наконечник одного из них был смазан ядом воорали, который парализует, но не убивает. Течение увлекало лодку в пещеру; я зажег огонь и, отталкиваясь шестом, с большой осторожностью направил каноэ в туннель. Вскоре туннель расширился и я, пробираясь вдоль одной из стенок, внезапно заметил, что у другой стены что-то движется.

Я навел на это место свет: там, на уступе скалы, сидело животное с большой и серой собачьей головой. Глаза у него были большие, как у коровы.

Форму тела я сначала не мог рассмотреть. Постепенно я начал различать очертания больших крыльев, похожих на крылья летучей мыши — они были полностью развернуты, как будто зверь весь вытянулся и готовился взлететь. Так оно и было. Только я подумал, что вижу перед собой огромную летучую мышь-рептилию, известную науке только в исконах виде, и испытал потрясение при мысли, что нахожусь рядом с одной из так называемых вымерших летучих ящериц допотопных времен, как животное взвилось в воздух и в следующую секунду набросилось на меня.

Вцепившись в каноэ, оно стало яростно сбивать огонь крыльями, а я всеми силами старался удержать лодку на плаву и не дать ей перевернуться. Зверь застал меня врасплох; сила и быстрота ударов едва не оглушили меня, прежде чем я начал сопротивляться.

К тому времени — не прошло и полминуты — могучая бестия почти потушила жаровню; вампир, очевидно, принял меня за священную жертву и успел вцепиться когтями в мою одежду. В следующее мгновение я пронзил его копьем, и существо, бешено захлопав крыльями, разжало хватку и свалилось в поток.

Я как можно быстрее развел огонь снова и увидел, что Аринчи, с распластанными на воде крыльями, уносит течением. Я последовал за ним.

Час за часом я плыл по темной и тихой реке, направляя рефлектор на эту серую собачью голову с коровыми глазами. Время от времени я что-то ел и пил, но заснуть не осмеливался. Прошел, вероятно, день и две ночи — и тогда, как я давно ожидал, впереди показалось отверстие в виде глаза, откуда забрезжил бледный свет. Я понял, что скоро выберусь из пещеры.

Отверстие все приближалось, и я в нетерпении поглядывал на свою добычу, плывущего по воде Аринчи, последнего из рода Крылатых Рептилий.

В воображении я уже видел себя самым известным путешественником Европы — героем дня. Могли ли кенгуру Бэнкса или гориллы дю Шайллю сравниться с моим открытием, с находкой последнего из птеродактилей, существа, жив-

шего до Потопа — летающего Ящера из древнейшей эпохи болот и катастроф?

За этими мыслями я не заметил, что вампир больше не движется, как вдруг нос лодки врезался в него. Вампир в один миг забрался на лодку. Огромные крылья снова били меня, когти оставляли на теле жгучие царапины: существо отчаянно пыталось проскользнуть мимо и исчезнуть во тьме. Оно увидело впереди свет дня и предпочло солнцу сражение.

Оно нападало с яростью бешеного пса. Я отбивался шестом и, улучив момент, когда вампир, размахивая крыльями, вцепился в нос лодки, угодил его таким ударом, что он упал в воду. Он поплыл было прочь (тогда я впервые разглядел его длинную шею), но я ударил его шестом по голове и оглушил. Течение вынесло нас из пещеры на свет.

Какое счастье вновь оказаться на свежем воздухе! Был полдень. Когда лодка выплыла из пещеры, блеск реки после двух дней почти полной темноты чуть не ослепил меня. Я направил каноэ к берегу, в тень деревьев. На плывущее в воде тело вампира я набросил петлю и потащил его за собой.

Снова на твердой земле — и Вампир в моих руках!

Я вытащил его из воды. Какое отвратительное создание — крылатый кенгуру с шеей питона! Он был еще жив; я нашел полоску кожи и плотно привязал его крылья к телу. После я заснул. Проснулся я на рассвете; позавтракав, я погрузил своего пленника в каноэ и поплыл вниз по реке. Куда я плыл, я и сам не знал; знал только, что плыву к морю и оттуда — в Германию; этого мне было достаточно.

\* \* \*

Почти два месяца течение несет меня по этой нескончаемой реке. О моих приключениях, враждебных туземцах, о порогах, ягуарах и аллигаторах рассказывать даже не стоит. Все это выпадает на долю любого путешественника. Но мой

вампир! Он жив. Мною движет теперь одна страсть — сохранить его в живых, показать Европе последнего живого, дышащего потомка великих Рептилий, известных людям, что скрылись в волнах во времена Ноя, пропавшее звено между рептилиями и птицами. Ради этого я отказывал себе в пище; отказывал даже в драгоценных лекарствах. Мне пришлось отдать вампиру весь свой хинин; а когда ночью с реек поднимались вредоносные испарения, я накрывал его одеялом и сам оставался беззащитным. Не подцепить бы черную лихорадку!

\* \* \*

Три месяца, и все еще эта ненавистная река! Неужели она никогда не кончится? Я был болен — так болен, что два дня его не кормил. У меня не было сил сойти на берег и разыскать ему пищу, и я боюсь, что он умрет — умрет до того, как мы вернемся домой.

\* \* \*

Снова приступ — черная лихорадка! Но вампир жив. Я поймал викунью, плывшую по реке, и он высосал ее досуха — галлоны крови. Перед этим он три дня провел без еды. В голодной жадности он порвал свои путы. Я с трудом связал его снова. Мне пришла в голову ужасная мысль. Что если он, проголодавшись, опять разорвет ремень, когда я буду лежать в бреду? Ах! это ужасно! Жутко смотреть, как он питается. Он соединяет вместе когти на крыльях и весь сжимается над телом; голова его закрыта крыльями, и ее не видно. Но жертва даже не шевелится. Похоже, стоит вампиру прикоснуться к жертве, как ее парализует. Крылья смыкаются и наступает полная тишина. Только зубы скрежещут о кости. Отвратительно! Ужасно! Но в Германии я стану зна-

менит. *В Германии с моим Вампиром?*

\* \* \*

Я очень слаб. Он опять порвал путы. Хорошо, что это случилось днем — когда он слеп. Его огромные глаза ничего не видят при солнечном свете. Я столько претерпел! Эта черная лихорадка! и это ужасное существо! Я сейчас слишком слаб, и мне не удастся убить его, даже если я захочу. Я должен добраться до дома живым. Скоро — конечно же, скоро — река закончится. О Боже! неужели она никогда не достигнет моря, белых людей, дома? Если он нападет, я удавлю его. Если почувствую, что умираю — удавлю его. Если нам не суждено живыми попасть в Германию, умрем мы оба. Я удушу его своими руками, я зубами разорву его ужасную шею, и наши кости останутся лежать на берегу этой проклятой реки».

\* \* \*

Вот почти все сохранившиеся записи из дневника профессора. Этого достаточно, чтобы поведать нам о последней трагедии.

Два скелета были найдены рядом на самом краю берега. За минувшие годы наводнения унесли половину каждого. Остальное, сложенное вместе, и образовало скелет человека-ящерицы — головоломку, над которой, если воспользоваться раблезианской фразой, впустую ломали головы учёные мужи из университета Бирундвурст.

Ольрик Доден

Сумах

— До чего же красен этот сумах!

Ирена Бартон пробормотала что-то банальное, ибо дерево вызывало у нее мучительные воспоминания. Ее гостья, ничего не заметив, продолжала:

— Знаете, Ирена, у меня от этого дерева мураски по коже!.. Не могу объяснить. Нехорошее какое-то дерево, недоброе. Почему, например, его листва красная уже в августе, хотя должна оставаться зеленою до октября?

— Что за странные мысли, Мэй! Дерево вполне обычное, хоть и навевает на меня грусть. Бедняжка Пестрик... Мы похоронили его там всего два дня назад. Идемте, проведаем могилку.

Женщины покинули веранду, где происходил разговор, и неспешной поступью вышли на лужайку, у края которой до ужаса одиноко рос тот самый недобрый сумах. По крайней мере, миссис Уотком, проявлявшая к дереву столь живой интерес, сомневалась, действительно ли это сумах, поскольку листва его была непривычной, а ветви — сучковатыми и кривыми до неузнаваемости. Сейчас зелень пятнали брызги багрового цвета, но буйная листва не поникла, а будто распухла, словно дерево было больно.

Несколько мгновений женщины молча смотрели на жалкую могилку. Тишину наконец разорвал голос миссис Уоткомб, — та, бросившись под дерево, вернулась с чем-то в руке.

— Бедный малыш! Такое роскошное оперенье, а весит легче пуха!

— Ума не приложу, что происходит с птицами, Мэй... — Миссис Бартон, сведя брови в черточку, разглядывала находку. — Разве что кто-нибудь подбрасывает яд. Мы постоянно находим их мертвыми по всему саду, и чаще всего под этим деревом либо неподалеку от него.

Трудно сказать, слушала ли миссис Уоткомб. Мысли ее тем утром где-то блуждали, взгляд, прикованный к скрюченным ветвям сумаха, был задумчив.

— Забавно, что листья покраснели в такое время года, — удивленно произнесла она. — Мне вспоминается болезнь несчастной Джеральдины. Это дерево обладало для нее необычайным очарованием, вы ведь помните. Тогда оно было

совсем алым, хотя стоял только июнь и едва закончилось цветение.

— Мэй, милая! У вас сегодня утром одни красные листья на уме! — ответила Ирена, разрываясь между досадой и веселостью. — Дался вам их цвет. Просто два дня стояла жуткая жара. Когда я хоронила бедняжку Пестрика, ни один листик не был тронут багрянцем.

Разговор вышел нелепым и тривиальным, и все же, когда миссис Уоткомб ушла, мысли Ирены невольно вернулись к роковой болезни кузины. Ее недуг стал для семьи совереннейшей неожиданностью. Бедная Джеральдина, которая всегда отличалась таким крепким здоровьем, внезапно пала жертвой острой анемии! Не верилось, что спустя всего несколько дней сердечная недостаточность прервала ее беззаботную юную жизнь. Правда, это скорбное событие стало причиной чудесного поворота в судьбе Ирены и ее мужа, позволив им сменить тесный пригородный коттедж на восхитительный деревенский дом — Клив Грейндж. Все здесь было наполнено для нее радостью новизны, ведь она правила как хозяйка в этом очаровательном жилище всего одну короткую неделю. Хилари, ее муж, до сих пор не познакомился с потаенными прелестями дома, так как задерживался в Лондоне, распродавая свои деловые предприятия.

Минуло несколько дней, большей частью отденных радости обустройства и бесконечных перестановок в новом жилище. Багровые брызги на сумахе мало-помалу сошли на нет, листва снова позеленела, хотя и выглядела поникшей, точно ей не хватало влаги. Ирена обратила внимание на листья во время каждодневных визитов на трогательную могилку песика, где упорно пыталась посадить цветы, которые неизменно гибли, как бы она за ними ни ухаживала. Такое чувство, будто здесь благоденствует только смерть, думала она в мимолетные мгновенья уныния, ища вокруг дерева мертвых птиц. Но ни одна не упала с тех пор, как миссис Уотком подобрала того дрозда.

Однажды вечером жара в доме сделалась невыносимой. Ирена вышла в сад, и ноги сами привели ее к голой могилке под сумахом. В неверном свете луны искореженные ствол

и ветви напоминали грубоватое деревенское кресло. Почувствовав усталость, Ирена поднялась в эту природную беседку, где, откинувшись назад, с наслаждением вдохнула прохладный ночной воздух. Затем ее сморило, и во сне она с удивительной живостью увидела Хилари. Тот завершил дела в Лондоне и вернулся домой. Они встретились вечером у садовых ворот, и Хилари, раскинув руки, с пылом заключил ее в объятия, после чего сон начал стремительно меняться, все больше походя на кошмар. Небо странным образом потемнело, объятие стало жестоким и властным, а лицо, наклонившееся поцеловать ее в шею, больше не принадлежало ее молодому супругу: оно было злобным, порочным, искривленным, как ствол какого-нибудь погнутого непогодой дерева. Похолодев от страха, Ирена долго и отчаянно боролась с видением и наконец проснулась от собственных испуганных всхлипываний, но, даже придавая себе, еще какое-то время оставалась под впечатлением от кошмара. В воображении ее сжимали, не позволяя пошевелиться, жестокие руки. Лишь после слепой, полусонной борьбы ей удалось выспастись и она поспешила через лужайку к свету в дверном проеме.

На следующее утро Ирену навестила миссис Уоткомб и подвергла ее недоуменному допросу.

— Какая вы бледненькая, милая. Нездоровитесь?  
— Нездоровитесь! Нет, всего лишь небольшая слабость. Эта погода дурно на меня влияет.

Миссис Уоткомб внимательно поглядела на нее. Лицо Ирены поражало своей бледностью, подчеркивавшей яркое красное пятнышко на стройной шее — приблизительно дюймом ниже уха. Неосознанно подняв руку к шее, Ирена повернулась к приятельнице с объяснениями:

— Эта ссадина так болит. Наверное, вчера вечером я содрала кожу, когда сидела под сумахом.

— Под сумахом! — удивленно повторила миссис Уоткомб. — Весьма занятный поступок. За бедняжкой Джеральдиной тоже такое водилось незадолго до болезни, однако под конец она до ужаса боялась этого дерева. Бог ты мой! Сегодня утром оно опять красное!

Посмотрев на дерево, Ирена преисполнилась смутной неприязни. И то сказать, листья больше не выглядели по-никшиими, да и цвет их не был зеленым. Они вновь пестрели багряными пятнами, а крона обрела былую пышность.

— Тьфу! — выдохнула Ирена, торопливо направляясь к дому. — Оно будто из какого-то жуткого кошмара. У меня нынче страшно болит голова. Пойдемте и поговорим о чем-нибудь еще!

На протяжении дня жара стала еще более гнетущей, а сумерки принесли с собой странную неподвижность того рода, что обычно предшествует сильным грозам. Ни одна птица не завела свои вечерние трели, и дыхание ветра было таким слабым, что не шевелился ни единый листик: все замерло в безмолвном ожидании.

Часы между обедом и отходом ко сну всегда тягостны для тех, кто привык к компании, но оказывается предоставлен сам себе. Ирену вскоре охватило беспокойство. Сперва потолок, после сам воздух словно давили на нее. Хотя все окна и двери стояли нараспашку, духота в доме становилась все нестерпимее. Отчаявшись, Ирена выбежала в сад, где по неожиданным всполохам на горизонте поняла, что грядет буря. Сама не своя, она некоторое время бесцельно бродила, иногда останавливаясь и прислушиваясь к раскатам далекого грома, и в итоге ноги привели ее к пустынной могилке Пестрика. При виде нее Ирена почувствовала глубочайшее одиночество и горестно всплакнула, скорбя об утрате верного любимца.

Повинуясь безотчетному порыву, Ирена бросилась в уютные объятия старого сумаха и, утешенная ими, вскоре стала сонно клевать носом. Впоследствии воспоминания об этом мгновении были настолько смутными, что она никак не могла решить, и впрямь ли тогда забылась сном либо пережила необъяснимый кошмар наяву. Отчасти все это напоминало сон, виденный накануне, только еще более ужасный, ибо на этот раз начался он не с приятной грэзы о муже. Вместо него Ирену тут же сжали в тисках безжалостные ветвеподобные руки, почти лишившие ее возможности дышать. Вниз метнулась жуткая голова, изборожденная морщина-



1-893

ми всех мыслимых грехов и, подобно дикому зверю, набросилась на стройную, белую шею своей жертвы. Омерзительные губы впились в кожу Ирены... Она сопротивлялась отчаянно, исступленно — ее тускнеющему сознанию казалось, что дерево ожило и немилосердно оплетает ее своими ветвями, опутывая по рукам и ногам, разрывая платье. Нечто — возможно, веточка — глубоко вонзилось ей в обнаженную шею. Боль заставила Ирену совершить герическое усилие; со сдавленным криком она высвободилась и, встревоженная внезапным мощным раскатом грома, на неверных ногах поспешила укрыться в безопасности своего жилища.

Добравшись до уютной гостиной, Ирена рухнула в кресло и часто, судорожно задышала. В открытые окна влетали порывы освежающего ветра, но несмотря на то, что в доме быстро стало менее душно, ей понадобился целый час, чтобы найти в себе силы доплестись до спальни. Там ее ожидало очередное потрясение. Она едва узнала в зеркале свое бескровное, осунувшееся лицо. Глаза потеряли блеск, губы побелели, кожа дрябло обвисла на усохшей плоти, как будто Ирена состарилась раньше срока. Меловую белизну шеи нарушило единственное цветное пятно — тоненькая струйка засохшей крови. Взяв ручное зеркальце, Ирена тут же озабоченно ее изучила. Вновь открылась старая ранка. Место выглядело воспаленным и напоминало след от укуса какого-то маленького и очень острозубого зверька. Болело ужасно...

Наутро в гостиную ворвалась миссис Уоткомб с предложением прокатиться в соседний городок. Потрясенная видом Ирены, она начала настаивать, что необходимо тотчас послать за врачом. Пока доктор расспрашивал пациентку, миссис Уотком не переставала вмешиваться, упрашивая его изучить ранку на шее. Ирена и врач считали ссадину мелочью, недостойной внимания, но, в конце концов, последний немного озадаченно ее осмотрел и посоветовал наложить повязку. Доктор полагал, что Ирена страдает от анемии, и для скорейшего восстановления сил посоветовал ей вести как можно более спокойный образ жизни, хорошо питаться, чаще проветривать дом и принимать обычные в таких случаях пилюли и микстуры. Однако, невзирая на эти уте-

шительные меры, никто не чувствовал себя полностью удовлетворенным. Врачу недоставало уверенности. Ирена полагала, что у нее не может быть анемии, а миссис Уоткомб одолевали опасения, пусть и крайне туманные, но от того не менее тревожные. Дом она покидала, словно согнувшись под грузом забот. На пути через аллею ее взгляд остановился на старом сумахе — такой багровой и буйной его листва не выглядела со временем роковой болезни Джеральдины.

— Будь оно проклято, это жуткое старое дерево! — проворчала она и, охваченная неясным предчувствием, добавила: — Мужу Ирены следует знать. Надобно немедленно ему телеграфировать.

Ирена вполне по-женски с пользой распорядилась предписанным ей покоем и затеяла уборку в чулане — единственной части дома, что пока оставалась неисследованной. Среди ненужного хлама ей попалась небольшая тетрадь, выгляделвшая новой. С рассеянным любопытством Ирена подняла находку и с удивлением поняла, что Джеральдина намеревалась использовать тетрадь как дневник. На странице имелась дата — всего за несколько дней до смерти бедняжки. Записей под ней не было, однако первые два листа, несомненно, отсутствовали. Когда Ирена положила тетрадь, из нее вылетел и упал на пол исписанный клочок бумаги. Она нагнулась, да так и застыла, от потрясения позабыв дышать — рукою кузины на клочке было написано: «...сумах влечет меня с неистовой...».

Находка поневоле завладела мыслями Ирены. Не приходилось сомневаться, какое именно дерево имелось в виду. Речь шла о старом сумахе на краю лужайки. Он и Ирену влек с неистовой силой, но только сейчас она себе в этом честно призналась. Торопливо пролистав тетрадь, она обнаружила между последних листов горку бумажных обрывков — очевидно, две первые страницы дневника. Сгорая от любопытства, Ирена тут же принялась их переворачивать. На большинстве было одно коротенькое слово либо часть слова по-длиннее, но некоторые крупные клочки обещали пролить больше света на прошлое. Ирена, дрожа от нервного возбуж-

дения, отнесла тетрадь на свой секретер и до вечера складывала порванные страницы.

Меж тем, миссис Уотком была не на шутку обеспокоена внезапной болезнью Ирены. Ее бледность, ее вялое равнодушие ко всему, даже странная ранка на шее определенно давали достаточный повод встревожиться. В точности такие же симптомы за несколько дней до смерти проявляла Джеральдина. Скорее бы вернулся из отпуска деревенский доктор, который занимался тем случаем, думала миссис Уоткомб: его заместителю прискорбным образом не хватало той авторитетной решительности, что столь успокоительно действует на пациентов, их родственников и знакомых. Как давняя приятельница Ирены, она чувствовала себя в ответе за ее благополучие и телеграммой уведомила Хилари о внезапной болезни жены, посоветовав возвращаться без промедления.

Хилари срочность телеграммы настолько встревожила, что он отбыл из Лондона следующим же поездом и вскоре после темноты уже оказался в Клив Грейндже.

— Где госпожа? — сразу спросил он служанку, вышедшую встречать его в холл.

— Наверху, сэр. Миссис Ирена пожаловалась на усталость и сказала, что приляжет отдохнуть.

Хилари поспешил в комнату жены, но не нашел никого. Он позвал ее, затем позвонил, вызывая слуг. Через мгновение Ирену искал весь дом. Ее нигде не было. Существовала вероятность, что она могла отправиться к миссис Уоткомб, и Хилари уже собрался было к соседке, но тут доложили о приходе вышеупомянутой леди.

— Я увидела огни вашего кэба, — пояснила она в ответ на его вопросительный взгляд, не дав Хилари проговорить ни слова.

— Где Ирена?

— Ирена? Но, мой милый Хилари, разве она не здесь?

— Нет. Мы нигде не можем ее найти. Я надеялся, что она с вами.

Долю секунды лицо миссис Уоткомб являло собой картину чистейшего изумления, затем сменившегося озабочен-

ностью, даже тревогой.

— Ирена у того дерева! Я уверена! Хилари, мы должны ее немедленно вызволить.

Ничего не поняв, Хилари проследовал за объятой волнением женщиной в сад. На пути через лужайку он не раз вслепую спотыкался. Было очень темно, жестокий ветер наbrasывался с ударами, будто руки живого существа. Наконец впереди замаячило платье Ирены — едва заметное белое пятно на фоне кромешного мрака, местами скрытое оплетавшим ее старым сумахом. За искореженными ветвями проглядывало спящее тело. Ветви дико раскачивались под порывами ветра. Воображение Хилари разыгралось, ему стало казаться, что им с миссис Уоткомб приходится буквально вырывать Ирену из объятий дерева. В конце концов они вернулись под кров дома и положили свою недвижную нощу на диван. Ирена была без сознания и бледна, как смерть. Лицо ееискажала гримаса мучительного страха. Давешняя ранка на шее, более не прикрытая повязкой, открылась снова и кровоточила.

Хилари бросился за врачом, а миссис Уоткомб со служа-ми перенесли Ирену в ее комнату. Сознание вернулось к бедняжке только через несколько часов, и все это время Хилари мягко, но непреклонно не допускали к больной. Рас-терянный и безутешный, он беспокойно бродил по дому. Вни-мание его привлекла необычная кучка рваных бумажек на столике жены. Он увидел, что Ирена пыталась их разобрать и даже успела некоторые сложить. Работа была завершена лишь наполовину, однако и то, что удалось прочесть, чрез-вычайно его изумило:

*«Старый сумах влечет меня с неистовой силой. Я лов-лю себя на том, что невольно возвращаюсь на кресло в его ветвях, более того, делаю это против собственной воли. Ах, меня всегда посещают там кошмарные видения! В них я погружаюсь в самые глубины ужаса. Воспоми-нания о пережитом преследуют мой разум, и силы мои тают с каждым днем. Доктор Г\*\*\* говорит об анемии...»*



На этом Ирена остановилась. Едва ли сознавая, почему так поступает, Хилари решил завершить работу жены, но вскоре озяб от вплзавшей в спальню утренней прохлады. Почувствовав, как одеревенели члены, он оттолкнул кресло от стола. За дверью послышались шаги, и миг спустя вошла миссис Уоткомб.

— Ирене уже лучше, — не дожидаясь вопроса, объявила она. — Она сейчас спит здоровым сном, и доктор Томсон говорит, что непосредственная угроза ее жизни миновала. Бедное дитя совсем ослабело от потери крови.

— Мэй, скажите... что все это значит? Почему Ирена ни с того ни с сего заболела? Не понимаю!

Лицо миссис Уоткомб необычайно помрачнело.

— Даже врач признал, что этот случай ставит его в тупик, — очень тихо произнесла она. — Все симптомы указывают на внезапную и сильную потерю крови, хотя при острой анемии...

— Боже! Но... это ведь не как у Джеральдины? В голове не укладывается!

— У меня тоже. О, Хилари, вы можете посчитать меня сумасшедшей, но меня не покидает чувство, что здесь не обошлось без чего-то темного, чего-то ужасного. Еще три дня назад Ирена сияла здоровьем, и с Джеральдиной — прежде, чем ее свалила болезнь — было так же. Оба случая удивительно похожи. Ирена пыталась рассказать про какой-то дневник, но бедняжка до того обессилена, что даже говорить связно не может.

— Дневник? Наверное, дневник Джеральдины? Должно быть, она имела в виду его. Я только что закончил складывать обрывки, но, по правде сказать, ровным счетом ничего не понимаю!

Миссис Уоткомб быстро пробежала глазами по строчкам, после чего изучила их уже тщательнее. Затем она зачитала вслух второй отрывок.

— Вот, Хилари, послушайте! Мне это кажется важным.

*«Доктор Г\*\*\* говорит об анемии. Молюсь небесам, чтобы он оказался прав, потому что меня порой посещают*

*мысли, которые предвещают безумие, не иначе... по крайней мере, люди так решили бы, если бы я осмелилась их поведать. Я должна бороться одна и не забывать, что большим анемией свойственны нездоровые измышления. Зря только я прочла те до жути тревожащие слова у Баррета...»*

— Баррет? Мэй, о чём это она?

— Дайте-ка подумать. Баррет? Вероятно, речь о «Деревенских преданиях» Баррета. Мне попадалась такая книга в библиотеке. Давайте сходим туда. Вдруг мы найдем ответы!

Книга нашлась без труда, к тому же отрывок, на который ссылалась Джеральдина, был отмечен закладкой:

*«В Кливе мне напомнили еще об одном поверье, которое безвозвратно исчезает в наш просвещенный век. Издавна считалось, что вампиры, духи злобных умерших, по ночам способны принимать человеческий облик и прочесывать деревни в поисках жертв. Предполагаемого вампира в случае поимки хоронили, причем рот ему набивали чесноком, а в сердце вгоняли кол, вследствие чего вампир становился неопасен или, по крайней мере, не мог покинуть свою могилу.*

*Около тридцати лет назад некий старик говорил о дереве, которое, по его словам, выросло из такого кола. Насколько мне помнится, речь шла о необычном виде сумаха. Во время недавнего размежевания дерево стало частью сада старого Грейнджа...»*

— Пойдемте наружу, — позвала миссис Уоткомб, нарушая долгую гнетущую тишину. — Хочу, чтобы вы поглядели на это дерево.

Небо уже окрасилось утренним румянцем, и кустарник, цветы, даже роса на траве вспыхивали отраженным розовым сиянием. Один только сумах нарушал радостную картину. Он был темным и угрожающим, листья за ночь покрылись безобразными пурпурными пятнами и выглядели мас-

лянистыми, раздутыми, полными противоестественной жизни, будто у чего-то богомерзкого и ядовитого.

Увидев дерево издалека, мисс Уоткомб воскликнула хриплым от волнения и страха голосом:

— Хилари, посмотрите! Этот сумах был точно таким же, к-к... когда умерла Джеральдина.

\* \* \*

К вечеру на лужайке стало до странности пусто. На месте старого дерева дымилась огромная груда углей... огромная потому, что сумах был влажным от темного, липкого сока и не хотел гореть. Пришлось подкинуть в костер большое количество прочей древесины.

Прошло много недель, но в конце концов Ирена оправилась достаточно, чтобы дойти до могилки Пестрика. К ее удивлению, ту почти скрывали из вида заросли чеснока.

Хилари объяснил, что ничто другое здесь попросту не росло.

Дарберт Уэллс

*Странная орхидея*

Покупка орхидей всегда сопряжена с известной долей риска. Перед вами сморщеный бурый корень — во всем остальном полагайтесь на собственное суждение, или на продавца, или на удачу, как вам угодно. Может, растение это обречено на гибель или уже погибло, может, вы сделали вполне солидную покупку, стоящую потраченных денег, а может — и так не раз бывало — перед вашим восхищенным взором медленно, день за днем, начнет разворачиваться нечто невиданное: новое богатство формы, особый изгиб лепестков, более тонкая окраска, необычная мимикрия. Гордость, краса и доходы расцветают вместе на нежном зеленом стебле, и как знать, возможно, и слава. Ибо для нового чуда природы необходимо новое имя, и не естественно ли окрестить цветок именем открывшего его? «Джонсмития»! Что ж, встречаются названия и похуже.

Быть может, надежды на такое открытие и сделали из Уинтера Уэдерберна завсегдатая цветочных распродаж — надежды и, вероятно, еще то обстоятельство, что у него не было в жизни никаких других сколько-нибудь интересных занятий. Это был робкий, одинокий, довольно никчемный человек со средствами, достаточными для безбедного существования, и недостатком духовной энергии, которая заставила бы его искать занятий более определенных. Он мог бы с равным успехом коллекционировать марки или монеты, переводить Горация, переплекать книги или открывать новые виды диатомеи. Но вышло так, что он занялся выращиванием орхидей, и все его честолюбивые помыслы оказались сосредоточены на маленькой садовой оранжерее.

— Почему-то мне кажется, — сказал он однажды за кофе, — что сегодня со мной непременно что-нибудь случится.

— Говорил он медленно — так же, как двигался и думал.

— Ах, ради бога, не говорите об этом! — воскликнула экономка, его кузина. Для нее туманное «что-нибудь случится» всегда означало лишь одно.

— Нет, вы меня неверно поняли. Я не имею в виду ничего неприятного... хотя что я, собственно, имею в виду, я и сам не знаю.

— Сегодня, — продолжал он, помолчав, — у Питерсов распродажа кое-каких растений из Индии и с Андаманских островов. Хочу заглянуть к ним, посмотреть, что у них там хорошего. Как знать, а вдруг я приобрету что-нибудь ценное? Может, это предчувствие.

Он протянул чашку за второй порцией кофе.

— Это растения, собранные тем несчастным молодым человеком, о котором вы мне на днях рассказывали? — спросила экономка, наливая кофе.

— Да, — ответил Уэдерберн и задумался, так и не донеся до рта кусочек поджаренного хлеба.

— Со мной никогда ничего не случается, — заговорил он, продолжая свои мысли вслух. — Почему, хотел бы я знать. С другими происходит все что угодно. Взять хотя бы Харви. Только на прошлой неделе в понедельник он нашел шестипенсовик, в среду все его цыплята заболели вертрячкой, в пятницу приехала двоюродная сестра из Австралии, а в субботу он вывихнул ногу. Целый водоворот волнующих событий по сравнению с моей жизнью.

— На вашем месте я предпочла бы поменьше волнений, — сказала экономка. — Не думаю, чтоб они пошли вам на пользу.

— Да, конечно, это беспокойно. Но все же... Вы подумайте, ведь со мной никогда ничего не случается. Когда я еще был мальчуганом, я ни разу не пережил ни одного приключения. Я рос и никогда не влюблялся. Так никогда и не женился. Хотел бы я знать, что испытывает человек, когда с ним случается что-нибудь действительно необычное. Этому любителю орхидей было всего тридцать шесть — он был на двадцать лет моложе меня, — когда он умер. А он был дважды женат, один раз разводился, четыре раза болел малярией и один раз сломал себе берцовую кость. Однажды он убил малайца, в другой раз его ранили отравленной стрелой. И в конце концов он погиб в джунглях от пиявок. Все это, разумеется, очень беспокойно, но зато как интересно, за исключением разве только пиявок.

— Все это не пошло ему на пользу, я уверена, — проговорила леди убежденно.

— Да, пожалуй. — Уэдерберн взглянул на часы. — Двадцать три минуты девятого. Я выеду без четверти двенадцать, времени у меня хватит. Я думаю надеть летний пиджак — сегодня достаточно тепло, — серую фетровую шляпу и коричневые ботинки. Дождя, мне кажется...

Он кинул взгляд сперва на безоблачное небо и залитый солнцем сад за окном, затем, с тревогой, на лицо кузини.

— Я считаю, все-таки лучше взять зонтик, раз вы едете в Лондон, — сказала она тоном, не допускающим возражений. — Туда и обратно дорога не очень-то близкая.

Уэдерберн вернулся под вечер в необычном для него взволнованном состоянии. Он совершил покупку. Редко случалось, чтобы он действовал решительно, но на этот раз было именно так.

— Это ванды, а это дендробии и палеонофис, — перечислял он. Глотая суп, он любовно созерцал свои приобретения. Он разложил их перед собой на белоснежной скатерти и, пока обедал, сообщал кузине всяческие о них подробности. По заведенному обычаю каждую свою поездку в Лондон он заново переживал по возвращении, что доставляло удовольствие и ему и его слушательнице,

— Я так и знал, что сегодня что-нибудь произойдет. И вот я купил все это... Некоторые из них — я почему-то положительно убежден в этом, — некоторые из них окажутся замечательными. Ну как будто кто-то сказал мне, что будет именно так, а не иначе. Вот эта, — он указал на сморщеный корень, — не определена. Не то палеонофис, не то что-то другое. Весьма возможно, что это новый вид или даже новый род. Это как раз последний экземпляр из того, что собрал бедняга Баттен.

— Мне неприятно смотреть на это. У нее отвратительная форма.

- На мой взгляд, она пока лишена всякой формы.
- Ужасно не нравятся мне эти торчащие отростки.
- Завтра они спрячутся в горшке под землей.
- Похоже на паука, притворившегося мертвым.

Уэдерберн улыбался и, склонив голову набок, рассматривал корень.



— Да, признаюсь, не очень красивый образчик. Но об этих растениях никогда нельзя судить по корню. Может окаться прекраснейшая орхидея. Сколько дел у меня на завтра! Сегодня вечером я должен обдумать, как мне рассадить все это, а уж завтра примусь за работу.

— Беднягу Баттена нашли в мангровом болоте — не то мертвым, не то умирающим, — вскоре заговорил он опять.

— Одна из этих орхидей лежала под ним, примятая его телом. Уже несколько дней перед тем он был болен местной лихорадкой, очевидно, он потерял сознание; эти мангровые болота очень вредны для здоровья. Говорят, болотные пиявки высосали из него всю кровь, всю до единой капли. Может, именно вот эта орхидея, которую он пытался достать, и стоила ему жизни.

— От этого она не кажется мне лучше.

— Пусть жены сетуют, удел мужей трудиться\*, — изрек Уэдерберн с глубочайшей серьезностью.

— Только подумать — умереть без всякого комфорта, в каком-то отвратительном болоте! Лежать в лихорадке, и ничего, только хлородин и хина,— если мужчин предоставить самим себе, они будут питаться одним хлородином и хиной, — и никого поблизости, кроме этих противных туземцев! Я слыхала, что все туземцы Андаманских островов ну просто ужасны, во всяком случае, едва ли можно ждать от них хорошего ухода за больным, раз никто их тому не обучал. И все это лишь для того, чтобы в Англии, кто пожелает, мог купить орхидеи!

— Разумеется, удобств там мало, но некоторые находят удовольствие в таком образе жизни, — сказал Уэдерберн. — Во всяком случае, туземцы, которые участвовали в экспедиции Баттена, были настолько культурны, что хранили собранные им растения, пока не вернулся его коллега, орнитолог. Хотя, правда, они дали орхидеям завянуть и не смогли объяснить, к какому виду они принадлежат. Именно поэтому эти растения меня так интересуют.

— Именно поэтому они вызывают во мне отвращение. Я не удивлюсь, если окажется, что на них бациллы малайрии. Только представить себе — на этих безобразных корешках лежало мертвое тело. Боже мой, мне сначала это не пришло в голову. Нет, заявляю категорически: я больше не в состоянии куска в рот взять.

---

\* «Три рыбака» Чарлза Кингсли (1819-1875).

— Я приму их со стола, если хотите, и переложу на скамейку у окна. Мне их оттуда так же хорошо видно.

В течение последующих дней он действительно с головой ушел в работу — возился в своей оранжерейке с углем, кусочками тикового дерева, мохом и другими таинственными аксессуарами всякого, кто выращивает орхидеи. Он считал эти дни преисполненными событий. По вечерам он рассказывал друзьям о новых орхидеях. И снова и снова говорил о своем предчувствии чего-то необычного.

Несколько ванд и дендробий погибло, несмотря на все заботы, но странная орхидея вскоре начала показывать признаки жизни. Он был в восторге, когда обнаружил это, и тут же потащил свою кузину в оранжерею, не дав ей доверить варенье.

— Это бутон, — пояснял он, — а тут скоро будет множество листьев. А вот эти маленькие отростки — это воздушные корешки.

— Как будто из бурой массы торчат белые пальцы, — сказала экономка. — Нет, они мне не нравятся.

— Почему же?

— Не знаю. Похоже на пальцы, готовые схватить. Я не вольна в своих симпатиях и антипатиях.

— Не могу, конечно, поручиться, но, насколько мне известно, подобных воздушных корешков нет ни у одного вида орхидей. Впрочем, может, это моя фантазия. Посмотрите-ка, на концах они немного сплющены.

— Они мне не нравятся, — повторила экономка и, вздрогнув, отвернулась. — Я понимаю, это глупо с моей стороны, и очень о том сожалею, раз вы-то от них в таком восторге. Но у меня из головы не выходит этот труп.

— Но разве обязательно это то самое растение? Ведь это только мои догадки.

Она пожала плечами.

— Все равно, они мне не нравятся.

Уэдерберна слегка задело такое отвращение к его орхидее. Но это не помешало ему толковать об орхидеях вообще и об этой в частности, как только у него являлась к тому охота.

— Сколько всегда занятного с этими орхидеями, — сказал он как-то, — столько возможностей и неожиданностей. Дарвин изучал их оплодотворение и доказал, что все строение самого обыкновенного цветка орхидеи приспособлено к тому, чтобы насекомые могли переносить пыльцу с растения на растение. Но существует множество уже известных видов орхидей, которые не могут быть оплодотворены таким образом. Например, некоторые из киприпедий — не известно ни одно насекомое, которое могло бы переносить с него пыльцу. А у некоторых орхидей вообще никогда не находили семян.

— Но как же вырастают новые цветы?

— Из усов и клубней и тому подобного. Это легко объяснимо. Непонятно другое: для чего служат цветы? Весьма вероятно, — добавил он, — что моя орхидея окажется в этом отношении совершенно необыкновенной. Если так, я буду ее изучать. Я давно уж собираюсь заняться исследованиями, как Дарвин, но все как-то не находилось времени или что-нибудь мешало. Знаете, листья уже начинают разворачиваться. Мне бы очень хотелось, чтобы вы зашли взглянуть на них.

Но она заявила, что в оранжерее слишком душно, у нее там разбаливается голова. Она видела растение уже два раза, — в последний раз воздушные корешки, к сожалению, напомнили ей щупальца, которые словно бы тянутся к добыче. Они стали преследовать ее во сне: будто растут прямо на глазах и стараются ее схватить. Поэтому она решительно заявила, что больше не хочет смотреть на орхидею, и Уэдерберну пришлось одному восхищаться развернувшимися листьями. Они были обычного размера, широкие, темно-зеленые и блестящие, покрытые у основания пурпуровыми пятнышками. Ему никогда еще не встречались такие листья. Он поместил орхидею на низкую скамью под термометром, а рядом устроил нехитрое приспособление: на горячие трубы батареи капала из крана вода, и воздух вокруг насыщался парами. Все послеобеденное время Уэдерберн теперь проводил в мечтах о приближающемся цветении странной орхидеи.

И наконец великое событие свершилось. Едва войдя в маленькое, крытое стеклом помещение, он уже знал, что бутон распустился, хотя огромный палеонофис скрывал от него его сокровище. В воздухе носился новый аромат — сильный, необычайно сладкий, заглушавший все остальные запахи в этой душной, наполненной испарениями теплице. Уэдерберн поспешил к орхидее, и — о радость! — на свисающих зеленых ветвях качались три крупных белых цветка, источавших этот одуряющий аромат. Уэдерберн замер от восторга.

Цветы были белые, с золотисто-оранжевыми полосками на лепестках; тяжелый околоцветник изогнулся, и его чудесный голубоватый пурпур смешивался с золотом лепестков. Уэдерберн тотчас понял, что это совершенно новый вид. Но какой нестерпимый запах! Как душно в оранжерее! Цветы поплыли у него перед глазами.

Надо проверить, не слишком ли высока температура. Он шагнул к термометру. Внезапно все закачалось. Кирпичный пол поднялся и опустился. Белые цветы, зеленые листья, вся оранжерея — все накренилось, потом подскочило вверх.

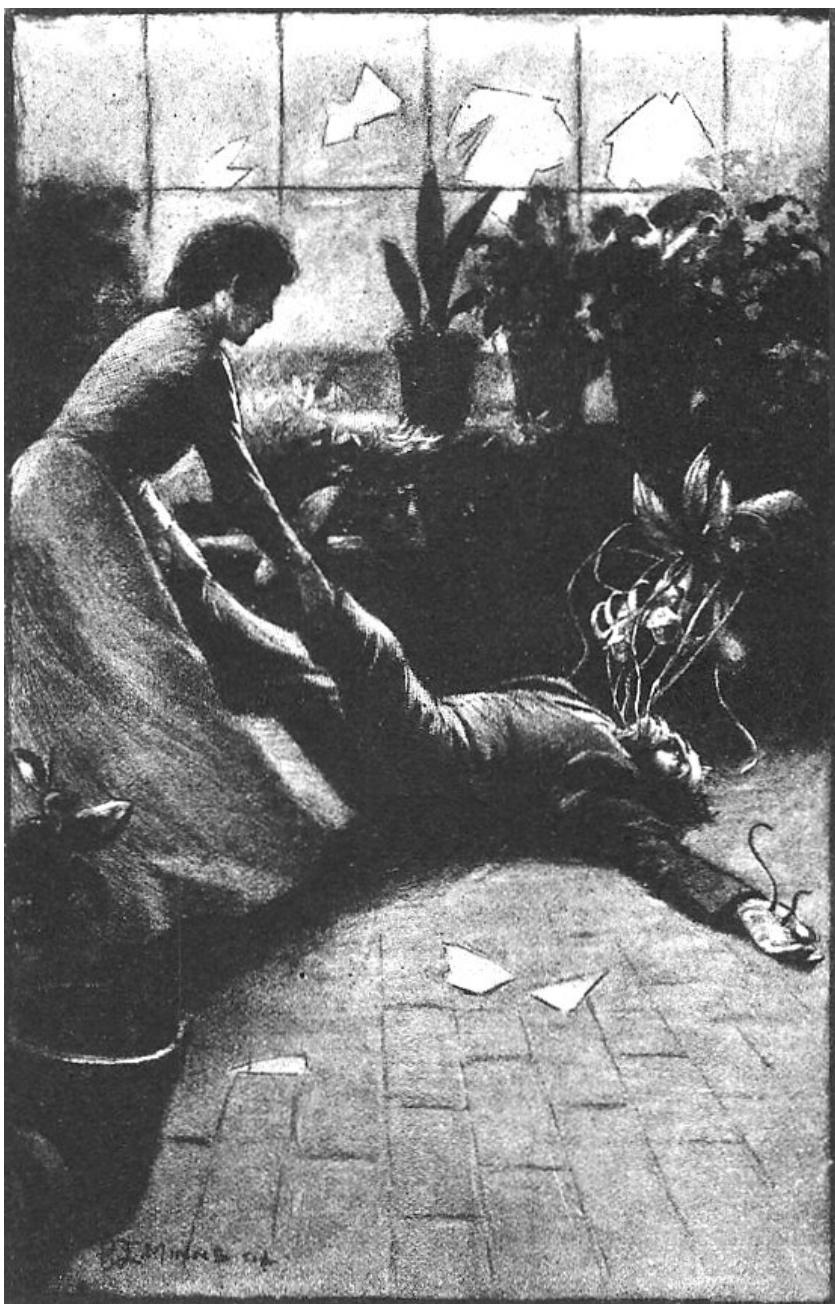
В половине пятого, согласно раз и навсегда заведенному порядку, экономка подготовила чай. Но Уэдерберн к столу не явился.

«Ни как не может расстаться со своей противной орхидеей, — подумала она и подождала еще минут десять. — Вдруг у него остановились часы? Надо пойти позвать его».

Она направилась прямо к оранжерее, открыла дверь, окликнула его. Ответа не последовало. Она заметила, что воздух в оранжерее очень сперты и насыщен крепким ароматом. И тут она увидела что-то, лежащее на кирпичном полу у горячих труб батареи.

С минуту она стояла неподвижно.

Он лежал навзничь у подножия странной орхидеи. Похожие на щупальца воздушные корешки теперь не висели свободно в воздухе, — сблизившись, они образовали как бы клубок серой веревки, концы которой тесно охватили его подбородок, шею и руки.



Сперва она не поняла. Но тут же увидела на его щеке под одним из хищных щупальцев тонкую струйку крови.

Крикнув что-то нечленораздельное, она бросилась к нему и попробовала отодрать похожие на пиявки присоски. Она сломала несколько щупальцев, и из них закапал красный сок.

От одуряющего запаха цветов у нее начала кружиться голова. Как они вцепились в него! Она тянула тугие веревки, а все вокруг плыло, как в тумане. Она чувствовала, что теряет сознание, и понимала, что этого нельзя допустить. Оставив Уэдерберна, она поспешила открыла ближайшую дверь, вдохнула свежий воздух, — и тут ее осенила блестящая мысль. Схватив цветочный горшок, она швырнула его в стекло в конце оранжереи. Затем с новыми силами принялась тащить неподвижное тело Уэдерберна. Горшок со странной орхидеей свалился на пол. С мрачным упорством растение все еще цеплялось за свою жертву. Надрываясь, она тащила к выходу тело вместе с орхидеей. Затем ей пришло в голову отрывать присосавшиеся корешки по одному, и уже через минуту Уэдерберн был свободен. Он был бледен, как полотно, кровь текла у него из многочисленных круглых ранок.

Поденный рабочий, привлеченный звоном бьющегося стекла, подошел как раз в тот момент, когда она окровавленными руками волокла из оранжереи безжизненное тело. На мгновение он представил себе невероятные вещи.

— Скорее воды! — крикнула она, и ее голос рассеял его фантазии. Когда поденщик с необычным для него проворством вернулся, неся воду, он застал экономку всю в слезах; голова Уэдерберна лежала у нее на коленях, она стирала кровь с его лица.

— Что случилось? — спросил Уэдерберн, приоткрыв глаза, и тут же закрыл их снова.

— Бегите живей, скажите Энни, пусть сейчас же идет сюда, а потом за доктором Хэддоном, — сказала она поденщику. И добавила, видя, что тот медлит: — Я все расскажу, как только вы вернетесь.

Вскоре Уэдерберн вновь открыл глаза. Заметив, что его тревожит необычайность его позы, она объяснила:

— Вам стало дурно в оранжерее.

— А орхидея?

— Я пригляджу за ней.

Уэдерберн потерял много крови, но, в общем, особенно не пострадал. Ему дали выпить коньяку с каким-то розовым мясным экстрактом и уложили в постель. Экономка вкратце рассказала доктору Хэддону обо всем, что произошло.

— Сходите в оранжерею и посмотрите сами, — предложила она.

Холодный воздух врывался в открытую дверь, приторный запах почти исчез. Воздушные корешки, разорванные и уже увядшие, валялись среди темных пятен на кирпичном полу. Ствол орхидеи сломался при падении горшка. Края лепестков сморщились и побурели. Доктор наклонился было разглядеть их получше, заметил, что один из воздушных корешков еще слабо шевелится, — и передумал.

На следующее утро странная орхидея все еще лежала там, почерневшая, испускающая запах гнили. От утреннего ветерка дверь поминутно хлопала, и весь выводок орхидей Уэдерберна съежился и завял. Зато сам Уэдерберн, лежа у себя в спальне, ликовал, упиваясь рассказами о своем необыкновенном приключении.

*А. Хайам Вернел*

*Величие пустыни*

Приняв предложение Международной нефтяной компании занять должность полевого палеонтолога на нефтяном месторождении в Перу, у Талары, я и не подозревал, какие поразительные впечатления и удивительные приключения меня ожидают!

Как правило, жизнь палеонтолога не назовешь волнующей или авантюрной. Собственно говоря, едва ли существует другая область науки, столь мало связанная с приключениями, опасностями или захватывающими переживаниями. Окаменелости, конечно, представляют большой интерес для опытного ученого, но что в них может быть опасного? Они не избегают людей, не прячутся от них. Помимо заурядных и вполне ожидаемых трудностей лагерной жизни и полевой работы, охота за окаменелостями — вероятно, самая безопасная и невинная из профессий. А поскольку мне предстояло изучать мельчайшие и наиболее распространенные окаменелости — а именно диатомеи и фораминиферы (наличие определенных видов этих крошечных окаменевших организмов напрямую связано с залежами нефти) — и поскольку мой охотничий участок находился в пустыне, где не водятся ни дикие животные, ни дикари, в непосредственной близости от вечно деятельности нефтеочистительных заводов, скважин, насосных установок и хорошо обустроенной «базы» или городка, мне и в голову не могла прийти мысль о чем-либо необычном, волнующем или опасном. Предположи кто-нибудь такое, и я бы поднял его на смех. Но судьба бывает такой странной и причудливой в своих проявлениях, что через несколько месяцев после прибытия в Талару я пережил самые диковинные и даже непредставимые события, с какими когда-либо сталкивался человек. Не будь эти факты ныне хорошо известны и изложены в кратких сообщениях газет, я и не осмелился бы, вероятно, о них писать из боязни, что меня примут за сочинителя-фантазера, выдающего выдумки за действительность. Но я считаю, что подобные события могут повториться — точнее, вероятней всего повторятся — где-либо еще, не обязательно в Перу, что грозит гибелю многим людям и даже целым селениям и городам; поэтому я убежден, что публика должна быть ознаком-

лена со всеми деталями и подробностями случившегося и быть подготовлена к тому, что нечто подобное может произойти вновь.

Но прежде, чем приступить к рассказу, мне хотелось бы сказать, что похвалы, которыми осыпали меня в связи с решением «неразрешимой» и ужасной загадки и спасением жизни сотен, если не тысяч, мужчин и женщин, незаслужены. Любой человек, обладающий научной подготовкой, некоторыми познаниями в зоологии и интересом к необычным формам животной и растительной жизни, мог бы сделать гораздо больше. Все получилось совершенно случайно: я оказался на месте, вовремя проявил научное любопытство и всегда глубоко интересовался тропической ботаникой. До тех пор ни мне, ни кому-либо другому это не казалось сколько-нибудь важным. Во-первых, я никогда не бывал в тропиках, а во-вторых, моей областью являлась палеонтология, и мои исследования ограничивались палеонтологией беспозвоночных. Но я невольно чувствую, что мой любительский интерес к растительной жизни был пробужден Всевышним с единственной целью столь удачного его применения на практике.

Должен упомянуть еще об одном обстоятельстве, так как оно тесно связано со случившимся и позволило мне сделать необходимые выводы и понять то, что иначе осталось бы для меня загадочным. Проходя аспирантуру в Йельском университете, я весьма заинтересовался глубоководными исследованиями Рыболовной комиссии США под руководством профессора Веррилла, который был моим научным наставником.

В основном это было связано с тем, что океанское дно выложено главным образом фораминиферным илом, то есть скоплением миллиардов скелетиков фораминифер; в океанских глубинах обнаруживаются многочисленные живые виды, близко напоминающие ископаемые. На борту «Альбатроса», в совместной работе и беседах с профессором и его ассистентами, я вскоре осознал, что одна область науки — вернее, одна ветвь любой области науки — тесно сплетается с другой. Полноценное исследование диатомей потребовало серьезного изучения других, высших форм морской жизни. Та-

ковы, к примеру, асцидии или морские огурцы; кораллы и актинии, губки и такие формы, как гидроидные полипы, мшанки и медузы. Если бы я не сумел овладеть достаточно широкими и точными познаниями относительно образа жизни и привычек этих безобидных и интересных морских созданий, я никогда не разобрался бы в кошмарных событиях в Таларе.

---

Талара, как я уже вкратце упомянул, располагается в голой, безводной, лишенной деревьев полосе прибрежных пустынь Южной Америки, что тянутся от Гуаякиля в Перу на юг до центрального Чили. Но пустыню эту не следует считать плоской или ровной. Для нее характерны песчаные холмы, переходящие в такие же голые и безжизненные каменистые возвышенности. По мере приближения и слияния с Андами они становятся выше и многочисленнее. Песок самой пустыни — не более чем скопление продуктов выветривания этих холмов, разложившихся и сметенных вниз в течение бесчисленных веков. Изначально, по крайней мере в каком-то далеком периоде геологической истории, вся местность находилась под водами моря, чем и объясняется наличие морских ископаемых организмов. Международная нефтяная компания наняла меня для изучения этих останков, пребывавших миллионы лет назад под волнами Тихого океана — ибо, как ни странно, некоторые из крупнейших мировых месторождений нефти обнаруживаются именно в этих пустынях Перу.

На протяжении долгих веков здесь не выпадали никакие дожди; на самом деле, пустыней эта местность является лишь по причине отсутствия осадков — песок богат нитратами, фосфатами и поташем, почва плодородна и при поливе или орошении могла бы дать большой урожай сельскохозяйственных культур. Возможно, читатели подумают, что этот за-

тянувшийся трактат о перуанской пустыне не имеет ничего общего с моим рассказом, но позвольте заверить, что это самая важная его часть, и я прошу тех, кто намерен ознакомиться с историей невероятных событий в Таларе, прочитать ее очень внимательно. В противном случае будет практически невозможно предложить разумно обоснованное освещение событий и их причин и показать, что они не были ни чудесными, ни сверхъестественными и вовсе не выходили за пределы существующих в природе причинно-следственных связей.

Мне также придется еще немного испытать терпение читателей и коротко очертить причины, по каким данный берег остается пустынным и безводным. Течение Гумбольдта, направляющееся от Атлантики к северу, снижает нормальную температуру тропических побережий экваториального и субэкваториального регионов западного побережья Южной Америки и в то же время действует как конденсатор насыщенного влагой воздуха, который иначе достиг бы побережья. К этому следует прибавить тот факт, что теплый и влажный воздух обширных амазонских джунглей конденсируется холодными высотами Анд и его влага, таким образом, осаждается как дождь или снег, прежде чем он пройдет на запад над Андами.

Однако в Таларе течение Гумбольдта фактически не омывает береговую линию. Небольшое теплое течение, известное как «Ниньо» (дитя), движется от Панамского залива к югу, прокладывая себе путь между течением Гумбольдта и берегом. Относительные размеры и объем этих двух течений существенно различаются в зависимости от силы и направления господствующих ветров, а также по другим причинам — вполне возможно, из-за сейсмических возмущений морского дна. С давних времен, как показали мои исследования окаменелостей и наблюдения более выдающихся ученых, эти течения видоизменялись. Часто подобные изменения были небольшими и временными, но в других случаях — длительными и очень заметными. Необходимо учитывать, что даже несущественные изменения в обоих течениях оказывают определенное воздействие на климат прибреж-

ных перуанских земель. Температура ощутимо меняется, появляются туманы, выпадают даже небольшие дожди, и вот бесплодная пустыня и голые склоны холмов с удивительной внезапностью покрываются растительностью. Обычно это продолжается всего несколько дней или недель, но в минувшие века такие перемены в течениях, климате и, соответственно, растительной и животной жизни — как доказывают ископаемые останки — продолжались, очевидно, целые годы.

Собственно, одним из первых и самых интересных моих открытий было то, что почва пустыни — на глубине двадцати пяти футов или более — во многих местах слагалась из чередующихся слоев песка; некоторые из них были лишены примесей, другие же содержали значительное количество семян растений. Следовательно, с самых отдаленных времен здесь сменяли друг друга периоды сухости и влажности. Пропорциональное количество слоев и их относительная глубина варьировались, но имелось множество доказательств того, что с древнейших времен в пустыне регулярно чередовались определенные периоды дождей и отсутствия таковых в сочетании с изобилием или отсутствием растительности. В нижних слоях семена были окаменевшими, но верхние, сравнительно недавние, были покрыты таким тонким слоем песка, что сильный дождь несомненно позволил бы им прорости. Это было убедительно продемонстрировано в сезон 1924-25 гг., когда после относительно короткого периода дождей холмы и пустыни вокруг и на юг от Талары (до самой Антофагасты в Чили) покрылись своеобразными пышными джунглями, доходившими человеку до пояса. Более того, почти все появившиеся тогда растения показались местным жителям странными и полностью отличались от любых других, произрастающих в Южной Америке. Изучая найденные семена, я обнаружил, что все они, за редкими исключениями, относились к абсолютно новым для меня видам, родам и даже семействам.

Именно это открытие вновь пробудило во мне позабытый интерес к тропической растительной жизни, и я собирался было прорастить некоторые из самых необычных се-

мян, когда природа спасла меня от неприятностей. Сильное землетрясение ударило по всему западному побережью Южной Америки, причинив огромный ущерб на юге Чили и подняв остров Хуана Фернандеса на несколько сотен футов, а морское дно между этим островом и береговой линией — по крайней мере на двести футов выше прежнего уровня. В результате течение Гумбольдта преимущественно отклонилось к западу, в сторону Тихого океана, теплое течение Ниньо увеличилось в размерах и объеме и вдоль берегов Перу и Чили сразу же начали выпадать сильные дожди. Многим населенным пунктам был причинен непоправимый ущерб. Имения, поля, деревни и даже крупные города были снесены с лица земли бурными потоками воды, стекавшими с гор по древним высохшим руслам. Здания из высушенных на солнце саманных кирпичей, хорошо приспособленные к безводному климату, буквально растаяли и превратились в жидкую глину, и через несколько недель такие города, как Пьюра, Трухильо и другие перестали существовать.

В Чили нитратные пласти были полностью уничтожены, многие крупные и процветающие города и селения стали непригодными для жизни, и даже Лима, столица Перу, выстроенная в основном из адоба, понесла убытки на общую сумму в миллионы долларов. К счастью, более современные здания и особняки столицы были бетонными; бедствие их не затронуло, и по той же причине мало пострадала и Талара. Лачуги местных жителей и старые церкви и правительственные здания рухнули и рассыпались в пыль, но большинство зданий в порту, а также лагеря нефтяников, Негритос и Лобитос, построенные из дерева, бетона или гофрированного железа, вообще не пострадали. Проливные дожди также не нанесли ощутимого ущерба нефтяной промышленности.

Смытый потоками песок заставил некоторые вышки опрокинуться, немало было поломок на трубопроводах и прочих небольших повреждений, но в целом дожди оказались для округи скорее благословением, чем проклятием. Погода, хотя и более теплая, стала менее гнетущей; голая пустыня и холмы почти мгновенно покрылись нежной зеленью,

а долины, заполненные водой, превратились в рай для диких гусей и уток, чьи стаи манили сотрудников компании в охотничьи экспедиции.

Дожди и затопление некоторых излюбленных участков стали серьезной — хотя, как я надеялся, только временной — преградой и в моих палеонтологических исследованиях. У меня появилось много свободного времени, и я с большим интересом изучал растения, выросшие из найденных мною семян. Кроме того, будучи заядлым спортсменом, я часто охотился как на берегах прудов, о которых я упоминал выше, так и в новоявленных джунглях. В течение двух недель они поднялись мне по пояс и стали почти непрходимыми. К своему удивлению и восторгу, я обнаружил, что за очень немногими исключениями они состояли из растений, до тех пор известных только в ископаемом состоянии. Попадалось много видов древовидных папоротников, хвощей, гигантских плаунов и необычных бобовых растений, которые — насколько я мог судить — были предками хорошо известных нам бобов, гороха и так далее. Сначала я был очень удивлен, обнаружив такое изобилие этих якобы вымерших и ископаемых видов, но краткое исследование и некоторые логические рассуждения вскоре привели меня к заключению, что подобное положение дел было совершенно нормальным и легко объяснимым. С самых отдаленных геологических эпох в этих местах, как я уже говорил, чередовались периоды влажные и засушливые периоды. Поэтому растения, которые в течение нескольких лет или столетий произрастали в округе, не успевали измениться или эволюционировать в высшие формы до наступления периодов засухи. Таким образом, самые ранние типы растительной жизни, существовавшие в этом районе, смогли сохраниться со времен далеких геологических эпох, не претерпев значительных изменений.

Вероятно, такие условия не могли бы повториться ни в каком другом месте на земле. Я решил воспользоваться уникальной возможностью и написать монографию на эту тему; я собирался описать образ жизни и внешний вид растений,

приложить точные фотографии и сохранить образцы на благо науки.

Тогда-то я и наткнулся на небольшую поросль самых необычных кустарников. Я называю их «кустарниками», хотя они не были кустарниками в настоящем смысле этого слова. Скорее, они походили на мягкие ветвистые клубни, на гигантские, тонкие и искривленные бататы, растущие над землей. Стебли мясистые, но волокнистые и очень жесткие. Листьев не было, а рост, как и ветвление, обеспечивали суставы или сочленения: один жесткий, оливкового цвета отросток выпячивался из другого и увеличивался в размерах и длине, пока на нем также не начинали появляться дополнительные отростки. Когда я впервые обнаружил их, растения были довольно маленькими — самое крупное едва достигало фута в высоту — но росли они с поистине поразительной быстротой. Через несколько дней они поднялись мне выше пояса, и все мои исследовательские интересы сосредоточились на них. Похожих я не нашел, хотя условия и их естественное окружение, казалось, ничем ни отличались от других мест. Но, рассуждал я, это не удивительно: те же условия, что сохранили жизнь давно вымершим видам, одновременно способствовали локализации каждого из них.

Чем больше я изучал странные растения, тем больше они озадачивали меня. Во многих отношениях они не поддавались классификации, и их невозможно было разместить среди различных ботанических родов, семейств или классов. Я подготовил срезы и изучил их под микроскопом. Я перепробовал все способы идентификации — но все было тщетно. Как ни странно, они имели много общего с водорослями или морскими растениями, и особенно с такими головоломками естественной истории, как мшанки и гидроидные полипы, которые, похоже, образуют связующие звенья между животным и растительным царствами. Но доводилось ли кому-нибудь слышать о растущих на суше мшанках и полипах? Тем не менее, думал я, в отдаленные периоды существования Земли, возможно, были и такие; существуют же наземные водоросли и морские арахниды или пауки. Так почему бы не наземные мшанки и гидроиды?

Это была увлекательная мысль, но до тех пор, пока мои странные растения не сочли бы нужным зацвести или произвести семена, я никак не мог определить, чем именно они являлись. Любой, по крайней мере любой ученый, поймет, какой восторг я испытал, когда обнаружил, что растения нахули и, похоже, собирались зацвести. К этому времени они достигли шести футов в высоту; главные стебли были толщиной с человеческое туловище. Но примечательней всего были будущие цветы: цветочные почки — если это были почки — прорывались сквозь наружный покров или кожицу в местах сочленения ветвей, а сами сочленения, как я заметил, отчетливо утолщились и увеличились в размерах.

Самым удачным было бы сравнение с цветением кактусов. Почки быстро увеличивались, и цветы обещали стать еще более любопытными и странными, чем стебли, а также, осмелилось сказать, прекрасными.

Я подмечал признаки длинных и нежных, ярко окрашенных лепестков, и было очевидно, что цветы достигнут действительно гигантских размеров. Но мои ожидания были далеки от реальности. Однажды утром, посетив поляну кустарников, я увидел, что одна из почек приоткрылась. Я никогда не видел ничего подобного и даже похожего. Цветок никоим образом не развился до конца; по его внешнему виду я заключил, что растение цветет только ночью, и для того, чтобы увидеть цветок во всей красе, мне нужно было посетить это место после наступления темноты. Почка, однако, была в достаточной степени открыта, что позволяло мне составить некоторое представление о цветке. Я рассматривал его с крайним любопытством. Он казался полупрозрачным и очень мясистым, я бы даже сказал, студенистым, и был покрыт блестящим, влажным и, по-видимому, липким веществом. У стебля или основания, так как настоящего стебля у него не было, цветок был ярко-фиолетовым и напоминал по форме луковицу. За этой фиолетовой областью следовала граница или бахрома чисто белой перепончатой ткани, а дальше — бесчисленные длинные и многоцветные лепестки, как я их про себя назвал; они были сложены или свернуты вместе, подобно частично открывшимся лепест-

кам гигантской хризантемы.

Странный цветок имел почти четыре фута в длину и три фута в диаметре. Явственного запаха не было. Я испытывал сильное искушение прикоснуться к нему, но боялся повредить цветок и помешать его развитию. Как ни странно, несмотря на всю красоту форм, яркость красок и студенистую прозрачность, в нем было нечто отталкивающее. Возможно, виной тому был его причудливый вид: я давно заметил, что человеческий разум естественным образом отвергает или по меньшей мере с подозрением относится к любым необычным или странным формам известных природных объектов. Даже человеческие уродцы оказывают на большинство людей подобное воздействие; а цветок и все растение были достаточно необычными и странными, чтобы вызвать к себе смутную неприязнь и недоверие даже в моем научном уме.

И все-таки я решил навестить свои кустарники ночью и предался охоте. Возвратился я к завтраку — с ягдташем, набитым отличными утками и бекасами. В последние дни дожди прекратились, однако новые потоки по-прежнему орошали бывшие пустыни, и влажная земля могла еще некоторое время поддерживать растительность. Я упоминаю об этом, поскольку прекращение дождей имело самое непосредственное отношение к последующим событиям.

Когда я завтракал, позвонили из Лобитоса: меня просяли приехать как можно скорее. Производилась разведка нового участка, и от меня требовалось провести микроскопическое исследование образцов из пробных скважин. Я был весьма разочарован, так как рассчитывал стать свидетелем полного цветения моих странных растений. Утешала мысль, что цветов будет еще много, а мое отсутствие не затянется. Я упаковал свое полевое снаряжение, заказал машину и отправился в Лобитос. Работа, как оказалось, заняла гораздо больше времени, чем можно было ожидать, и я гадал, успею ли вернуться до того, как все чудесные цветы распустятся и увянут. Я и представить не мог, какая скорая и примечательная встреча с загадочными и удивительными цветами странных растений ждет меня в будущем!

---

На второй день моего пребывания в Лобитосе до нас дошли известия о убийствах в Негритосе. Перед бараками были найдены мертвыми два рабочих-индейца или, точнее, чоло. По-видимому, они были задушены удавками или руками, но не было обнаружено ни малейшего намека на личность убийцы или явный мотив преступления. Оба работника были, как и все перуанские чоло, людьми тихими, мирными, трудолюбивыми и совершенно безобидными. Их товарищи заявили, что накануне вечером или ночью погибшие не ввязывались в драки, споры или ссоры; никто не слышал каких-либо громких или гневных слов, и, поскольку в карманах убитых была найдена недельная плата, ограбление как возможный мотив преступления исключалось.

Трагедия потрясла весь Негритос. На протяжении многих лет лагерь был образцом правопорядка. За десять лет здесь не было совершено ни одного убийства или грабежа, ни единой кражи со взломом или иного серьезного преступления; аресты ограничивались случаями пьянства, азартных игр, мелких краж среди туземцев и тому подобным. Негритос и Лобитос считались «сухими» лагерями, и даже пьянство было крайне редким явлением. Поэтому два убийства, произошедшие в одну ночь и без какой-либо очевидной причины, произвели немалую сенсацию. Более того, почти никто не сомневался, что преступления были совершены каким-то пришлым чужаком.

Перуанский индеец или чоло — личность не особо храбрая или отчаянная. Он не выносит кровопролития или насилия в любой форме, и ни я, ни кто-либо из чиновников не могли себе представить добропорядочного чоло, который намеренно напал бы на двух мужчин и успешно их задушил. И почему, спрашивается, ни один из двоих даже не закричал? Такое быстрое убийство казалось немыслимым. Почему второй рабочий спокойно ждал, пока убивали его товарища? Короче говоря, чем больше мы все это обсуждали, тем более загадочным казалось дело.

— По моему мнению, — заявил Стерджис, главный инженер, имевший огромный опыт общения с местными жителями, — это работа чилийца или колумбийца. Вероятно,

двою убитых чоло раньше работали вместе с чилийцами или колумбийцами и поцарапались с ними. Может, из-за женщины или слишком много выиграли в карты. Затем этот парень является сюда, узнает тех двоих и сводит с ними счеты. Мне только непонятно, почему их не зарезали — чилийцы предпочитают именно этот метод. И почему не ограбили? Подобный преступник вряд ли откажется от шанса прикарманить несколько долларов.

— Хм... Скорее всего, у убийцы не было времени, — предположил Хеншоу. — Возможно, он испугался. Но как, черт возьми, один человек мог задушить двоих?

— Может быть, их и не задушили, — вставил я. — Готов поспорить, что никто не осматривал тела на предмет удара по голове. Понимаете, прирезать человека — не всегда самый безопасный и тихий способ убрать его с дороги. Жертва может закричать. А бесшумно зарезать двух чоло было бы так же трудно, как задушить. На мой взгляд, их сперва сбили с ног, а потом, в бесчувственном состоянии, придушили удавкой. Больше напоминает работу человека с Востока или из Ост-Индии, не так ли? Как насчет всех этих китайцев и японцев в Таларе? Бьюсь об заклад, это один из них.

— Может быть, вы и правы, — согласился Стерджис. — Я не думал об индуах или китайцах. Но так или иначе, Стивенс их найдет, кем бы они ни были. Он служил начальником полиции в Маниле и промаху не даст, пусть этот треклятый лагерь и стал таким законопослушным, что Стивенс обленился и ожирел.

В эту минуту зазвонил телефон. Хеншоу поднял трубку и повернулся ко мне.

— Ты нужен в Негритосе, Барри, — сказал он. — Стивенс хочет, чтобы ты помог ему в деле об убийстве. Ему нужен человек, умеющий обращаться с микроскопом, и еще он спрашивает, не врач ли ты. Доктор Сэмюэлс в отпуске, а молодой Роджерс отказывается проводить вскрытие, если рядом не будет компетентного биолога, врача, анатома или еще какого-нибудь ученого.

Конечно, я был удивлен. С другой стороны, удивляться было нечему: я был единственным доступным микроскопи-

стом в округе и в свое время прошел курс анатомии, так как подумывал стать хирургом. Мне было ничуть не жаль покидать Лобитос: место было в лучшем случае неприятное, и вдобавок я торопился к своим странным цветам. Но сразу уехать я не мог, необходимо было прежде завершить работу, ради которой меня вызвали. Я подошел к телефону и сообщил Стивенсу, что выеду в Негритос ранним утром. Вспыльчивый старик выругался и начал спорить, но я сказал, что в мои обязанности входят палеонтологические исследования, а не полицейское следствие, и что отвечаю я только перед нью-йоркским офисом. На самом деле, я немного разозлился и в заключение добавил, что соглашусь участвовать исключительно в качестве личного одолжения и из любопытства, и то если меня вежливо попросят, а не будут приказывать, в противном же случае и вовсе пальцем не пошевелю. Он сразу сбавил тон, начал извиняться, попросил меня повториться и повесил трубку.

Бедный старый майор Стивенс! Я никогда больше не услышал его голос, не увидел, как его красное лицо апоплексически багровеет и как он в ярости брызгает слюной, гневается и ругается. Следующие сутки принесли и мне, и всем остальным небывалое потрясение.

Меня пробудил от глубокого сна настойчивый звонок телефона. Подняв трубку, я услышал взволнованный, встревоженный голос.

— Ради всего святого, возвращайся! — кричал мой собеседник. — Говорит Меривейл. Это ужасно... прошлой ночью убиты еще три человека... и две женщины в Таларе... мы кинулись за майором Стивенсом... и нашли его мертвым... Он был задушен, как и другие. Нужно собрать всех белых... Где-то здесь бродит дьявол. Пора найти его и покончить со всем этим. И, Барри, захвати с собой Хеншоу.

Известие ошеломило меня. Что происходит? Семь, нет, восемь убийств в течение двух дней — и среди жертв майор Стивенс. Это казалось невероятным. Каков мотив? Кто этот убийца? Как он мог безнаказанно совершить новые преступления — ведь после первых двух смертей лагеря наверняка патрулировались и охранялись? Конечно, причина убий-

ства майора Стивенса была очевидна. Убийца боялся майора и решил убрать его с дороги. Но ведь все остальные — чо-ло? Лишь предположение, что убийства были делом рук маньяка, могло бы это объяснить. Хеншоу и Стерджис были потрясены и охвачены ужасом не меньше меня; оба полагали, что убийства совершил какой-нибудь спящий туземец или, по мнению Стерджиса, обезумевший выходец с Востока. Не теряя времени, мы помчались в Негритос — но, выведав подробности новых преступлений, не знали, что и думать.

---

За главного в Негритосе был Меривейл. Этот молодой парень, достаточно знающий и умелый руководитель, был так подавлен и огорчен смертью майора, что места себе не находил и не смог даже толком рассказать о случившемся. Макговерн, старший бурильщик, сумел дать куда более вразумительный отчет. В свое время он повидал виды и какое-то время служил в Нью-Йорке полицейским, причем отвечал за один из наиболее опасных участков Манхэттена в нижнем Ист-Сайде.

Майор Стивенс, зная о его полицейском опыте и умении укрощать самых буйных старателей, привел его к присяге в качестве заместителя и назначил ответственным за охрану лагеря. Он был огромным, крепким парнем, рыжеволосым и веснушчатым, и был лично знаком с каждым мужчиной, женщиной и ребенком в округе. Он знал двух чоло, убитых в первую ночь, и заверил меня, как ранее майора, что оба были самыми трудолюбивыми и законопослушными из рабочих.

— Ну да, Пабло и Гонсалес были ребята честные, работающие, — заявил он. — Проработали здесь без малого тридцать две недели. Не пили, не резались в карты, тихие, как ягнята. У какого дьявола, спрашивается, была причина убивать этих двух парней? Их даже не ограбили. Нет, сэр, тут не ограбление и не ссора, ничего такого. Мотив какой-то не-

виданный, как вы бы сказали, и ежели вы меня спросите, я отвечу, что убийцу не поймать, не уразумев тот мотив. Кто виноват, вы спрашиваете? Богом клянусь, откуда мне знать? И эти, прошлой ночью. Да, сэр, в лагере было светло, как днем, и мы патрулировали всем отрядом. Четырнадцать нас было, шныряли повсюду, а сам я с тремя ребятами стоял на страже у бараков чоло. И ни тебе звука, ни шума драки, ни крика — ничего. И вдруг на рассвете слышим крик из первого барака, и еще кто-то кричит в пятом, и ко мне подбегают женщины и мальчишки, хотят узнать, что случилось. Идем туда и видим всех троих — мертвее мертвого, будто высохшие скважины, и ни на одном ни ранки, только красные пятна на шее. Нет, черт побери, ошибся я маленько. У одного были отметины на груди, а у другого на лице, как будто в них выстрелили зарядом соли, ежели вы понимаете, что я имею в виду. Значит, иду я дождить майору — Господь упокой его душу — и нахожу его удавленным тем же манером. Это вот прямо неестественно, сэр. Аж жуть пробирает. Поджилки трясутся, честно признаюсь, сэр.

— Что вы можете сказать о женщинах, убитых в Таларе?  
— спросил я.

Но у Макговерна не было точной информации о них. Как сообщалось, они были найдены мертвыми, несомненно убитыми, в пустыне неподалеку от городка; накануне, поздно вечером, они были живы и здоровы и направлялись домой (обе жили в домах на склоне холма за кладбищем). Видели их около одиннадцати; следовательно, убийство произошло между этим часом и рассветом.

— Будь я проклят, если понимаю, как убийца мог одновременно расправиться с тремя чоло и майором здесь и еще двумя женщинами в Таларе! — воскликнул Хеншоу. — Макговерн и его люди не видели ни души ни на улице, ни на дороге, никакие машины не проезжали, и убийца уж точно не прилетел на самолете. И все в один голос клянутся, что эти трое из первого и пятого бараков в полночь были еще живы. А майор в два часа ночи был в полном порядке.

— Я не считаю эту сторону дела такой примечательной, как другие факты, — отозвался я. — До Талары можно дой-

ти за пару часов. Но зачем этому дьяволу убивать четырех мужчин здесь и двух женщин там? Как ему удалось это сделать, не будучи замеченным или услышанным Макговерном или его людьми, и почему никто из жертв, из этих восьми человек, не закричал? Как ему удалось их убить? Говорю тебе, Хеншоу, здесь таится что-то, о чем мы еще не думали. Я считаю, что жертвы были убиты каким-то способом, о котором мы даже не подозреваем, а удушение — просто блеф, видимость. Речь идет о каком-то ужасном яде или чем-то вроде этого; возможно, его применили за много часов до того, как жертвы скончались.

— Ты же предполагал, что их оглушили ударом по голове? — спросил Хеншоу.

— Это не исключалось, но гибель майора спутала все карты. Вряд ли кто-то смог бы тайком к нему подобраться.

— Напротив, сделать это было бы достаточно легко, — возразил Хеншоу. — Он сидел у открытой двери и, скорее всего, заснул. Будь я на твоем месте, я провел бы вскрытие и посмотрел, не обнаружатся ли следы яда или травм. Но я тебе не завидую — с такой работой...

— Она не моя, — сказал я. — И поосторожней, не то призову тебя на помощь. Нам всем придется поучаствовать. Я сделаю, что смогу. Меривейл хочет, чтобы я принял бразды правления. Как жаль, что старый доктор Сэмюэлс в отъезде! Молодой Роджерс — неплохой врач, он достаточно хорош для рутинной или больничной работы, но никогда в жизни не проводил вскрытия. Сам я очень мало знаю о таких вещах. Тем не менее, я полагаю, что Роджерс сможет установить наличие травм или яда. Я просто собираюсь присутствовать и провести микроскопические исследования содержимого желудка и крови.

Но результаты вскрытия оставили нас в прежнем неведении — точнее, еще более озадаченными. Судя по всему, чоло пали жертвами злокачественной анемии или до смерти истекли кровью, но на их тела не было найдено ран, которые могли бы привести к значительной кровопотере. Следы на лицах и груди, упомянутые Макговерном, оказались проколами и едва углублялись в кожу; на одежде рабочих

не было каких-либо больших пятен крови. В двух случаях имели место серьезные ушибы головы, но они могли быть вызваны падением и ударом о камни. У третьего человека, однако, обнаружился небольшой прокол в яремной вене и повреждение левого глаза: выглядело это так, словно что-то пронзило глазное яблоко и вся жидкость вытекла. Но и на его одежду не было пятен крови. Тело майора мы не вскрывали; внешний осмотр не выявил никаких следов, которые могли бы объяснить причину смерти, кроме красной полосы на горле, присутствовавшей у всех погибших. В отличие от чоло, тело майора, как нам показалось, не было обескровлено. Мы связались по телефону с врачом из Талары; тот сообщил, что не нашел на телах убитых женщин никаких следов насилия, за исключением многочисленных мелких ранок на груди и спине. Такие следы мог бы оставить выстрел из дробовика, сделанный с большого расстояния — но в ранках не обнаружилось дроби. Мое микроскопическое исследование содергимого желудка, тканей и крови не выявило наличия известных ядов, а химические тесты Роджерса не дали реакции на токсины.

Все это, понятно, отняло немало времени, и лишь ближе к вечеру мы освободились от неприятных обязанностей. Что же до обычной работы, то она полностью прекратилась. Никто и не думал выходить на смену. Руководители и начальники участков были слишком поглощены мыслями о череде таинственных трагедий, а чоло радостно и невозмутимо предавались безделью. Могло показаться, что они оставались равнодушными к загадочной и сверхъестественной гибели своих товарищей. Прочее население лагерей было вне себя от волнения и нервного напряжения. Женщины были до дрожи напуганы, детей не выпускали на улицу, и даже средь бела дня все вели себя так, словно ожидали, что в любой момент их настигнет чья-то невидимая рука.

Суеверный ужас не обошел и мужчин. Сам факт убийства, будь жертв и втрое больше, ничуть не обеспокоил бы крутых парней, составлявших костяк белой рабочей силы. Многие из них вели варварскую жизнь. Они побывали во многих шахтерских лагерях, где человеческая жизнь ценилась де-

шево, а убийства были повседневным делом — и почти все прошли через мировую войну. Десяток убитых туземцев или белых — убитых во время бунта или забастовки, в ссоре или пьяной драке — не заставил бы их и глазом моргнуть. Но восемь таинственных смертей, необъяснимая причина убийств и отсутствие каких-либо ключей к разгадке наполнили сердца этих жестких, закаленных в испытаниях ветеранов страхом перед потусторонним. И в самом деле, не один открыто высказывался в том смысле, что несчастных убил не человек, что в их трагической смерти повинен какой-то древний дьявол инков или же злой дух, и что лучше всего будет убраться из лагеря и держаться от него подальше.

Образованная часть лагерного населения, конечно, только посмеивалась над этими объяснениями. Для нас дело обстояло просто: были совершены убийства, и до сих пор убийца ускользал от нас. Но мы были уверены, что он непременно будет пойман, если осмелится повторить содеянное. Мы окружили лагерь надежным кольцом охранников, часовых и полицейских. Если убийца появится, думали мы, он неизбежно окажется у нас в руках.

---

Оглядываясь назад, я понимаю, какими глупыми и наивными были наши планы. Прошлой ночью убийца совершил свои злодейские преступления, несмотря на яркое электрическое освещение и значительное количество охранников — и скрылся незамеченным. И все же мы считали, что сумеем задержать убийцу, который до сих пор проявлял такую дьявольскую изобретательность, ускользая от всех: достаточно только погрузить лагерь в темноту, получше спрятаться и приказать никому не выходить на улицу после одиннадцати вечера...

Ночь была темная и беззвездная. Немногочисленные горевшие фонари позволяли лишь заметить на улице движущуюся фигуру — если эта фигура появится.

В лагере дежурило полсотни человек; я также отправил дюжину людей за пределы лагеря для наблюдения за окружающей пустыней. Все были тщательно замаскированы: одни затаились в густой тени нефтяных вышек, другие прятались за штабелями труб, третий за камнями или зданиями. В то время нам казалось, что никакое живое существо не сумеет приблизиться к лагерю или прокрасться по улице, не будучи замеченным вооруженными охранниками. Конечно, мы учитывали, что маньяк или злодей — кем бы он ни был — мог и не появиться, что он, возможно, насытил свою жажду крови или же, зная, что мы его ждем, будет держаться осмотрительно, пока волнение и бдительность не спадут. Не исключено, что он попросту исчезнет навсегда. Но мы рассудили, что убийца, должно быть, маньяк или наркоман и что в таком случае он будет продолжать свои нападения, вовсе не заботясь о том, что навлекает на себя катастрофу.

До полуночи все было тихо. Я несколько раз обходил посты: все были на дежурстве, все бодрствовали и никого, кроме патрулей, не видели. Прошел час или два, и вдруг — раскатившись в темноте чудовищным эхом — послышался безумный крик смертельного ужаса. Я весь похолодел и мгновенно бросился в ту сторону, откуда раздался крик. Позади я слышал топот ног полдюжины людей. Но мы не успели пробежать и пятидесяти ярдов, как на нас вылетел бегущий человек, который бешено несся в лагерь из пустыни. Это был Макговерн. Я никогда не видел выражения такого дикого ужаса и страха, как на лице великана-ирландца. Его глаза закатывались, губы дергались, изо рта текла слюна, зубы стучали, а все огромное мускулистое тело дрожало и тряслось, как тельце испуганного ребенка. Едва не упав в обморок, он вцепился в меня и принял что-то бессвязно бормотать. С величайшим трудом мы заставили его говоритьнятно — и он поведал нам невероятную историю, перемежая ее восклицаниями и часто крестясь.

Он сидел на штабеле досок в тени недавно возведенной вышки, примерно в ста футах от постройки, известной как седьмой барак. Макговерн настаивал на том, что бодрствовал, страха не испытывал и постоянно поглядывал во все сто-

роны. Никто, твердо заявил он, не смог бы подобраться к нему незамеченным, и все же внезапно, без всякого звука или предупреждения, на голову ему набросили что-то мягкое, прохладное и влажное, и он чуть не задохнулся; мускулистая рука обхватила его шею, пальцы сжали горло, и он почувствовал, что слепнет, задыхается, гибнет. Безумно испуганный, прилагая всю свою громадную силу, он боролся, дрался, пытаясь оторвать от шеи железную руку и сбросить с себя удушающий покров (Макговерн сравнил его с мокрым одеялом). Какое-то время все его усилия казались тщетными. Он вертелся во все стороны, пытался дотянуться до противника, но все было напрасно. Затем, не то случайно, не то намеренно, он кинулся на землю, прямо в лужу густой сырой нефти. Душившая его рука мигом разжалась, сорвала с его головы мокре одеяло, и Макговерн, вскочив и вопя во все горло, помчался к лагерю.

Едва дождавшись окончания его удивительного рассказа, мы поспешили к месту нападения. Но там мы никого не нашли. По правде сказать, мы усомнились бы в истории ирландца, решив, что он задремал и все это ему приснилось, не будь он весь перемазан нефтью. На земле, вокруг нефтяной лужи, были видны следы борьбы, а на шее Макговерна отчетливо выделялась красная полоса.

Час или полтора мы обыскивали пустыню, обшарили все возможные укрытия и собирались прекратить поиски, когда раздался крик Джексона. Мы бросились к нему. Он стоял, выпучив глаза, у груды ржавого металлического лома и указывал на какую-то темную массу, лежащую в тени. Я зажег электрический фонарь и с невольным криком страха и изумления отскочил назад.

Там, вялый и безжизненный, все еще с винтовкой в руках, лежал труп Хендерсона, одного из патрульных.

— Матерь Божья! — вскричал Макговерн. Он по-прежнему дрожал и старался держаться рядом со мной. — Дьявол добрался до бедолаги. Господи, сэр, вы и теперь будете говорить, что в убийствах повинен человек?

Мы смотрели друг на друга и видели пустые, испуганные лица. Это было жутко, невероятно. Кем бы ни был убий-

ца, он обладал почти сверхъестественными способностями. Безмолвно, незаметно, неслышно, неожиданно, он напал на Хендерсона и убил его прежде, чем бедняга успел издать хоть звук. Смерть, по-видимому, была мгновенной; иначе остались бы какие-то следы борьбы, Хендерсон выпустил бы из рук винтовку... Напрашивалось единственное объяснение: на Хендерсона, в отличие от Макговерна, напали во сне. Я был уверен, что Хендерсона убили еще до нападения на Макговерна — будь это не так, патрульного разбудили бы душераздирающие вопли громадного ирландца.

Но удивительные, необъяснимые события той ночи еще не закончились. Когда, неся тело Хендерсона, мы вернулись в лагерь, нас встретили Меривейл, Роджерс и двое патрульных. При первом взгляде на их лица я понял, что произошла новая трагедия.

— Боже мой, Барри! — воскликнул Роджерс. — Убит больничный сторож! Я нашел его минут через пять после нападения и — можешь считать меня сумасшедшим — мельком видел дьявола, который убил его. Я не лишился рассудка, я не пью, я не спал, но, клянусь жизнью, я видел, как над его телом поднялась какая-то неясная тень и исчезла — да, исчезла, растворилась в воздухе прямо перед моими глазами!

— Вздор! — отрезал я, пытаясь говорить спокойно: ужас Роджерса и Макговерна был несколько заразителен. — Если ты видел этого человека, то кто он? Как он выглядел?

— Человека? — крикнул Роджерс. — Это был не человек. Это было к-какое-то сущ... сущ... существо, при... призрак!

— Благословенная Мария, защити нас! — воскликнул Макговерн, истово крестясь и прижимаясь ко мне. Искоса он поглядывал на тени, словно ожидал, что там вот-вот материализуется чудовищный демон. — Говорил же я, что ребят убил не человек. И на меня напал не человек, рожденный от женщины, сэр.

Я принужденно рассмеялся.

— Тебе привиделось, Роджерс, — сказал я. — Ты вообразил, будто что-то видел. Никто из нас не верит в призраков и прочие сверхъестественные вещи.

— Ему *не* привиделось, — вмешался Меривейл. — Я прибежал на крик Роджерса и тоже это видел. В нападавшем не было ничего человеческого.

Я ахнул. Я не мог сомневаться — оба говорили правду. Сторож был убит; оба настаивали, что видели нечто, какой-то призрачный объект, который затем исчез. Что все это означает? Что за смертоносный призрак? Я не верил и по сей день не верю ни в призраков, ни в сверхъестественные явления, и всегда считал, что все можно объяснить естественными причинами. Оправившись от первого чувства слепого страха и нервной дрожи, вызванного этими невероятными рассказами, я стал рассматривать вопрос с точки зрения здравого смысла.

— Возможно, вы оба *действительно* что-то видели, — согласился я. — Но если и так, это был не призрак. Даже если бы все мы верили в призраков — а лично я не верю, и не думаю, что кто-либо из вас верит — никто и никогда не слыхал о призраке, способном причинить людям вред. Существо, совершившее эти преступления, обладает мышцами, плотью и кровью. Оно напало на Макговерна, и когда он спрятается со своим безумным суеверным ужасом, он сможет вам рассказать, что сражался не с каким-то призрачным, эфирным духом. Если ваш «призрак» исчез, то только потому, что выскользнул в темноте из поля зрения. Но, конечно, существует отдаленная — и очень отдаленная — вероятность, что это был *не* человек. Какая-нибудь невиданная хищная птица, хотя я и не верю в подобную теорию. Никакая птица и никакое животное не душит людей. Мне кажется, что это какой-то сошедший с ума выходец с Востока, возможно, член восточно-индийского клана тугов. Ткань, наброшенная на голову жертвы, а затем попытка удушения поразительно напоминают методы тугов. Я полагаю, что вы двое видели ткань, одеяло или пончо, которыми пользуется убийца. Скорее всего, он выходит на охоту обнаженным или почти обнаженным и потому остается практически невидимым в темноте. Но ткань, которую он использует, может быть светлой. Когда он сбежал после убийства сторожа, ткань на мгновение стала видна, прежде чем он ее скомкал. Это дало бы

эффект, который ты описываешь, Роджерс. Ты находился в светлом месте, а затем очутился в темноте и не заметил убийцу, тем более что твои глаза были прикованы к ткани. Так или иначе, теперь нам известен метод этого парня. Ткань заглушает крики жертв — вот почему при нападениях не было слышно никаких криков. Потом он начинает душить.

— Замечательно! — саркастически воскликнул Меривейл. — Но это не объясняет проколы! И в чем состоит его замысел? Как он скрывается от патрулей?

— Я не думаю, что проколы, как ты их называешь, имеют какое-либо отношение к делу, — ответил я. — Откуда мы знаем, что их не было на телах этих людей еще до убийства? Многие чоло, как известно, страдают язвами и волдырями. А маньяки, что также известно, крайне умело обходят ловушки. Голый индус или китаец может проскользнуть в тени, пройти там, где ни одному белому не удастся пробраться незамеченным.

— Ну, надеюсь, ты прав, — сказал Роджерс. — Я верю в духов не больше, чем ты, Барри. Но признаюсь, я испытал настоящий ужас, когда увидел, как эта призрачная, облаченная фигура взлетела над телом сторожа и исчезла. Хотелось бы думать, что волнения на сегодня закончились. На востоке уже начинает светлеть. Уже почти утро.

---

Ночные волнения, как выразился Роджерс, и впрямь закончились, но день принес в Негритос новые и самые невероятные известия. Из Лобитоса позвонил Стерджис, и я побледнел, услышав, что в его лагере были найдены убитыми — задушенными — двое людей. Едва он повесил трубку, как из Талары позвонил Колкорд и сообщил, что там были совершены четыре убийства. Час или два спустя наш радиострой принял поразительное сообщение с борта лайнера «Санта Джулия»: утром на палубе нашли мертвыми трех человек, двух

членов экипажа и пассажира, и все они, как оказалось, были задушены. И, словно этого было недостаточно, вести о похожем убийстве пришли из Пайты.

Мой мозг бился, как в лихорадке, чувства будто изменяли мне; остальные казались придавленными этими непредставимыми новостями. Как такое могло случиться? Как мог убийца в одну ночь расправиться с жертвами в Негритосе, Лобитосе и Таларе, в пятидесяти милях от Пайты? И если даже представить, что человек способен в одну ночь покрыть пешком такое расстояние, оставался еще один необъяснимый факт: он или оно, кто знает, напало на людей на борту парохода в двадцати милях от берега...

Хеншоу первым нарушил напряженную, полную страха тишину.

— Проклятье! — вскричал он. — Это просто невозможно. Я не суеверен и готов признать что угодно в пределах разумного. Но это уже слишком. Ни один человек не смог бы этого сделать. Либо мы имеем дело с бандой убийц, то есть с организованной шайкой, либо — поскольку я пока не собираюсь признавать теорию призрака или духа — здесь действует какая-то сила, явление природы, чума, если угодно, но никак не человек.

— Макговерн тебя заверит, что дрался не с чумой или какой-либо другой заразной болезнью, — напомнил я. — И, между прочим, Роджерс и Меривейл действительно что-то видели. Нельзя ли предположить, хоть это и весьма маловероятно, что виной всему какое-то неизвестное и странное существо — птица или гигантская летучая мышь, наподобие огромного вампира?

— Я начинаю думать, что всякое возможно, — заявил Хеншоу. — Кстати говоря, если так будет продолжаться, нам придется, похоже, закрывать лавочку. Вся моя команда в Лобитосе уволилась, а отсюда убралась половина чоло. Макговерн мне сказал, что сегодня после обеда отправляется в Лиму; бурильщики и монтажники готовы уйти, и все женщины в лагере, способные двигаться, собираются покинуть это проклятое место на первом же корабле.

Я кивнул.

— Да, я знаю. И я не могу их винить. Любое убийство — неприятное дело, но когда к нему, как у нас, примешиваются таинственные и сверхъестественные элементы, никто не захочет оставаться поблизости. И никто не знает, кто может стать следующей жертвой. Знаешь, одна вещь меня озадачивает. Почему погибло так мало белых? Бедный майор Стивенс — единственный белый человек, убитый до сих пор, а кроме него, нападению подвергся только Макговерн.

— Ты забыл тех троих на «Джулии», — напомнил Хеншоу. — Все они были белыми.

— И среди убитых — всего две женщины, — добавил Меривейл.

— Вряд ли это имеет большое значение, — заявил Роджерс. — Факт остается фактом: людей убивают каждую ночь. В первую ночь были убиты двое, прошлой ночью эти... — скажем, убийцы — совершили одиннадцать нападений, если считать Макговерна, который едва спасся. И если они будут продолжать в той же прогрессии, этой ночью мы получим двадцать пять смертей, завтра — пятьдесят или шестьдесят погибших и несколько сотен в субботу.

— Боже Мой! — воскликнул Хеншоу. — Я не думал об этом в таком ключе. Черт возьми, Барри, если так продолжится, через неделю тут никого не останется!

Я заставил себя улыбнуться.

— При условии, что математическая прогрессия Роджерса не прервется, через год на Земле не останется ни одного живого человека, — заметил я. — Но у нас нет оснований предполагать подобный равномерный прирост. Рассмотрим дело с другой стороны. Убийства начались здесь, были убиты двое, а прошлой ночью только один. Возможно, в будущем деятельность убийц сосредоточится на других населенных пунктах. Но, на мой взгляд, самое главное — выяснить, кем или чем являются эти убийцы, почему они убивают людей без разбора и как это остановить. Важно не количество убийств, а то, что они происходят; важно то, что никто не может поручиться за свою безопасность. Что же касается цифр — в прошлом году здесь, в Негритосе, гораздо больше людей погибли от несчастных случаев. Характер, причина смер-

ти — вот что делает это таким ужасным.

— Хорошо, но как мы можем положить этому конец? Можем ли мы сделать больше, чем сделали? — требовательно осведомился Меривейл.

— Я предлагаю натянуть вокруг лагеря колючую проволоку, — сказал Роджерс. — Если эта штука пройдет через заграждение, мы будем знать, что это не человек.

— И залить все треклятое место светом прожекторов, — добавил Хеншоу.

— Мы сделаем и то, и другое, — согласился я. — И если этот... ну, убийца... проникнет в лагерь и нападет на кого-нибудь, мы в любом случае сможем его увидеть.

Но, хотя это звучит совершенно невероятно и непредставимо, таинственная смерть, несмотря на заграждение из колючей проволоки и потоки света прожекторов, настигла в ту ночь еще одну жертву. На сей раз ею стала белая женщина, миссис Вейч, школьная учительница. Не обращая внимания на все ужасы и тревоги, она каждую ночь ложилась спать на веранде. Из Пьюры, Салаверри, Трухильо и Катавии пришли сообщения о таких же таинственных и странных смертях.

---

— Говорю вам, это эпидемия какой-то заразной болезни, — заявил Роджерс. — Макговерну просто показалось, что на него напали.

— Не ты ли клялся, что вы с Меривейлом что-то видели? — фыркнул Хеншоу.

— Я, — признал Роджерс. — Но я пришел к выводу, что мы оба заблуждались. Видимо, нас обмануло воображение. Если вы можете предположить что-то в пределах разумного, если вам известно нечто — кроме заразной болезни — способное убивать людей за сотни миль друг от друга, а также пробраться сюда сквозь колючую проволоку, я готов буду согласиться. Но все детали напоминают эпидемию: распространение, неожиданные смерти, отсутствие ран на телах,

состояние крови жертв. И эти отметины — или проколы — указывают на какую-то ужасную, неведомую болезнь.

— Я кое-что заметил, — вмешался Хеншоу. — Все началось с того землетрясения и изменений в климате. Смерти последовали за дождями и появлением растительности. В известном смысле, это подтверждает теорию эпидемии. Я не исключаю, что в почве находились какие-то бациллы, которые возродились к жизни и стали активны благодаря влажной погоде.

— Напротив, — возразил я. — У нас не было смертей в период сильных дождей. Все убийства произошли с тех пор, как прекратились дожди и установилась засушливая погода. стала сухой. Мне кажется, они никак не связаны с дождями.

— Ну что же, у нас будет возможность это установить, — сказал Хеншоу. — Собираются облака, и по всему судя, надо ждать дождя.

Он не ошибся. В тот день пошел дождь; к вечеру он превратился в ливень, и всю ночь с неба низвергались водные потоки. В затронутой дождем местности не было ни единой смерти или нападения, хотя шестеро мужчин и три женщины были убиты около Салаверри и Трухильо, в районе, где дождя не было. Это могло быть, конечно, простым совпадением. Дождь лил и в последующие четыре ночи, затем распространился на юг до Чанкая — никаких убийств! Взаимосвязь дождей и убийств становилась очевидной, и приходилось заключить, что гипотеза Роджерса о неизвестной эпидемии была правильной.

Дни шли за днями, погода стояла дождливая, а убийства не повторялись. Никто не располагал конкретным научным или медицинским объяснением, но все мы решили, что случаи загадочных смертей были вызваны некими спорами, бациллами или микробами, которые становились вирулентными лишь в засушливые периоды и после обильных дождей. Дожди, как сформулировал Роджерс, помогали им разиться или восстать из спящего состояния, но активными они становились лишь в засушливую погоду. Однако даже Роджерс никак не мог объяснить тот факт, что все смерти случались исключительно по ночам.

Так или иначе, эпидемия закончилась. Все были теперь убеждены, что люди к трагедиям непричастны, и поскольку в обозримом будущем прекращения дождей ожидать не приходилось — Бюро погоды и метеорологи утверждали, что если рельеф океанского дна не изменится, погода навсегда останется влажной — недавние трагические и наполненные ужасом ночи были почти забыты. Бурильщики и монтажники, не сумевшие уплыть восвояси, отбросили свои страхи и вернулись на работу; с холмов в лагеря потянулись чоло, да и женщины бросили вязать узлы и паковать чемоданы и решили остаться.

Я снова смог обратиться к своим исследованиям и прежде всего поспешил к странным растениям, которые по необходимости так долго оставлял без внимания.

К моему большому огорчению, я нашел их увядшими, мертвыми... Отметины на их отростках указывали места, где распустились цветы. Напрасно я обыскивал окрестности в поисках плодов, семян или цветочных лепестков. Прошло несколько недель, все это время шли сильные дожди, и мертвая растительность очень быстро разлагалась. Я был до крайности разочарован, но делать было нечего. Превратив свою ботаническую экспедицию в охотничую, я углубился в джунгли в надежде добыть перепелов или голубей. Я прошел, наверное, четверть мили и вышел на берег одного из недавно образовавшихся ручьев. Там я наткнулся на частично разложившийся, кашеобразный, студенистый предмет, лежавший у кромки воды. В первую минуту я подумал, что это труп какого-то животного или рыбы, но предмет почти не издавал запаха разлагающейся плоти. Я наклонился ближе и обнаружил, что это был увядший и полусгнивший цветок какого-то неизвестного растения. Что-то в нем показалось мне знакомым. Внезапно меня осенило: да это же цветок одного из моих странных кустарников! Вполне очевидно, что он был сорван ветром или смыт потоком и носился по течению, пока не нашел приют на берегу. Экземпляр цветка был значительно поврежден, и тем не менее я изучил его с большим интересом. Насколько я мог определить, он мало чем отличался от цветов, которые я видел раньше в виде

почти раскрывшихся бутонов. Фиолетовый цвет выцвел до темно-коричневого, белый стал желтоватым, почти бесцветным, но я все еще мог различить гигантскую луковичную чашечку и перепончатую бахрому, окружавшую длинные полуокруглые лепестки, нитевидные волокна, которые я определил как тычинки, и часть толстого, мясистого, колючего пестика. В полном расцвете сил, только что открывшись на материнском растении, цветок представлял собой, должно быть, великолепное и действительно замечательное зрелище. Но сохранить образчик было невозможно — и, вздохнув о том, что никогда, вероятно, не смогу увидеть странные растения в цвету, я направился дальше.

Через несколько минут, однако, я увидел еще один гниющий цветок. На этот раз, к своему удивлению, я обнаружил вокруг членистые, лишенные листьев побеги новых растений, прорастающие прямо из земли. Это было чрезвычайно любопытно. Не было ни семян, ни плодов: видимо, побеги прорастали из самого цветка. Поразмыслив, я понял, что в этом нет ничего необычайного: многие кактусы и бромелии могут порастать из частей стеблей, даже из почек или цветов, а я уже давно пришел к выводу, что мои растения были тесно связаны с группой кактусов либо бромелий или входили в одну из них. Я был в восторге — мне все-таки представится возможность стать свидетелем их цветения! Если дожди продолжатся, они разовьются очень быстро и через две недели зацветут. В тот день я нашел еще несколько старых цветков, и всякий раз вокруг были новые побеги. С такой скоростью, думал я, через несколько месяцев весь склон горы покроется странными растениями; какое же поистине великолепное зрелище явят сотни, тысячи распустившихся гигантских цветов! Жаль, что они раскрываются только ночью, как эхинореус. Но и под лунным светом огромные бело-лиловые цветы станут незабываемым видением, и ради него я готов был пройти много миль по джунглям.

---

Я навещал свои растения почти ежедневно. Они развивались быстро, поглощая, судя по всему, остатки старых цветов. Как ни удивительно, они оказались разбросаны по весьма обширному участку. Мое удивление возросло после того, как я рассказал о них друзьям. Меривейл сказал, что видел такое растение далеко в районе бывшей пустыни, а Седжвик сообщил, что заметил странные растения на полпути к Лобитосу. Казалось невероятным, что ветер мог унести громадные цветы на такое расстояние; я мог лишь предположить, что имелись и другие заросли загадочных кустарников, не обнаруженные мной в начале периода дождей.

Вскоре после этого я заметил, что ближайшие к лагерю растения собираются зацвести. Я был очень взволнован и с неослабевающим интересом наблюдал, как набухают бутоны, развиваются цветы и бело-фиолетовые лепестки показываются из-под грубых коричневатых покровов. Настал день, когда я заключил, что ночью цветы могут распуститься; я боялся пропустить этот момент, так как был убежден, что полное цветение продолжается всего одну ночь, и решил с наступлением темноты нанести визит своим растениям. В тот вечер дождь лил, как из ведра. Бредя по воде и грязи, я добрался в конце концов до ближайших кустов и нашел цветы в том же состоянии, в каком они были днем. Они явно не желали распускаться под дождем, и я ругал себя последними словами: я ведь должен был это понимать, так как немногие ночные растения цветут в плохую погоду, но вместо того пустился в бессмысленный поход. Я возвратился в лагерь и стал ждать окончания дождей.

Но меня снова ждало горькое разочарование. Неожиданно меня вызвали на новое нефтяное месторождение в бухте Лангоста. Как назло, почти сразу после моего отъезда воцарилась сухая погода. По какой-то прихоти ветра или местоположения климат в районе Лангосты не изменился, в отличие от остального побережья. Наш маленький поисковый лагерь в пустыне был совершенно отрезан от мира, и никакие новости извне до нас не доходили — лишь раз в две недели приземлялся самолет, совершивший рейсы между Лимой и Гуаякилем, и привозил нам письма и газеты.

Я упоминаю об этом потому, что только через две недели после моего прибытия в Лангосту мы получили какие-то известия от наших друзей в Негритосе и Таларе. «Форд Тримотор» доставил поразительные и пугающие новости. Письма и газеты были полны ими. Загадочная смерть, бесшумно и мгновенно действовавшая по ночам, повсюду настигала жертв — мужчин, женщин, детей и даже домашних животных. Более пятидесяти человек погибли на прошлой неделе в Таларе и окрестностях; еще столько же болезнь убила в Негритосе (к тому времени никто не сомневался, что речь шла о какой-то ужасной, неведомой болезни). В Лобитосе, где жили четыре сотни человек, умерли девятнадцать. Некоторые туземные деревни на холмах полностью обезлюдили; десятки человек умерли в Пайте, Салаверри, в районе Трухильо и в горах у Пьюры. Сообщалось о смертельных случаях и гораздо южнее, в Касме, и севернее, в Тумбесе, но центром эпидемии, по-видимому, были Талара и Негритос. Кто-то выдвинул теорию, что микробы этой смертоносной, ужасной болезни пробудились к жизни благодаря бурению нефтяных скважин. Всякая работа в лагерях прекратилась. Почти все чоло и большинство белых покинули пострадавший район; но в Лиме и других местах испуганные беженцы столкнулись со строгим карантином и были вынуждены вернуться в свои дома, где они заперлись в состоянии неописуемого ужаса.

Из США и зоны Панамского канала срочно прибыли врачи и эпидемиологи, получившие приказание провести тщательное расследование и найти смертоносных микробов. Международная нефтяная компания наняла за огромные деньги лучших специалистов и пообещала целое состояние в виде премии тому, кто сумеет остановить эпидемию, грозившую всей стране.

Одним из первых прибыл доктор Гейнрих, известный немецкий биолог, который был занят в Гуаякиле масштабными исследованиями. Он сразу же вылетел на самолете в Талару и погрузился в проблему со своей обычной энергией и скрупулезностью.

Но его первые отчеты, несмотря на всю серьезность положения, меня даже несколько позабавили. Он объявил, что смертельные случаи были результатом болезни, поражавшей респираторные органы, вследствие чего жертвы начинали задыхаться. За этим первичным эффектом почти мгновенно следовало повышение температуры и сокращение горловых мышц с последующим разрывом мелких кровеносных сосудов. Микробы — проникавшие в тело, как считал Гейнрих, сквозь почти невидимые ранки и порезы на коже — вызывали на третьей и финальной стадии болезни острую анемию. Исследования показали, что в крови жертв практически не оставалось красных кровяных телец, а в некоторых случаях практически отсутствовала артериальная кровь. Несомненно, продолжал ученый доктор, замечательные рассказы Макговерна и других, описывавшие ощущение наброшенной на голову ткани и душающей руки, говорили о воздействии микробов, проникающих в человеческий организм. Симптомы во всех (весьма редких) случаях легких приступов были одинаковы: жертвы болезни описывали удушающую ткань, сдавливание шеи, безумную борьбу за жизнь. Именно такие переживания, утверждал доктор Гейнрих, могла породить описываемая болезнь. Давление на нервы и артерии, вызванное спазматическим сокращением пораженных микробами мышц, воздействовало на мозг и порождало психические иллюзии. Жертвы, ощущая удушье, воображали ткань и душающие их руки; и действительно, логично предположить, что в подобной ситуации им представлялись несуществующие вещи.

Применяя далее свою тевтонскую логику, доктор обращался к случаям нескольких людей, которые богатырскими усилиями отбили «нападение» и клялись, что видели некие неясные формы, быстро исчезавшие с места происшествия. По мнению Гейнриха, это только доказывало временное психическое расстройство, вызванное микробами. Скрупулезный осмотр всех подобных пациентов показал, что они неизменно находились в состоянии нервного истощения, были возбуждены и подвержены внезапным и диким приступам страха и автосуггестии. Попытки обнаружить мик-

робы во взятых у них образцах крови до сих пор не увенчались успехом, однако доктор был почти уверен, что болезнь не заразна и не передается от человека к человеку; она походила на столбняк и, несомненно, являлась результатом изменения климатических условий. «По всей вероятности, — писал Гейнрих, — микробы многие века оставались в пустыне в латентном состоянии. Дожди активизировали их и способствовали размножению; в сухую погоду активные микробы переносятся ветром и внедряются в живые организмы. Примечательным и наводящим на размышления фактом является то, что активность болезни ограничивается засушливыми периодами и ночными часами; мы также видим, что смертность, вызванная болезнью, распространилась на юг — с преобладающими ветрами — но не на север, то есть против направления основных воздушных потоков, и на севере зарегистрировано лишь несколько изолированных случаев».

В качестве профилактических мер доктор Гейнрих рекомендовал после наступления темноты оставаться в помещениях (за одним-двумя исключениями, как он указал, в закрытых домах никто не пострадал), использовать растворы карболки и другие дезинфицирующие средства и избегать возбуждения, переедания, изнурительной физической деятельности или нервозности.

Бедный старый доктор Гейнрих! На следующее утро после того, как он опубликовал свой доклад, не содержащий для нас ничего нового, он был найден мертвым на крыльце собственного дома — еще одна жертва «ночной смерти», как называли теперь болезнь.

И, будто его смерть стала сигналом, снова начались дожди и сообщения о смертельных случаях прекратились.

— Мне вот кажется, что вам в Негритосе недостает кучи пожарных шлангов, — заметил Торренс, рослый инженер из Техаса, обладатель крепких челюстей и волевого подбородка. — Эти жуки не кусаются, когда вокруг мокро. Устройте по всему лагерю фонтаны, и они не подступятся.

— Не уверен, что это сработает, — отозвался я. — А другим это не поможет. В этом ужасном деле есть еще одна

странные. Ни одного случая в районах, еще оставшихся сухими — ни здесь, в Лангосте, ни в Какамакилье или в районе Уараная.

— Думается мне, жуки любят места, где солнце чередуется с дождями, — в южной манере протянул Торренс. — Может, они в пустыне высыхают и превращаются в жучинные мумии. Черт, я сам, чего доброго, превращусь в мумию, если еще немного здесь проторчу! Но шутки в сторону: возможно, они не выносят яркого солнца или жары и потому сюда не забираются. Как ни кинь, дела обстоят плохо, и я чертовски рад, что у нас нет этих проклятых микробов. Господи Боже, тут и без них адское пекло.

---

Со следующей почтой мы получили новые известия. Дожди возобновились, и в течение десяти дней не поступало никаких сообщений о новых вспышках заболевания. Врачи и эпидемиологи добрались до Талары и с головой ушли в исследования. Однако, насколько я видел, они так и не пришли к определенным выводам или какому-либо согласию — все сходились лишь на том, что в смертях были повинны необычайные и доселе неизвестные науке бациллы или микробы. Некоторые ученые, правда, считали возбудителей не микробами, а микроскопическими животными, другие винили споры каких-либо грибов или плесени, третьи продолжали настаивать на микробы.

Происхождение, способы распространения и образ жизни возбудителя болезни также вызывали жаркие споры. Его появление связывалось то с климатическими изменениями, то с переносом из какой-то иной местности, то с эволюцией или видоизменением загадочной лихорадки чан-чан.

Один ученый был уверен, что микробы переносятся ночных насекомыми, и в подтверждение своей теории указывал, что такие насекомые неизменно в изобилии появлялись

ясными ночами после проливных дождей. Некоторые его коллеги были убеждены, что микробы разносятся ветром, и в качестве доказательства обратили внимание на то, что по ночам и в сухую погоду всегда дуют сильные ветры, тогда как во время дождей воздух почти спокоен; дожди, уверяли они, прибивают микробов к земле, совсем как пыль. И однако, не могло быть никаких разногласий в отношении действия и смертоносного характера новой болезни, и все проверенные методы оказались неэффективными в смысле предотвращения дальнейших вспышек. Хотя нет, я ошибся: никто из людей, остававшихся в домах и державших окна и двери закрытыми или завешенными, не стал жертвой болезни. Поскольку все белые жители района следовали указаниям властей и оставались после наступления темноты в помещениях, смертей среди них не было; жертвы отмечались только среди чоло и прочих туземцев, спавших в открытых бараках или под навесами, да еще на постах погибли несколько охранников. Власти узрели в этом луч надежды. Если все будут оставаться в закрытых помещениях от заката до рассвета, говорили они, смертельные случаи прекратятся; и если удастся на какое-то время этого добиться, микробы, по мнению ученых докторов, вскоре вымрут, не находя носителей. Решено было лишить микробов охотничьих угодий. Всех чоло и индейцев ежевечерне собирали и запирали в бараках, и никаким домашним животным или скоту не позволялось бродить по ночам на свободе. Поскольку было установлено, что «ночную смерть» вызывали микробы, а не злая воля человека, полицейские были отозваны с постов, патрули отменили, и по ночам вся округа была тиха и безлюдна, словно кладбище. Трудно сказать, сработали ли эти меры — дожди, как я упоминал выше, возобновились, и никто не знал, следует ли приписывать прекращение смертей погоде или принятым властями предосторожностям.

Так обстояли дела, когда я, закончив работу в Лангосте, вернулся в Негритос.

Я тут же отправился к своим заброшенным растениям. Дожди продолжали идти, и я был уверен, что влажная погода защитит меня от опасности. Любого, кто появлялся на

улице после заката, ждало суровое наказание, но я готов был рискнуть, если обнаружится, что странные растения собираются зацвести — так мечтал я увидеть их в цвету. Я был не слишком удивлен, обнаружив, как они разрослись. Удивило меня другое: их широкое распространение. Они были буквально повсюду, усеивали все джунгли, иногда поодиночке, иногда группами, а в некоторых местах образовывали миниатюрные леса и покрывали большие участки склонов.

Цветочные почки обнаружились на сравнительно небольшой части растений, хотя и те, что не собирались в скором времени цветти, были такими же крепкими и полностью сформировавшимися, как прочие. Я предположил, что некоторые растения были стерильны (как часто бывает у кактусов и родственных растений) и неспособны к цветению; мою теорию более или менее подтверждал тот факт, что на таких кустах вместо цветочных почек развились листья.

Эти листья были весьма примечательны и больше всего напоминали серый висячий лишайник, известный как «испанский мох». Но по структуре они резко от него отличались и состояли из бесчисленных, немного волнистых нитей или волокон бледного голубовато-зеленого цвета, растущих из короткого мясистого стебля. Заинтересовавшись листьями, я вскоре обнаружил еще одну любопытную особенность замечательных растений. Во всех случаях, когда ростки появлялись из опавших разложившихся цветов, стебли несли нитевидные листья и не имели цветочных почек, в то время как (я установил это далеко не сразу) цветоносные ростки появлялись прямо под свисающими вниз пучками похожих на волосы листьев. Спустя некоторое время я сообразил, что у моих странных растений был самый удивительный жизненный цикл. Цикл этот был двухфазным: цветы производили нецветущие растения с листьями — или, возможно, цветами иной формы — а те, падая на землю, в свою очередь порождали растения, которые несли только цветы. Я вспомнил, что такой способ роста и размножения не был уникален в растительном царстве. Некоторые из паразитических тропических растений, известных в просторечии как «воздушные», размножаются аналогично: из семян по-

являются нецветущие растения с сочлененными стеблями, которые затем распадаются, и из каждой секции развивается растение, имеющее цветы и семена. Так же размножаются и некоторые папоротники; двухфазный цикл характерен и для ряда морских растений.

Для меня это было вдвойне интересно, так как доказывало, что древние виды растений, пробужденные к жизни дождями из веками спавших семян, были тесно связаны с морскими формами растительной жизни. Я давно придерживался теории, что все растения изначально являлись обитателями морей, отдельные виды и роды которых, с сокращением водных пространств и расширением суши, приспособились к наземному существованию; я даже написал на эту тему несколько монографий. Конечно, мне было очень приятно узнать, что странные растения вокруг Негритоса в известной степени подтверждали мою теорию. По правде говоря, я был совершенно убежден, что многие новые растения на склонах холмов очень напоминали существующие морские формы и что мои странные, членистые, быстрорастущиеочные кустарники с огромными цветами стояли ближе всего к морским растениям.

Их удивительно быстрый рост, волокнистое строение, полупрозрачные цветы — все это скорее напоминало водоросли и мшанки, чем настоящие наземные формы растительной жизни.

Новое открытие, касавшееся их способа размножения, также свидетельствовало в пользу моей придуманной на ходу теории.

Более того, я вдруг впервые ясно осознал, что появление здесь, в Перу, ближайших родственников морских растений, дышащих воздухом, было даже закономерным. Как я уже говорил, почти все новые растения являлись чрезвычайно древними формами, до сих пор известными только по окаменелостям; а вся эта страна, как подсказывали мне палеонтологические исследования, в сравнительно недавний (геологически недавний) период прошлого находилась под водой. Следовательно, если предположить, что я был прав в своей теории эволюции растительной жизни, было бы ес-

тественно найти здесь самые ранние наземные формы растений, наиболее близко напоминающие своих морских предков.

---

Все это, понятно, промелькнуло у меня в голове быстрее, чем заняло изложение на бумаге. Обнаружив несколько растений, которые должны были ночью зацвести — если только дождь прекратится — я вернулся в Негритос. Я чувствовал, что заметно продвинулся в своей ботанической теории и мысленно уже сочинял статью для журнала Международного общества ботанических исследований.

Дождь не утих ни в ту ночь, ни в следующие; но наконец солнце снова засияло, последние облака уплыли за Анды, и я приготовился к ночной экспедиции. Многие месяцы я интересовался — нет, был одержим — странными растениями, и теперь мне предстояло увидеть их цветение!

Выскользнуть из лагеря незамеченным не составило большого труда. Все сидели взаперти, не было ни патрулей, ни полиции. Я усмехнулся, вспомнив дни первых загадочных смертей, когда лагерь кишел вооруженными охранниками, ищущими воображаемого убийцу-маньяка.

Мои мысли естественным образом вернулись к событиям тех дней, к Макговерну и его ужасу перед чем-то, что существовало лишь в его измученном и суеверном сознании; к Роджерсу и Меривейлу и их жуткому нервному страху, заразившему всех нас. К ночным смертям примешивалось тогда ощущение чего-то сверхъестественного и потустороннего. Конечно, я понимал, что и сейчас шел на риск. Не притаилась ли в темноте болезнь, нападающая на своих жертв незримо и без предупреждения в сухие ночи, подобные этой?

По складу характера я в своем роде фаталист; кроме того, научный пыл не так легко остыть мыслями о личном риске или опасности — иначе мы лишились бы многих ве-

ликих научных открытий. Но даже ученый не всегда застрахован от смутных, неопределенных страхов, и я испытывал странное и далеко не приятное или комфортное ощущение надвигающейся опасности, словно рядом витала какая-то невидимая, необъяснимая угроза.

Раз или два, бросив довольно нервный взгляд на яркое звездное небо, я будто заметил какие-то расплывчатые, туманные тени, быстро пролетавшие над головой. По спине у меня побежали мурашки, когда я вспомнил ужасное выражение лица Роджерса при рассказе о «призраке», взлетевшем над телом мертвого сторожа. *Возможно ли, думал я, что на свете существуют призраки, духи, силы, о которых мы не ведаем?* С трудом и деланным смехом я отбросил эти глупые, почти суеверные мысли. Скорее всего, мне почудилось, а если нет, не разумней ли предположить, что то были летящие по небу облака или крупные ночные птицы — цапли, ябиру, клювачи? И все-таки я *действительно* ощущал гнетущее одиночество и что-то странное, потустороннее в воздухе, когда пробирался сквозь ночь — далеко позади нависали черные пики Анд, вокруг темные тени холмов, тысячи ночных звуков и нигде на огромном пространстве ни души, ни единой искорки света, что говорила бы о присутствии человека. Едва ли я ожидал или думал кого-либо или что-либо встретить, но мои пальцы невольно сомкнулись на рукоятке мачете — без мачете я в джунгли не выходил — и я стал внимательно оглядываться по сторонам. Ничего не происходило, и ничего живого я не видел, лишь изредка доносились крики козодоев и кроличьих сов. Так я достиг края густых зарослей.

Растения, к которым я направлялся, находились неподалеку от этого края джунглей; еще днем я проделал в зарослях просеку и теперь быстро и бесшумно дошел до места. Впереди показалась поросль высоких, толстых, членистых стеблей. Я пришел не напрасно; приближаясь к ним в темноте, как призрак, я видел три огромных и полностью раскрывшихся бело-фиолетовых цветка. В неверном свете звезд они казались огромными, как пляжные зонтики. На миг я застыл в восторге, наслаждаясь красотой этой удивительной

цветочной композиции, а затем подошел ближе, чтобы осмотреть цветы подробней.

Внезапно я вздрогнул и уставился на них. Здесь, среди холмов, не было никакого ветра, ни единий листок не шевелился, но — как ни поразительно — цветы двигались, вибрировали, пульсировали, словно живые! Может, то был эффект недостатка света или моего напряженного взгляда? Но я был уверен, что оптическую иллюзию можно исключить. Я выбрал один из цветков и начал наблюдать за ним. Да, он двигался! Луковичная фиолетовая чашечка, казалось, медленно и ритмично пульсировала, перепончатая бахрома, растянутая сейчас, как гигантское плоское блюдо с волнистыми краями, дрожала и трепетала, длинные и мясистые разноцветные лепестки сокращались, а тонкие, слабые тычинки качались, скручивались и обвивались вокруг толстого и грубого центрального пестика. Я смотрел на цветок изумленным и недоверчивым взглядом, а он, словно дышащее и наследенное чувствами существо, двигался, ощупывал, исследовал воздух вокруг себя, как будто что-то искал. Я был очарован и в то же время охвачен неясным страхом. Не сводя глаз с колоссального цветка, точно под гипнозом, я попятился: цветок, по какой-то необъяснимой причине, начал каться мне жутким, чудовищным, сверхъестественным. А потом волосы на моей голове будто встали дыбом, меня охватил ужас, я затрясся в ознобе — прямо перед моими глазами огромный пульсирующий цветок отделился от стебля и тихо и бесшумно, как белый воздушный шар, поднялся в воздух. Волоча за собой тычинки и шевеля бахромой, он неторопливо скользнул ко мне. Во рту у меня пересохло. Я был не в силах отвести от него взгляд, не мог пошевелиться. Я не мог даже закричать. На секунду чудовищный цветок завис надо мной и затем — Господи, я никогда не забуду этот миг! — ринулся вниз, как парашют. В мгновение ока, в долю секунды, мне вспомнились слова Макговерна, который говорил о наброшенной на него удушающей, липкой ткани. И я мгновенно понял, что это была не галлюцинация, что «существо», «призрак» Роджерса и Меривейла не был созданием их воображения. И в тот же миг прозрения я по-

нял, что «ночная смерть» была не болезнью и не крошечным микробом. Людей убивали эти ужасные, безмолвные, чудовищные живые цветы таинственных растений.

Свисающая, скользкая, тонкая как нить тычинка прикоснулась к моей щеке. С хриплым, нечленораздельным криком я отскочил назад. Что-то шероховатое дотронулось до шеи. Воздух словно мгновенно выкачали из моих задыхающихся легких. Издав безумный, дикий крик бешеного ужаса, я стал яростно размахивать мачете и вслепую наносить удары вверх и в стороны. Вдруг я почувствовал, как лезвие погрузилось в мягкую, податливую ткань. На меня хлынула густая, зловонная, соленая жидкость. Ужасная вязкая масса ударила меня по плечу, и в левую руку, в горло, во все тепло словно вцепились цепляющиеся, извивающиеся, дрожащие, липкие, кошмарные пальцы.

Крича, отбиваясь, рубя мачете и чуть не падая без чувств, я сорвал их с себя, отскочил в сторону и окончательно высвободился из объятий чудовищного, жуткого цветка. Он беспомощно корчился на земле, задыхаясь и пульсируя. Я чувствовал слабость, голова кружилась, я был почти парализован. Но какое-то шестое чувство заставило меня обернуться — и вовремя! На меня пикировали еще две страшные, безмолвные, смертоносные твари! Я не успел бы двинуться или убежать. Однако первый приступ суеверного страха уже прошел. Эти жуткие, ужасающие, сверхъестественные создания были реальны. Они не были ни призраками, ни духами. Их можно было уничтожить, убить.

Насторожившись, приготовившись, я ждал нападения. Когда свисающие извивающиеся тычинки и большой, телесного цвета пестик оказались надо мной — даже в тот момент, несмотря на весь страх и волнение, я мысленно сравнил его с боа со зловещей, покачивающейся головой — я изо всей силы нанес удар и бросился в сторону. Острое лезвие, издав негромкий свист, рассекло мягкую массу. Цветок закачался, накренился, перевернулся, как потерявший управление аэроплан. Я продолжал осыпать его жестокими рубящими ударами, пока он не упал на землю. Но победа едва не стоила мне жизни. На меня набросилась третья чу-



довищная тварь! Ее адские удушающие складки окутали мою голову; центральный орган, свисавший вниз, царапая, обвился вокруг шеи, как канат. Меня спасло лишь то, что в этот момент я наклонился вперед. Я с криком оторвал от себя пестик и тут же почувствовал, будто в руку впились тысячи докрасна раскаленных иголок. Орудия мачете и пригибаясь к земле, я выбрался из-под удушающих складок.

Я был не в себе, меня тошило, от пережитого ужаса и сражения с чудовищами я сильно ослабел. Я понимал, что вокруг парит еще множество таких же невероятных, жутких, смертоносных созданий. В любую минуту меня могли атаковать десятки, сотни цветков. Даже на стебле, от которого отделилась эта троица, оставалось еще несколько готовых взлететь и напасть цветков. В неописуемом страхе — я и не знал, что могу испытывать такой страх — задыхаясь и крича, я помчался к открытой местности и лагерю. Раз или два я оглянулся, ожидая увидеть позади прозрачные, размытые очертания преследователей. Но за мной никто не гнался — возможно, других не было и той ночью полностью созрели только три цветка. И в ту минуту, когда я бежал, крича так громко, что меня, должно быть, слышали вдалеке лагере, мне открылась истина. Я был на волосок от гибели и едва спасся от «ночной смерти», но раскрыл тайну. Я узнал истину и странный, невероятный, кажущийся невозможным секрет этих небывалых растений, этих смертоносных живых цветов. Растения были наземными гидроидами, гигантскими представителями загадочных морских созданий, что служат, вероятно, связующим звеном между растениями и животными. И, как и их маленькие морские прототипы, они порождали живые, плотоядные организмы — гигантских медуз, которые плавали по воздуху, а не по воде.

И, подобно морским медузам, которые отпочковываются от гидроидов, эти гигантские существа-людоеды, эти вампиры пустыни, в свою очередь размножались, производя на свет растения. Из семян или спор последних вырастали гидроиды с живыми независимыми организмами вместо цветков.

Может показаться странным, что я способен был думать и рассуждать последовательно и здраво, пока в страхе, спотыкаясь, мчался к лагерю. Но человеческий мозг способен на всякие странности; мое подсознание предавалось научным размышлением, в сознании же осталась единственная мысль — поскорее оказаться в безопасности, прежде чем до меня доберутся эти кошмарные вампирические ночные хищники. От ужаса я, видимо, продолжал громко кричать, хоть и не слышал свои крики. Впереди, в темноте, замерцали огни и, когда я достиг первых домов лагеря, в одном из них открылась дверь. Измученный и обессиленный, я бросился внутрь. Даже в своем полубезумном, полуобморочном состоянии я узнал Меривейла и Джонсона.

— Закройте дверь, закройте дверь! — выдохнул я. — Оставайтесь в доме, если жизнь вам дорога! Я... они...

Я пошатнулся и без чувств упал на кровать.

---

Открыв глаза, я увидел над собой обеспокоенные лица друзей.

— Слава Богу, ты пришел в себя! — воскликнул Джонсон.  
— Что случилось, Барри? Где ты был? Что за «они»?

С огромным усилием я кое-как взял себя в руки и в ломаных, отрывистых фразах рассказал им о своем ужасном приключении и о чудовищных вампирах пустыни. Они обменялись красноречивыми взглядами: очевидно, они решили, что я лишился рассудка или страдал какими-то галлюцинациями. Их недоверие разозлило меня, хотя, Бог свидетель, у них были все причины сомневаться в моем диком и невероятном рассказе.

— Проклятие! — закричал я и сел на кровати. — Все это истинная правда — каждое слово. Посмотрите сюда... — и я показал им свои ладони, а затем нагнул голову и продемонстрировал затылок. Осмотрев мою шею, Меривейл присвистнул. На ней были такие же мелкие ранки или проколы, что и на телах всех жертв «ночной смерти».

Джонсон пристально посмотрел на меня.

— Клянусь небесами, я начинаю тебе верить, Барри, — заявил он. — Признаться, сперва твоя история звучала как бред сумасшедшего. Господи! Подумать только, гигантские плотоядные медузы, летающие по воздуху в темноте... У меня по всему телу бегают мурashki.

— Это согласуется со всем! Вот и ответ! — воскликнул Меривейл. — Я знал, что то призрачное существо, которое мы с Роджерсом видели над телом мертвого сторожа, мне не привиделось! И Макговерн не был пьян и не спал! Боже мой, Барри, ты раскрыл тайну. Нужно вызвать Роджерса и остальных и все им рассказать.

Я сумел убедить Меривейла и Джонсона, но другим моя история показалась слишком дикой, невероятной и фантастической. Доктор Хепберн зафыркал и посоветовал Меривейлу дать мне успокоительное и уложить меня спать. Вероятно, добавил он, я пережил легкий приступ болезни и вообразил несуразные картины, в чем сам виноват — нечего было нарушать приказы и разгуливать в темноте. Поверил мне только Роджерс: он, как и Меривейл, был убежден, что в свое время видел призрачное существо и теперь получил доказательства.

— Хорошо же! — заявил я. — Дождемся рассвета и я докажу свою правоту. Как жаль, что некоторых из этих идиотов не было там со мной...

Хотя меня подняли на смех или, по крайней мере, приписали мои «видения» болезни, на следующее утро целая толпа собралась послушать мой рассказ. Всем было любопытно услышать невероятную историю и посмотреть, как я стану доказывать правдивость и точность своих слов. Мы направились в джунгли — и, когда мы достигли места, где я так отчаянно сражался с жуткими чудовищами, когда я указал на разрубленные, мясистые, бесцветные останки, когда они увидели на странных кустах набухшие цветочные почки, их сомнения уступили место уверенности. Один только старик Хепберн продолжал стоять на своем. По его мнению, мы имели дело с обычными цветами, не более; цветы эти вряд ли умеют самостоятельно передвигаться, я же, наблюдая за

их цветением, был атакован «микробами» и, впав в бредовое состояние, вообразил все остальное и изрубил в клочки невинные цветы.

— Вы, кажется, считаете себя ученым, — раздраженно ответил я, — и, возможно, понимаете разницу между растительными и животными формами жизни. В таком случае я предлагаю вам осмотреть этих существ, эти ваши «невинные цветы».

Доктор хмыкнул. Но отказаться от вызова в присутствии всех остальных он не мог. Последовавший осмотр вызвал у меня отвращение, и я то и дело вздрагивал, глядя на изуродованные цветы. Наконец Хепберн выпрямился и протянул мне руку.

— Прошу прощения, Барри, — сказал он. — Вы были совершенно правы. Господа, — произнес он, обращаясь к остальным, — Барри заслуживает высочайших похвал и нашей глубочайшей благодарности. Доктор проник в тайну «ночной смерти» и победил призраков. Эти... гм... существа — без сомнения, беспозвоночные животные и напоминают по строению гигантских медуз. Они самые настоящие вампиры-кровососы и, как и их морские родственники, исключительно плотоядны. Эти тонкие нитевидные отростки, которые я сначала принял за тычинки, представляют собой трубы, заканчивающиеся зубчатыми присосками. С помощью их вампиры высасывают кровь жертв. Присоски и оставили на коже жертв так называемой «ночной смерти» отметины в виде маленьких ранок. Вероятно, будучи живыми, эти существа испускают какую-то мощную ядовитую эманацию, благодаря чему добыча почти сразу теряет сознание, стоит хищнику спикировать на нее сверху. Вы согласны со мной, Барри?

Я кивнул и рассмеялся.

— Целиком и полностью. Точнее говоря, это вы теперь согласны со мной. Перед нами колониальные организмы, медузы-полиподы — сообщества животных, похожие на физалий или «португальские военные кораблики».

— Но как, черт возьми, они могут летать? — требовательно спросил один из слушателей. — Они тяжелые, крыльев у них нет... И не говорите мне, что они взлетают на этой бах-

роме, размахивая ею, как юбками!

— Мне представляется, — ответил я, — что тело их раздувается, как воздушный шар, и наполняется каким-то газом, который производят сами животные. Прошлой ночью, оторвавшись от материнского стебля, они взмыли в воздух без всякого труда. Я...

— Все это хорошо, но где ответ? — вмешался Эллиот, староста лагеря. — Теперь, когда Барри разгадал загадку дьявольских тварей, весь вопрос в том, как их остановить.

— Срубить и сжечь все проклятые деревья, — предложил кто-то.

— Сам по себе план отличный, — согласился я. — Но как вы собираетесь уничтожить их все? Их тысячи, а может быть, и десятки тысяч, они разбросаны повсюду. Они растут так быстро, что к тому времени, когда вы уничтожите половину, вырастет столько же новых. В любом месте, где одна из этих тварей падает на землю, прорастает дюжина побегов, и каждый из них производит десятки других, и каждый несет от трех до десяти подобных вампиров.

— А сейчас им пришел конец! — вскричал оратор и, прыгнув вперед, принялся рубить толстые стебли. Другие присоединились к нему, и через несколько минут поблизости не осталось ни одного растения.

— Великолепно! — заметил я. — Вернитесь сюда завтра или послезавтра, и вы найдете вдвое больше побегов. О нападениях этих существ сообщали даже из Пьюры и Чанкая, так что вполне возможно, что и в этих отдаленных местах появились их колонии.

Все недоумевающие переглядывались.

— Бога ради, что же нам теперь делать? — растерянно спросил Джонсон. — Если эти дьяволы будут продолжать распространяться, они уничтожат всю Южную Америку... а может быть, и весь мир.

— Несомненно — если их не остановить, — согласился я. — Я... мы должны придумать какой-то метод их уничтожения. Должно же быть какое-то средство. Но пока что лучше собрать всех людей и уничтожить каждый росток, каждый упавший на землю цветок в округе.

Работа предстояла колоссальная, но две тысячи работающих мужчин могут многое сделать. Вскоре наша небольшая армия начала прочесывать холмы и долины в отчаянной войне с ужасной «ночной смертью». Все города и селения в радиусе ста километров получили по радио полный отчет о моем открытии в сопровождении просьбы присоединиться к борьбе.

Но эта рукопашная битва, как я сознавал, не могла привести к полному уничтожению наших врагов. Она не могла продолжаться бесконечно. Следовало придумать какой-то способ, и я ломал себе голову и часами советовался с друзьями в безрезультатных попытках его изобрести.

Почему-то мне не давала покоя мысль, что ключом к разгадке является поведение вампиров: они передвигались исключительно по ночам и только в сухую погоду. И все же, как я ни старался, я не мог сообразить, каким образом можно обратить эти факты в нашу пользу. И вдруг, как озарение, пришло воспоминание о рассказе Макговерна. Нефть! Напавшее на него существо отпугнула нефть. А нефти у нас имелось неограниченное количество. Почему бы не залить все вокруг нефтью?

Я поспешил к остальным и объяснил им свой план. Все немедленно принялись за дело. У нас было три самолета в Таларе и еще с дюжину в Лиме и других местах. К вечеру все они были оснащены опрыскивателями, а наутро, как гигантские стрекозы, уже летали взад и вперед над джунглями, заливая каждый квадратный фут земли сырой нефтью.

Через неделю работали уже двадцать самолетов. Вскоре зелень исчезла под черным покровом, и вся страна далеко за пределами тех мест, где рыскала в поисках жертв «ночная смерть», оказалась пропитана нефтью. Самые тщательные поиски не выявили ни одного живого наземного гидроида. Смерти прекратились, и даже в засушливые ночи больше никто не погибал. Люди вновь обрели уверенность и осмеливались теперь выходить на улицу после наступления темноты. Мы рассудили, что операция увенчалась полным успехом.

Воздушные патрули поднимались в воздух еще нескользко недель. Затем вмешалась сама природа, избавив нас от всякой опасности повторения чудовищного, смертоносного нашествия. Извержение вулкана Орсини в южном Чили снова изменило рельеф океанского дна; течение Гумбольдта легло на прежний, позабытый было курс, и западный берег Южной Америки вновь превратился в голую безводную пустыню. И если климат опять не изменится, «ночная смерть» навсегда останется в прошлом, и вампиры пустыни больше никогда не вылетят на ночную охоту.

Возможно, подобные климатические перемены больше не случатся в нынешнем столетии. Но никто не может гарантировать, что они не произойдут в будущем году — или завтра.

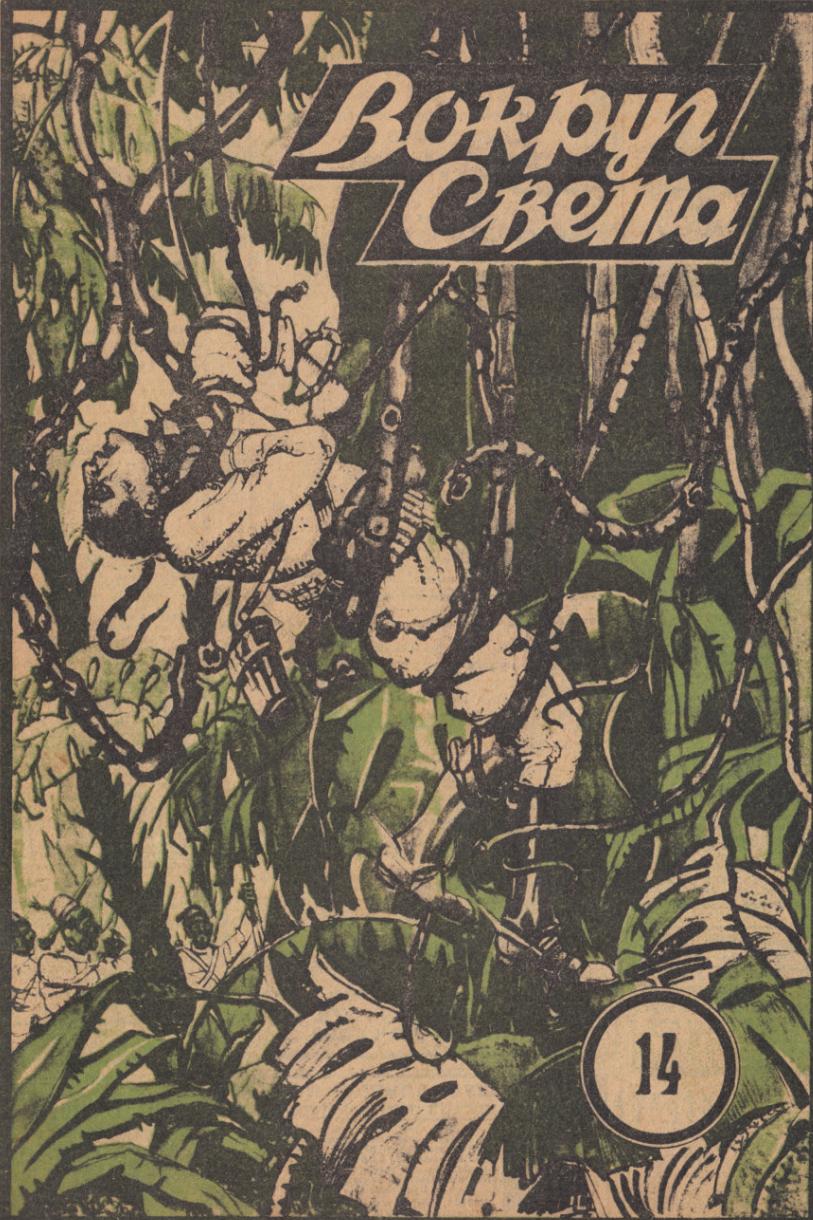
*И. Оголинов*

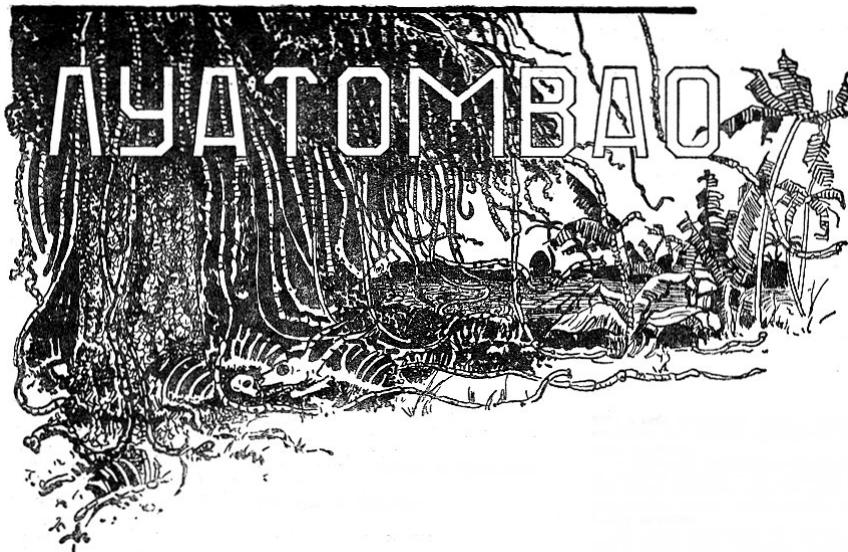
*Луатомибао*

Издается в Ленинграде.

Цена 10 коп.

# Вокруг Света





# I

Их было пятеро, сидевших на веранде лучшего ресторана Леопольдвиля за столиками, уставленными стаканами с вином и виски, заваленными журналами и газетами.

Облокотившись о резные перила веранды, почти у самого входа сидел швейцарец капитан Гарднер, начальник округа Лунду. Против него небрежно раскинулся в качалке артиллерийский капитан Ван-Слипп. Острый румянец лихорадки, трепавшей артиллериста с полудня до захода солнца, еще не сошел с его шафранно-желтых щек. Рядом с Ван-Слиппом поместился лейтенант аскари Фелибер Легро, более известный по всему бельгийскому Конго под названием «Брюссельского франта».

Под электрической лампой, льющей с потолка молочный лунный счет, ровный и успокаивающий, дымил плоской сигареткой русский ротмистр Иславин, два года назад променявший серебряные погоны колчаковского ротмистра на золотые жгуты офицера колониальных войск его величества короля бельгийского Альберта. Но Иславин, этот

вятский или пензенский уроженец, не привык еще за два года к новому экзотическому бытию. Это видно было хотя бы по тому, как испуганно втягивал он голову в плечи, когда залетавшие на веранду большие летучие мыши, ослепленные светом лампы, чертили порывисто и бесшумно над стулом ротмистра зигзаги своего полета.

Вся эта четверка не представляла собой ничего особенного: обычный тип колониальных офицеров, отравленных тропической лихорадкой и алкоголем, мелкотравчатые деспоты, неудачники, надеявшиеся поживиться около сказочных богатств «Черного материка»,

Гораздо интереснее был пятый, полковник Мадай. Его прошлое не удалось установить еще никому. Знали лишь, что он по национальности — венгерец и что чин полковника носит заслуженно, заработав его здесь же, в Африке. Его сухое, сморщенное лицо ничего не говорило о прожитом и пережитом, как будто годы прошли, не опалив его иссушающим своим дыханием.

Некоторые весьма скучные сведения из его биографии удалось добыть лишь от него самого, из его рассказов, полных недомолвок и утаек. Этот всесветный авантюрист, по его собственным словам, служил чуть ли не в двадцати различных армиях, начиная с армии его апостольского величества императора австрийского и кончая армиями карликовых республик Южной Америки. Здесь, в Конго, он появился одновременно со Стэнли. Значит, Мадаю было никак не меньше 70 лет. Сейчас он жил уже на покое, на пенсию, получаемую от бельгийского министерства колоний.

К этому обеззубевшему колониальному волку, к этому конквистадору в отставке обращались за всевозможными справками все чиновники и офицеры Конго. Полковник Мадай был поистине ходячей африканской энциклопедией. Его кривые крепкие ноги топтали землю всех пяти Африк: горы северного побережья, омываемого Средиземным морем, пески пустынного пояса, где раскинулись страшные — Сахара, пустыни Ливийская и Нубийская, плодородный гумус «страны черных» — Судана — джунгли центральной

Африки и, наконец, плато и прерии южной оконечности африканского материка.

Все пятеро молчали. В воздухе повисла та настороженная пауза, обрывающая иногда оживленный спор, во время которой собеседники готовят новые аргументы и доказательства. Лишь плавное колыхание какого-то мотива, несшегося из танцзала, нарушало тишину веранды.

Первый прервал паузу Мадай. Пошарив в специальном углублении налокотника качалки недопитый свой стакан, полковник сделал большой глоток и сказал:

— Это очень сложная штука. На вопросе о взаимоотношениях рас мы, возможно, когда-нибудь свернем себе шею. Этот вопрос требует особенно щекотливого к себе отношения здесь, в Африке где часто все понятия приходится ставить на голову.

— Добавьте, полковник, — откликнулся капитан Гарднер, — где одинокие белые живут зачастую друг от друга на расстоянии, равном вертикальному масштабу Бельгии.

Все снова замолчали. По улице, почти у самых перил веранды, пронесся авто, бросив на пол и стены спутанные движущиеся блики своих прожекторов, их яркий свет словно разбудил неожиданно старого полковника.

— В мое время все было проще и яснее! — громко сказал он.

Остальные четверо затаили дыхание. Рассказ Мадая стоило послушать.

— Вот, глядите! — протянул он руку, указывая на главную улицу Леопольдсвилля, калейдоскопом красок и света ушедшую куда-то далеко, далеко, к бархатистому ночному горизонту. — Глядите: галдит, торгует, обманывает! Вообще живет! А я помню времена, когда на этом месте были лишь непроходимые джунгли. Этот город, — широким жестом обвел Мадай и туземные хижины на сваях, похожие на купальни, и тяжелые дома белых, — этот город имеет общее с Римом то, что оба они составились из бродяг. Одним из этих бродяг был и я. При мне в октябре 1882 года Генри Мортон Стэнли заложил его. При мне же этот необычайный авантюрист-исследователь-журналист преподнес

веселому монарху Леопольду бельгийскому обширную империю Конго!

Я тогда перешел с португальской службы на службу к королю Леопольду, — продолжал он. — Мы «работали» в его «владениях короны» и отнюдь не сентиментальничали. Негров, не желавших работать, лупили плетьями, брали в качестве заложниц их жен, из экспедиции в качестве трофеев приносили руки туземных крестьян, чиновники набрали в солдаты каннибалов и разрешали им практиковать людоедство на туземцах-недоимщиках, пленные служили мишениями для практической стрельбы из револьверов господ офицеров, и так далее\*. Итоги? Блестящие! Гуманное предприятие это дало нашему суверену Леопольду 20 млн. долларов чистой прибыли. Вот как мы работали! Пью же, молодежь, и за ваши точно такие же успехи! — поднял Мадай стакан с вином и, отхлебнув, довольно улыбнулся не то хмельной сладости вина, не то своим, не менее хмельным и сладким воспоминаниям.

— Хорошо вам рассказывать о девяностых годах, — откликнулся первым Ван-Слипп, — а вы попробуйте рубить руки теперь, во времена социалистического министра Вандервельде и Лиги наций. Нуте-ка?

— Киргизы моего эскадрона, — сказал небрежно Иславин, — служившие социалистическому сибирскому правительству, пленных красных закапывали в стога сена и сжигали живьем.

— Браво, ротмистр! — хлопнул слегка в ладоши Мадай. — Это по-нашему! Слышите, Ван-Слипп? Вот вам и социалистические министры! А Лиге наций тоже некогда смотреть за тем, кому вы будете рубить руки. Она занята сейчас решением более важного вопроса: носить или не носить штаны туземцам Сомали?

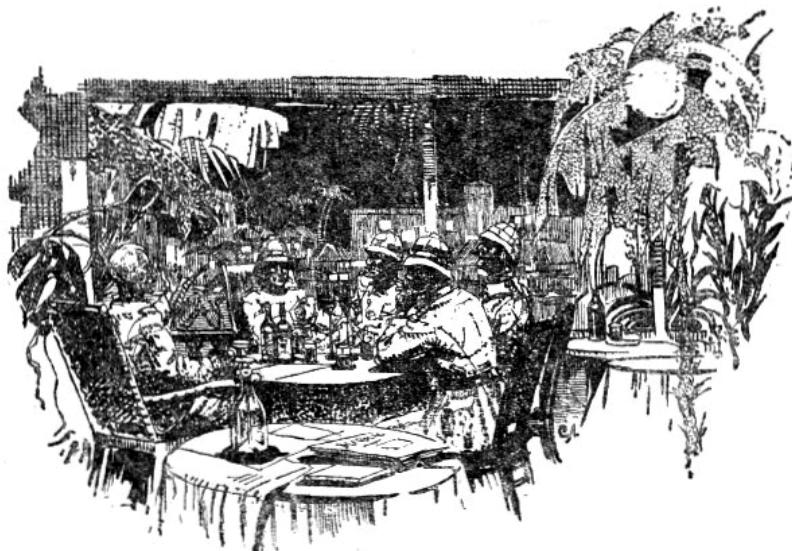
Переждав когда утихнет смех, вызванный его последними словами, Мадай продолжал:

---

\* Все исторически верно. См. книгу профессора Колумбийского университета Паркера Томаса Муна — «Империализм и мировая политика», выпущенную ГИЗом (Здесь и далее прим. авт.).

— Уверяю вас, что с этой стороны бояться нечего. Лига наций, как добрая мамаша, всегда найдет оправдание для всех нас, ее, хотя и беспокойных, но верных сыновей. Бойтесь другого!

— Но чего же или кого? — недоумевающе пожал плечами капитан Гарднер.



— Бойтесь их! — сказал, внезапно понизив голос, Мадай. И, обведя широким жестом далекий, темный горизонт, добавил: — Бойтесь их, настоящих хозяев этой страны, этих «наполовину детей, наполовину дьяолов».

— Черных? — презрительно фыркнул «Брюссельский франт». — Вы щутите, полковник!

Почувствовав презрительное недоумение в словах Легро, Мадай обратился уже ко всем присутствующим:

— Господа, еще не поздно, а потому позвольте мне рассказать вам один случай из моей практики?

— Мы просим вас, полковник, — ответил почтительно за всех, как старший в чине, капитан Гарднер.

— Благодарю! И хотя мой рассказ будет лучшей иллюстрацией к нашему предыдущему разговору, все же главным

действующим лицом в нем буду не я, не человек даже, а дерево-вампир, из так называемых деревьев — плотоядных.

Эй, мальчик! Один виски для меня! — крикнул он негритенку, гримасничая крутившему за стойкой машинку для приготовления коктейлей.

И, откинувшись на спинку качалки, начал свой рассказ.

## II

— Это произошло ровно четверть века тому назад, в год начала русско-японской войны, то есть в январе 1904 г. Меня назначили тогда окружным комиссаром в хорошо вам всем знакомый горный округ Катанга, богатый медью, золотом и изумрудами. Но мне пришлось работать по другой специальности. Под моей непосредственной охраной находилось более десятка каучуковых плантаций, расположенных в низменной части округа, в поясе болот. Еще при вступлении моем в должность мне сообщили, что на плантациях неблагополучно, что среди черных рабочих царит недовольство и слышен ропот на тяжелые условия работы. Поэтому я с первых же дней своей новой службы был начеку.

И вот в один прекрасный летний день, как пишут наши господа романисты, ко мне в город Мукуру пришла тревожная весть: рабочие одной из наиболее крупных плантаций взбунтовались, сожгли строения, склады сырья и покушались даже на жизнь владельца плантации, заметьте — белого! Но европеец вовремя бежал и скрылся от бунтарей где-то в лесу. Рабочие взбунтовавшейся плантации принадлежали к племени тоба, — от них можно было ожидать всего. Поэтому я, не мешкая, взял роту своих асカリ и марш-маршем направился к месту происшествия. Здесь я вынужден буду сделать маленькое отступление и привести вам рассказ моего чернокожего капрала Мбанги.

Во время нашего похода, продолжавшегося четыре дня, Мбанги забавлял меня рассказыванием различных местных былей и небылиц. Однажды он рассказал мне и о дереве-

вампире. Мы шли в этот момент окраиной большого болота. Посеревший от испуга капрал проговорил почему-то шепотом: «На этом болоте, мой полковник, живет луатомвао. Остерегайся встречаться с ним, о, господин!»

На первой же ночевке Мбанги рассказал мне и подробно о луато-мвао, что в переводе на наш язык означает — «сеть дьявола». Так чернокожие называют удивительное растение, нечаянно открытое ими на болоте, которое мы прошли днем. Местные жители твердо убеждены, что «сеть дьявола» — не простое растение, а чудовище, злой дух, принялший форму дерева. Черные уверяют, что оно все видит и понимает, что ветви его способны вытягиваться, как руки человека, чтобы схватить добычу, что оно даже может передвигаться в погоне за своей жертвой. Последнее, конечно, чушь! Но достойны внимания описания внешнего вида этого кошмарного растения. По словам Мбанги, густые ветви «сети дьявола» покрыты чем-то вроде крохотных присосков, вечно открытых и мгновенно закрывающихся, едва их что-либо коснется. Но если это окажется не живым существом, не мясом и кровью, то рты сразу открываются, ослабевает сразу же и объятие ветвей, схвативших добычу и, отбросив предмет, не пришедшийся ему по вкусу, словно выплюнув его, «сеть дьявола» снова вытягивается и настороживается...

— Плюющиеся деревья? Ну и ну! — покачал головой неугомонный «Брюссельский франт».

— Боже мой! — с откровенным страхом воскликнул ротмистр Иславин. — Неужели, правда, существуют на свете такие растения?

— А вот спросим об этом капитана Гарднера, — сказал Ван-Слипп. — Он в ботанике силен.

— Видите ли, господа, — сказал швейцарец, — существуют, действительно, растения, которые в сложном химическом соединении — белке — находят недостающие им азот, фосфор и серу. Группа таких растений имеет до 400 представителей, часть которых произрастает и в наших европейских странах на горных лугах моей родины Швейцарии и в степях вашей родины России, коллега, — обратился капитан к

Иславину. — Эти растения подробно и увлекательно описаны великим Дарвином в его капитальном труде «Насекомоядные растения». Но их вернее надо было бы назвать мясоедными, плотоядными, а лучше всего — белковоядными, так как в животной пище они ищут только недостающий им белок. По способу улова добычи растения эти делятся на три группы: к первой принадлежат растения, которые ловят добычу выделяемой для этой цели липкой слизью. Жертва буквально «влипает», слизь забивает ей дыхательные пути, она задыхается и труп ее переваривается растением. Это — наиболее простейший вид плотоядных растений, к которым принадлежит, например, южноамериканская жиранка. Ко второй группе принадлежат растения, которые ловят добычу особыми аппаратами, устроеными наподобие захлопывающейся западни, капкана или волчьей ямы. Такова, например, растущая здесь, в Африке, пузырчатка. И, наконец, наиболее совершенны растения третьей группы, активно ловящие добычу, производя при этом собственные движения. К этой группе можно отнести нашу европейскую росянку. По способу же использования добычи растения эти делятся в свою очередь на два отдела. Трупоядные, которые ждут, когда попавшие в их ловчие аппараты животные умрут и подвергнутся воздействию гнилостных бактерий, то есть разложатся. Продуктами гниения, продуктами распада белков и пользуется трупоядное растение... Но есть растения и живоядные, которые пойманную добычу умерщвляют сами, чаще всего раздавливают ее и, не дожидаясь процесса разложения, подвергают труп действию своих соков, растворяющих белок. К последней группе, то есть растений, убивающих свою жертву, относится, видимо, и «сеть дьявола», о которой нам так красочно повествует полковник Мадай. Но я должен сейчас же оговориться. Все плотоядные, о которых рассказывал вам я, все эти жиранки, росянки, пузырчатки, мухоловки — мелочь, которая справляется лишь с мелкими насекомыми, комарами, мухами, от силы гусеницами.

— Я видел в так называемых «галерейных лесах» экваториальной Африки цветочки, которые свободно кушали по-

пугаев и зайцев, — сказал Ван-Слипп. — Но продолжайте, полковник, прошу вас, — обратился он к Мадаю.

— К вечеру следующего дня моя рота добралась до взбунтовавшихся плантаций. Что там произошло — не буду вам описывать подробно. Вы сами не раз участвовали в подобных же передрягах, вы все сами хорошо знаете, какая паршивая штука эта партизанская, «малая война», да еще в африканских лесах и джунглях! Мы гонялись за отрядами восставших, неизменно натыкаясь на... воздух, а в худшем случае на непроходимые болота. И тогда за спинами наши-ми начинали трещать ружья чернокожих.

Наконец, когда солнце было уже в зените, то есть перед началом тропических ливней, восстание пошло на убыль. Мы загнали в болото большой отряд повстанцев и мои ас-кари досыта накормили «синими бобами» этих грязных, провонявших каучуком тобо, которые вздумали бунтовать в то время, когда цивилизация нуждается в галошах, непромокаемых плащах, шинах для авто и вело, детских мячах и дамских подвязках.

Чернокожие сдались и выдали мне вождей и зачинщиков бунта. Главарей я тотчас же расстрелял, а оставшихся в живых собрал и обратился к этой пахучей толпе с такими приблизительно словами: «Друзья, если вы опять будете бунтовать, я опять приду сюда и снова накормлю вас «синими бобами» из наших альбани и пулеметов. Если вы подымете руку на белого, я перебью мужчин, женщин, детей и сожгу ваши хижины. Если в вашем округе случатся какое-нибудь несчастье с белым, пусть не вы даже тому будете виной, я расстреляю мужчин через десятого. Запомните это! Берегите белых, как собственные глаза, — иначе горе вам! А теперь до свидания!»...

— Хорошие слова! — не утерпел, чтобы не напыжиться снова в снисходительном одобрении, «Брюссельский фронт».

— Мне ответил от имени всего племени дряхлый старик, — продолжал свой рассказ Мадай. — Он сказал коротко: «Хорошо! Теперь мы во все глаза будем следить за белыми!» В тоне его слышались покорность и даже робость, но нехорошим огнем блестели его глаза из-под седых бровей.

Я не придал этому особенного значения и повел отряд обратно в Мукурурь.

Обратный поход был особенно нудным и скучным, так как впереди уже не было надежды на предстоящие хорошие потасовки. Поэтому я от скуки занялся охотой. Передав капралу свой тяжелый альбани, я взял льежскую двустволку и, свистнув Альфе, отделился чуть в сторону от шедшего цепочкой отряда. И мы с сеттером тотчас же попали в болото. Я хотел уже было вернуться на тропу, но в этот момент Альфа сделала стойку. Дальше все следовало, как всегда: я крикнул — «пиль», Альфа бросилась, из кустарника вылетел фазан, я выстрелил. Фазан, подбитый, но не убитый, свалился куда-то в дальний куст. Альфа бросилась за ним. Я остался ждать ее на том же месте, с которого стрелял, и вдруг почувствовал тупой и тяжелый удар в голову. Заросль джунглей, в которую бросилась Альфа, вдруг почему-то метнулась вверх, к небу. Но в действительности это я падал вниз, на землю. Помню, что мое сознание вспыхнуло последней мыслью: «Солнечный удар! Дело дрянь...»

А затем — тьма, словно кто-то, дунув на солнце, сразу погасил его, и забытье...

### III

— Обычно романисты-приключенцы приводят в сознание своих обеспамятавших героев или лучами жгучего солнца, или, наоборот, ночным холодком, — растягивая сухие и темные свои губы в улыбке, заговорил снова Мадай. — Большой популярностью у них пользуются также голоса людей, укусы москитов, но самым шикарным считается вернуть героя к сознательному бытию жгучей болью, наносимой озверевшими врагами. Не буду хвастать, мое пробуждение от забытья произошло без этих непременных эффектов. Просто сила нанесенного удара ослабела, испарилась, кровь снова нормально заструилась по жилам, и я, подняв с земли голову, сел. Не увидел я перед собой и ничего стра-

шного: ни толпы врагов, ни блеска стали у моего горла. Перед глазами моими была полянка, обычная, прозаическая полянка, совершенно безлюдная, и все-таки холодок страха струйкой пробежал меж моих лопаток. Это не была та поляна, на которой я упал без памяти. Значит, и тот удар не был солнечным? Значит, на меня напали?

Но я цел и невредим, при мне мое оружие: и двустволка, и патроны к ней, и револьвер в кармане, и даже нож за поясом. Больше: даже Альфа была здесь, со мной, тоже невредимая, лишь как-то странно притихшая и перепуганная. Что за чертовщина! Что за странный враг напал на меня? Я поглядел себе под ноги и все стало понятным.

Вязкий жирный гумус поляны был истоптан множеством босых ног. По характерному вывертыванию пяток при ходьбе я понял, что здесь были тоба, мои недавние противники. Но зачем они затащили меня сюда? Я огляделся. Полянку нельзя было назвать большой — две цирковых арены, не больше, и очертаниями она напоминала арену, почти идеально круглую. С одной стороны к ней полукольцом примыкала густая и высокая заросль деревьев, опутанных темными и толстыми лианами; с другой тоже полукольцом прильнуло болото, ровное и жутко-спокойное в своей обманной неподвижности. Я поднялся и в сопровождении Альфы направился к болоту, так как к нему шли и следы, оставленные воинами тоба.

Но у края трясины, дохнувшей на меня прелью, болотным газом и слащавой воинью торфа, я остановился пораженный. Следы босых ног чернокожих пропали, исчезли непостижимым образом, словно негры поднялись на крыльях и по воздуху пронеслись над болотом. Обескураженный и уже начавший беспокоиться, опустился я на траву. Но тотчас же вскочил на ноги. Солнце начало спускаться, оставаться же на ночь на этой проклятой поляне я не хотел: чего доброго — явятся снова им одним известными путями тоба и разделяются со мной уже по-настоящему. Не пускает болото, попробуем пробраться через чащу. Я свистнул Альфе и направился к заросли. Пес последовал за мной крайне неохотно,

поджав хвост и полусогнув лапы, словно готовясь ежесекундно к прыжку назад.

Остановившись в нескольких саженях от заросли и окинув ее внимательным взглядом, я сразу же убедился, что передо мною та непроходимая и непрорубная чаща, которая даже со стеной может поспорить своей непобедимостью. Но здесь я надеялся на Альфу. Были уже случаи, когда она проводила меня, отыскав незаметную для человеческого взгляда тропинку, через подобные же тропические заросли. И снова послал пса в атаку:

— Альфа, иди! Ищи дорогу! Домой! Там! — протянул я руку в сторону джунглей.

Но к крайнему моему удивлению, пес, единственный раз на моей памяти, отказался исполнить приказание. Альфа слабо взвизгнула, словно прося прощения, и, сжавшись в комок, прильнула к земле.

— Иди, дьявол! — ударил я собаку ногой в бок. Она не отпрыгнула, нет, наоборот, — подползла ко мне еще ближе, тычясь головой в мои ноги. Ясно, что это была просьба: «Раздроби мне голову твоими сапогами за ослушание, но не посыпай меня в эту заросль...»

— Ну нет, проклятое животное, — подумал я, — ты все-таки пойдешь, куда я тебя посылаю!

И, стараясь ошеломить Альфу быстротой и неожиданностью своих движений, я, подняв с земли камень, запустил его в чащу, крикнув одновременно:

— Принеси!

Слишком уж неожиданно было отдано это новое приказание, а потому импульс послушания на этот раз победил страх. Сеттер сорвался с места, рыжим пламенем вспыхнул в зелени кустов, окаймлявших чащу, мелькнул еще раз, еще, и вдруг из кустов раздался отчаянный визг, почти человеческий вопль о помощи. Это кричала Альфа! Сунув в казенник патрон с разрывным «жаканом», я бросился на помощь моему бедному сеттеру.

Еще издали заметил я, что Альфа борется с какой-то неведомой силой, втягивающей ее в густую чащу. Но это не было животное, о, нет! Мне показалось, что собака опутана

сетью черных веревочек, как будто кто-то накинул на нее множество стягивающихся петель и за концы их тащил Альфу в кусты. Но кто же, кто же тащил ее? По-видимому, люди. Я вскинул ружье и разрядил оба ствола в кусты, в невидимого врага. Никакого результата! Вернее, результат был обратный.

Таинственный враг, осмелев, оторвал Альфу от земли и, полузадышенную, слабо взвизгивавшую, потащил куда-то вверх. Бросив разряженное ружье и выхватив из кармана «мистера Браунинга», я выпустил в кусты всю обойму. Пес, слабо барабанясь в сетях, по-прежнему поднимался.

Не помня себя от злости, я подпрыгнул, схватился за эти тонкие черные веревочки и сам уже, вися в воздухе, попытался их разорвать. Не тут-то было! Они обладали крепостью стальной проволоки. Тогда, освободив правую руку, вися на одной только левой, я выдернул из-за пояса нож и ударил им по веревкам. Боже мой! Концы обрезанных веревок отпрянули, как живые, как будто они почувствовали боль от удара ножа. Мне показалось, что я перерезал эластичные натянутые жилы, полные крови, а в следующую за тем минуту я упал на землю с пуком этих, не то веревок не то жил, не то черт знает чего в руках!

Где-то высоко над моей головой раздавались странные звуки, похожие на характерное хрустение ломаемых костей, на треск разрываемой кожи. Там «кто-то» или «что-то» пожирало мою бедную Альфу! А я сидел на земле и тупо глядел на пук черных, гладких и эластичных веревок, лежавших на моей ладони. В этот-то момент я почувствовал, как что-то с силой захлестнуло мою левую руку выше локтя, а затем режущая боль полосами обожгла мою кожу. Ну, точь-в-точь, как если бы меня кто-то стегал кнутом. Я инстинктивно поднял нож и увидел... те же черные веревки, опутавшие левую мою руку.

Они тянулись откуда-то из глубины густого кустарника и, опоясав в нескольких местах мою руку, причиняли эту режущую боль. Поэтому и чувствовал я боль полосами. Я быстро вскочил, но тотчас же неведомая сила снова свалила меня на землю. Эти же веревки, подползшие по-змеиному, опу-



тали мои ноги и повалили меня. К счастью, правая моя рука, вооруженная ножом, была еще свободна, и я бил ножом по веревкам, рассекая их. Но все новые и новые пучки этих жутких щупальцев тянулись ко мне, опутали до колен ноги, тугой петлей захлестнули поясницу, оплели грудь, причиняя нестерпимую режущую боль. И вдруг живая толстая веревка, вернее — канат, до жути похожая на хобот слона, взметнулась около моего лица, легла на плечи и захлестнулась вокруг шеи. Но я успел просунуть в эту петлю правую руку и тем спасся от удушения. А затем щупальцы с силой оторвали меня от земли и потащили наверх. Я не мог сделать ни малейшего движения, — плотно и крепко опутала меня дьявольская сеть. Да. да! Это была она, «сеть дьявола»! Я понял это, понял, с каким врагом имею дело, лишь тогда, когда запеленатого, словно ребенка, оторвало меня от земли дерево-вампир.

Все новые и новые пучки этих жутких щупальцев тянулись ко мне...

Во время этого невольного воздушного путешествия я снова встретился с моей бедной Альфой, или, вернее, с тем, что от нее осталось. Ветви «сети дьявола» обмотали пса тесным клубком, рассекли ее шкуру и плотно впились в обнажившееся мясо. Тут только я увидел, что и моя одежда в крови! «Сеть дьявола» одним только прикосновением своих щупальцев, как ножами, разрезала мою одежду, исполосовала кожу, нанося глубокие прорезы. А выступившая кровь как будто еще более разъярила это дьявольское растение. Оно все крепче, все теснее сдавливало меня в своих объятиях и я начал терять сознание!

Полковник замолчал и, похлопывая по карманам, начал искать коробку с папиросами. На веранде по-прежнему стояла тишина, даже взвизги фокстрота и блек-боттом, неспеша из танцзала, смолкли; лишь где-то на улице ныла надоедливо однострунная туземная гитара.

— Ну, что же было дальше? — нетерпеливо прервал молчание Иславин. Офицеры заметили, что глаза русского округлились, как у ребенка, слушающего «страшные» сказки.

— То, что я пережил вися в воздухе, опутанный «сетью дьявола», — заговорил снова Мадай, — можно сравнить лишь с мучительным кошмаром, бредовым видением героев Амдэя Гофмана. Бороться я не мог и, сдаваясь, выпустил из руки ненужный уже мне нож. «Это “скис”\* — как говорят авиаторы», — подумал я, начиная терять сознание. Но последнее, что я, увидел, была толпа черных людей, одетых в форменные голубые куртки, бежавших по болоту сюда, ко мне, к «дьяволовой сети», как мне показалось. Мои аскари! Но почему рост их увеличился до таких гигантских размеров? Нет, конечно, это бред!.. Больше ничего не помню...

#### IV

Я открыл глаза. Мой субалтерн-офицер лейтенант Гульд с помощью ножа выпутывал мои руки из ветвей «сети дьявола», презрительно отбрасывая их в сторону.

— Лейтенант, — крикнул капрал Мбанги, — не разбрасывайте эти ветки. Они тотчас же пустят корни в землю и разрастутся в кусты. У этого растения истинно дьявольская живучесть!

Лейтенант Гульд, не обращая внимания на слова Мбанги, возился с моими пораненными «сетью дьявола» руками. Но ветви Гульду приходилось срывать вместе с моей кожей, так плотно присосались они к телу. Порезы, нанесенные мне ветвями растения-вампира, я лечил очень долго, но следы от них остались и до сих пор. Вот, смотрите! — засучив рукава кителя, положил на стол обе руки Мадай.

Офицеры, поднявшись со стульев, сгрудились у стола. На руках полковника ясно видны были глубокие шрамы, сплошными кольцами опоясавшие предплечья и даже запястья.

— Точно такие же шрамы имеются на всем моем теле, — сказал он. — Это работа дерева-вампира. Хотя немало лиш-

---

\* Конец, «крышка».

них ран нанесено мне и Гульдом, неумело, вместе с кожей срывавшим стебли «дьяволовой сети». Я заметил при этом, что срезанные ветви «сети» свертывались, как длинные пальцы, цепляясь за ближайший предмет, стягивая его или снова освобождая, если он не годился в пищу. Мне показалось, что каждая из этих веток жила своей собственной жизнью, жизнью — цепкого, клейкого и прожорливого до отвращения червяка. И они смердели, эти щупальцы, смердели, как тронутое, прелое, начавшее разлагаться мясо.

Я лежал на земле с солдатским ранцем под головой недалеко от «сети дьявола» и теперь-то мог рассмотреть ее как следует. Это было громаднейшее дерево, которое своей тенью покрыло бы даже и брюссельский кафедральный собор. Вообразите, какой же силой обладало оно? Мне кажется, что «сеть дьявола» справилась бы с лошадью, не только с человеком. По внешнему виду оно напоминало вербу, или, скорее, пожалуй, плакучую иву, только ее густые, перепутанные ветви и веточки черно-бурого, как запекшаяся кровь, цвета лишены были листьев. Они походили скорее на щупальцы животного. Щупальцы эти пребывали в вечном медленном движении, тянулись в разные стороны, ощупывали землю, словно готовясь расползтись.

Пока я, лежа, рассматривал «сеть дьявола», труп моей бедной Альфы, также освобожденный из «сетей дьявола», начал уже разлагаться под горячим солнцем, и Мбанги приказал одному из аскари зарыть его, оттащив куда-нибудь подальше от нашей стоянки.

— Нет, я в это не верю! — вскрикнул нервно Иславин. — Не дьяволом же было, в самом деле, это дерево?

— Спокойствие, ротмистр, — сказал холодно капитан Гарднер. — Мистика здесь ни при чем. Вспомните мой рассказ о росянке: ведь и она ловит насекомых, производя собственные движения. Видимо, к этому же разряду плотоядных, то есть активно ловящих свою добычу, принадлежала и «сеть дьявола». Как видите, все это можно объяснить и без всякой чертовщины.

— Я не обижаюсь на слова ротмистра, — сказал полковник Мадай, — действительно, во все рассказываемое мною

трудно верится. Но я рассказываю лишь то, чему сам был свидетелем. Итак, продолжаю! Я не утерпел и крикнул аскари, несшему труп собаки: «Брось ее в эту дьялову пасть!»

Чернокожий стрелок размахнулся и запустил труп Альфы прямо в чащу щупальцев дерева-вампира. И тотчас же, на наших глазах, собака превратилась в бесформенный комок, тугу обмотанный щупальцами «сети дьявола». Затем затрещали кости животного, и труп начал быстро уменьшаться в размерах. А через полчаса растительные пиявки распрымились и собачий остов свалился в глубину куста неузнаваемым комком переломанных костей. При всей этой операции сдавливания и пожирания, ни одна капля крови или крошка мяса не упали даром на землю, — так тесно, так искусно обмотали свою жертву стебли «сети дьявола».

— Сожгите, сожгите скорее это чертова дерево! — закричал я, вне себя от ужаса и брезгливости. Послушные моему приказу аскари натаскали вороха горючего материала, обложили им «сеть дьявола» и подожгли. Но жуткое дерево это разгоралось с большим трудом. Сгорели дрова, хворост, сухие лианы, а его ветви оставались целы, только покрывались копотью. Когда же, наконец, после долгих усилий оно занялось, то распространился запах до того отвратительный, что спасения от него приходилось искать в бегстве. Мне этот смрад живо напомнил запах горелого мяса, исходящий от костров, на которых сжигаются трупы. Этой прелести я вдоволь налюбовался на берегах Ганга, в Индии, во время службы моей в армии магараджи Муран-Сурато. «Сеть дьявола» сгорела окончательно лишь к утру. И лишь после этого мы двинулись в дальнейший путь. Вот и все! — закончил свой рассказ Мадай.

— Позвольте, полковник, — запротестовал Ван-Слипп.  
— Дакеко не все! А как же?..

— Да, да, конечно, — улыбнулся Мадай, — в рассказе моем масса неясностей. Но я заранее знаю, о чем вы будете спрашивать меня, а потому и отвечаю на ваши вопросы. Во-первых, затащили меня на эту проклятую полянку, обрекая тем самым на ужасную смерть в щупальцах «сети дьявола», мои недавние противники — тоба. Спасли же меня мои аскари,

вернее — лейтенант Гульд. Обеспокоенный моим долгим отсутствием, он повернул отряд обратно и натолкнулся на бивуак тоба, не ждавших такого молниеносного маневра. Гульд нюхом почувствовал, что мое исчезновение — дело их рук, и пообещал изжарить их на медленном огне, если они не скажут, где я нахожусь. Один из тоба, почти мальчик, не выдержал и повел отряд на поляну, где я в это время уже боролся с «сетью дьявола». Через болото они прошли, как вы, наверное, уже догадались, на ходулях. Поэтому-то не остали чернокожие своих следов и поэтому же я, вися в воздухе, опутанный щупальцами «сети дьявола» и увидав своих аскари, бегущих по болоту, удивился их гигантскому росту. Ну, теперь, кажется, все ясно, не правда ли?

— Нет, я все-таки не понимаю еще одного, — сказал «Брюссельский фронт», — какое же отношение ваш рассказ о «сети дьявола» имеет к нашему предыдущему разговору о взаимоотношениях рас?

— Не понимаете? — со снисходительной небрежностью переспросил Мадай. — Чего же здесь не понимать, г-н лейтенант? Судите сами, сколько же ненависти, сколько упорства и дьявольской настойчивости надо иметь, чтобы после долгой кровопролитной войны, после поражения снова напасть на меня, белого и офицера, как это сделали тоба? Это же был новый повод к новой войне. Так, в сущности, и случилось! Война снова началась и носила крайне затяжной и жестокий характер. А теперь скажите, если при своем нечеловеческом упорстве, при своей жгучей ненависти к белым колонизаторам все черные племена Африки объединятся, что будет? О, это будет такой могучий взрыв, который сразу же сбросит всех нас с «черного материка» в океан! Боюсь, как бы Африка для нас с вами тоже не оказалась «сетью дьявола», из которой нам уже не выпутаться и которая переломает наши кости! Вот все, что я хотел сказать.

Мадай замолчал и, побарабанив по столу пальцами, запел вдруг вполголоса «казарменную песенку» Киплинга:

Мы идем, мы идем — пятый день по Африке.  
Мы идем, мы идем — все по той же Африке...

Офицеры молчали. Откуда-то из тьмы, словно из таинственного жерла, тянул теплый, душный ветерок, насыщенный прямыми ароматами «Черного материка». Ротмистр Иславин, подставив лицо ветру, широко раскрытыми глазами смотрел в темноту, словно хотел взором своим окинуть всю эту таинственную страну, враждебную ему, северянину и чумаку — страну, полную тайн, скрытых угроз и опасностей.

И вдруг русский вздрогнул, нащупал свой стакан и выпил залпом виски, даже не разбавив спирт водой. Офицеры сделали вид, что ничего не заметили. Они поняли русского. Точно такое же чувство щемящего ужаса и они заливали спиртом в первые годы своей службы на «Черном материке»...

Дж. Робинсон

Дерево-модоед

Прежде, чем предать эти бумаги издевкам Великой Заурядности — ибо многие, боюсь, склонны будут счесть эту историю неправдоподобной — осмелюсь высказать свое мнение в отношении доверчивости, подобного которому мне прежде встречать не доводилось. Оно заключается в следующем. Представим себе высшую Мудрость и высшую Глупость как две противоположности, а меня самого как срединную величину между ними. В этом положении я с удивлением обнаруживаю, что по мере приближения к одному из полюсов доверительность моих близких увеличивается. Как ни парадоксально, *будь человек глупее или мудрее меня, он более доверчив*. Я привожу это наблюдение во благо тех представителей Великой Заурядности, каковые могли не заметить, что доверчивость сама по себе не является постыдной или достойной презрения; все зависит от характера, а не предмета веры, пусть верующий и тяготеет к мудрости или наоборот. В соответствии со своим восприятием невероятности сказанного ниже читатель, таким образом, может оценивать свою мудрость или глупость.

3. Ориэль

Перегрин Ориэл, мой дядя по матери, был великим путешественником, что и предрекали ему крестные у купели. И действительно, он более чем усердно обшаривал все уголки и закоулки земли. Но в рассказах о своих странствиях он, к сожалению, не придерживался благоразумных взглядов Ксенофона, разделявшего «виденное» и «услышанное». Потому-то городские советники Брюнсбютеля (каковым он показал утконоса, пойманного им живьем в Австралии, заработав славу «импортера искусственно выведенных зловредных хищников»), не были одиноки в своем скептицизме по поводу рассказов старика.

Кто, к примеру, поверит в историю о высасывающем людей досуха дереве, едва не лишившем дядюшку жизни? Сам он говорил, что оно «страшнее, чем анчар».

— Это ужасное дерево простирает свою величественную смертную тень в дебрях густых зарослей центральной Нубии; в соседстве с ним, страшась его отвратительных испарений, не произрастают никакие другие растения, питается же оно дикими животными, которые, спасаясь от погони

или полуденного зноя, ищут убежище под его толстыми ветвями; птицами, которые, порхая над поляной, оказываются в заколдованным кольце его власти и, ничего не подозревая, пытаются освежить себя нектаром из чаш его огромных воскоподобных цветков; и даже людьми, когда редкий заблудший дикарь ищет укрытия в бурю или, исколов ноги о колючую серебряную траву поляны, бросается к чудесным плодам, висящим среди удивительной листвы. Какие же у него плоды! Великолепные золотистые овалы, подобные громадным медовым каплям, вытянутые под собственным весом в форме полупрозрачных груш! Листва поблескивает от странной росы, что целыми днями капает на землю, орошая влагой траву; местами напоенные кровью, ярко-зеленые травянистые острия вздымаются так высоко, что теряются среди густой листвы чудовищного дерева и, словно ревностные стражи, хранят страшную тайну сокрытого в нем склепа, обвивая черные корни убийственного дерева непроницаемой и живой зеленой завесой.

Так он описывал растение. Заглянув позже в ботанический словарь, я узнал, что натуралистам и впрямь известно семейство «плотоядных» растений, но большинство из них очень малы и питаются лишь мелкими насекомыми. Мой дядюшка, однако, ничего об этом не знал, так как умер еще до открытия росянки и растений-ловушек. Его познания основывались на лично пережитом им жутком столкновении с деревом-кровососом. Существование его дядя объяснял оригинальными теориями. Он отрицал неизменность всех законов природы, кроме одного: сильные всегда будут стремиться съесть слабых. «Считая и эту неизменность саму по себе только средством более существенных общих изменений», он увержал, что — поскольку любой изъян в способности к самозащите предполагал бы недостойную пристрастность Творца и поскольку инстинкты зверей и растений без сомнения аналогичны — «весь мир должен обладать одинаковыми ощущениями и восприятием». Развивая эту теорию (ибо для него она была чем-то большим, нежели «гипотезой») и продвигаясь на шаг или два далее, он начал верить, что «при наличии неотвратимой опасности или необходимости выжить

любое животное или растение способно в конечном итоге революционизировать свою природу; тогда волк станет питаться травой или гнездиться на деревьях, а фиалка вооружится шипами или будет ловить насекомых».

— Как можем мы, — спрашивал он, — приписывая человеку осознанное восприятие ощущений, одновременно отрицать, что звери, которые слышат, видят, осязают, обоняют и различают вкус, обладают принципом восприятия, соответствующим их чувствам? И если вся сфера «одушевленного» мира наделена даром защищать себя от истребления и нападать на слабого, почему «неодушевленный» мир, ведущий такую же ожесточенную борьбу за существование, должен оставаться беззащитным и безоружным? И я отрицаю это. Бразильский эпифит душит дерево и высасывает из него соки. Дерево же, пытаясь уморить паразитического вампира голодом, направляет свои соки в корни, пронзает почву в другом месте и питает течением соков новые побеги. Эпифит оставляет мертвые ветви и набрасывается на свежие зеленые побеги, прорастающие из земли под ним — и борьба продолжается. Взгляните на индийский фикус: чем ожесточенная устремленность его корней к далекому водоему отличается от вызывающих жалость усилий верблюда добравшегося до оазиса или армии Синаххериба — до спасительного Нила?

Лишены ли сознания мимозы? Я исходил много миль по их полям, наблюдая за ними, пока не начал опасаться, что растения наберутся смелости и восстанут против меня. Под моими стопами зеленый ковер бледнел и съеживался, становясь серебристо-серым. Я ощущал такое повсеместное отвращение к себе, что готов был возвратить к растениям; но все было напрасно. Даже тень протянутой руки ужасала растения до бесчувствия; при первом звуке моей речи листья сворачивались, а большие, пышные кусты, на чью крепость я по глупости надеялся, увядали в беспомощной мольбе, засыпав мои шаги. Ни единый лист не желал оставаться со мной. Мое дыхание отравляло саму жизнь. Мое присутствие парализовало их, и я был рад наконец оказаться среди менее боязливых растений и почувствовать, как злопамятная колкая тра-

ва мстит мне, неосторожно придавившему ее. Да, растительный мир способен на месть. Можно держать в клетке морскую свинку, но как приручить василиска? Небольшая мимоза в вашем саду может развлечь детей (которые находят удовольствие и в разглядывании корчащихся на булавках майских жуков), но как вы отнесетесь к растению, способному схватить бегущую антилопу или высасывать соки из человека, пока его плоть не станет такой же размякшей, как разум, так что все качества «одушевленного» существа не помогут ему вырваться из ужасных объятий — Господи упаси! — «неодушевленного» дерева?

— Много лет назад, — продолжал дядюшка, — я, не имея привычки сидеть на месте, отправился в Центральную Африку. Мое путешествие началось там, где река Сенегал впадает в Атлантический океан; я достиг Нила, обогнул Великую пустыню и по пути к восточному берегу добрался до Нуабии. Со мной были трое туземцев-проводников: двое из них были братьями, а третий, Отона — молодой дикарь с Габонской возвышенности, еще мальчишка. Однажды я оставил мула с двумя мужчинами, занятymi установкой палатки, взял ружье и вместе с мальчиком пошел в заросли, которые заметил в отдалении. Подойдя ближе, я обнаружил, что лес разделен надвое широкой поляной. На ней паслось в тени небольшое стадо антилоп — лучшей дичи на ужин и пожевать нельзя. Я стал подбираться к ним. Стадо не замечало настоящей опасности, но держалось настороже. Антилопы неторопливо перебегали с места на место и я не меньше мили следовал за ними вдоль зарослей. Неожиданно я увидел посреди поляны одинокое дерево — одно-единственное. Я сразу же с удивлением понял, что никогда не встречал такие деревья; но я был поглощен добыванием дичи на ужин и потому лишь бросил на него беглый взгляд, чтобы удовлетворить свое любопытство: странно было видеть одинокое дерево с роскошной листвой в этом месте, где не росло, казалось, ничего, кроме колючего кустарника и древовидных папоротников.

Тем временем антилопы были уже на полпути между мной и деревом. Глядя на них, я понял, что они собираются

пересечь поляну. Прямо напротив в лес уходила прогалина, где я непременно потерял бы свой ужин. Я выстрелил в середину стада, двигавшегося вереницей, и угодил в молодого теленка. Остальная часть стада в порыве ужаса кинулась в сторону дерева, оставив теленка дергаться на земле. По моему приказу Отона побежал за подранком, но маленькое создание, увидев его, попыталось последовать за своими собратьями и довольно быстро побежало в их направлении. Стадо успело достигнуть дерева, но вдруг, вместо того, чтобы пробежать под ним, на бегу резко свернуло и пронеслось в нескольких ярдах от дерева.

*Не то я сошел с ума, не то растение действительно пыталось поймать антилопу!* Краем глаза я увидел — или вообразил, что увидел — как растение пришло в бурное волнение. Кусты вокруг недвижно стояли в вечернем воздухе, не было ни ветерка, но ветви дерева в каком-то внезапном порыве потянулись к стаду и в этом резком движении склонились почти до земли. Я потер глаза, на секунду закрыл их и снова посмотрел на дерево. Оно было неподвижно, как и я.

К нему приближался мальчик, увлеченный погоней за маленькой антилопой. Он протянул руки, надеясь поймать ее, но она выскоцила из хватки пылкого преследователя. Он вновь потянулся к ней, и снова она увернулась. Еще один прыжок, и в следующее мгновение мальчик и антилопа очутились под деревом.

Теперь я уже не сомневался в том, что увидел.

Дерево конвульсивно содрогнулось, наклонилось вперед, опустило до земли свои толстые, покрытые листвой ветви и скрыло от моего взгляда преследователя и добычу! Я был меньше чем в сотне ярдов от дерева, и из глубины листвы до меня отчетливо донесся страдальческий крик Отоны. Всего один сдавленный, приглушенный крик, и больше никаких признаков жизни — только листья волновались там, где ветви сомкнулись над мальчиком.

— Отона! — позвал я. Ответа не было. Я попытался позвать снова, но сумел лишь издать хрип, похожий на хрипение зверя, внезапно получившего смертельную рану. Я замер,

утратив всякое сходство с человеческим существом. Все ужасы мира вместе взятые не заставили бы меня оторвать взгляд от чудовищного растения. Ноги будто прилипли к земле. Я простоял так, вероятно, не менее часа: тени, выползшие из леса, наполовину скрыли поляну, прежде чем жуткий приступ страха отпустил меня. Мне хотелось убежать подальше, незаметно скрыться, но вернувшийся рассудок заставил меня подойти к нему. Мальчик мог попасть в логово хищного зверя; возможно, страшное подергивание листьев вызывала крупная змея, притаившаяся среди ветвей. Готовый к любой неожиданности, я приблизился к безмолвному дереву. Под ногами непривычно громко хрустела жесткая трава, цикады в лесу пронзительно пели, и воздух вокруг словно пульсировал звуковыми волнами. Вскоре мне открылась небывалая и ужасная правда.

Растение ощутило мое присутствие на расстоянии ярдов пятидесяти. Я заметил, что листья с широкими краями украдкой заволновались, напоминая дикого зверя, медленно просыпающегося после долгого сна или громадный, беспокойно извивающийся клубок змей. Приходилось ли вам видеть пчелиный улей на ветке? Пчелы льнут друг к другу, но достаточно потрясти ветку или рассечь рукой воздух, и все это скопление живых существ начинает угремо рассеиваться, и каждое насекомое обретает право двигаться. Ни одна пчела еще не покинула висящий улей, но целое постепенно наполняется мрачной жизнью, становясь ужасающим шевелящимся множеством...

Я остановился в двадцати футах от дерева. Все ветви дрожали от жажды крови и тянулись ко мне, беспомощно пригвожденные к месту корнями. Так «ужас глубин», которого страшатся моряки северных фьордов, укорененный на какой-нибудь подводной скале, тянет в пустое воздушное пространство свои изголодавшиеся щупальцы, прозрачные и идущие волнами, как само море — раненый Полифем, на ощупь ищущий своих жертв.

Каждый листок трепетал и был голoden. Они соприкасались, как руки, их мясистые ладони обивались друг вокруг друга, снова разворачивались, сжимались и вновь разжима-

лись, толстые, беспомощные, беспалые руки — точнее, даже губы или язычки, тесно усеянные маленькими чашеобразными впадинами. Шаг за шагом я подходил ближе, пока не увидел, что все эти мягкие жуткие рты находились в движении, непрерывно открываясь и закрываясь.

Я уже в десяти ярдах от протянувшейся дальше других ветви. Вся она истерически дергалась от возбуждения, волнение проходило по всей ее длине — зрелище мерзкое, но завораживающее. В голодном экстазе, мечтая добраться до находившейся так близко пищи, листья набросились друг на друга. Сталкиваясь лицом к лицу, они впивались один в другой с такой силой, что общая их толщина утончалась до половины, превращая два листа в один. Они завивались, как двойная раковина, корчились, как зеленый червь и наконец, ослабев от ярости конвульсий, медленно расцеплялись, словно отпадающие от тела, раздутые от крови пиявки. В ямках блестела липкая роса, перетекала через края и капала вниз с листьев. Звуки перетекавших с листа на лист капель походили на бормотание. Листья хватали висящие тут и там прекрасные золотистые плоды, на миг сжимали их, скрывая из виду, и так же внезапно выпускали. Большой лист, как вампир, высосал соки листа поменьше. Тот повис, вялый и обескровленный, как содранная с пушного зверька шкура.

Я пристально наблюдал за ужасной борьбой, пока напряженные, неверящие глаза не начали мне изменять. Я едва ли смогу описать, что увидел дальше. Дерево словно превратилось в живого хищника. Надо мной дрожала, ощущая добычу, большая ветка, и каждая из ее клейких рук тянулась ко мне, ощупывая воздух. Дерево билось, трепетало, качалось, вздымалось и отчаянно дергалось. Ветви, до безумия измученные близостью плоти, метались из стороны в сторону в агонии исступленного желания. Листья смыкались и выворачивались: так заламывает руки человек, потерявший рассудок от внезапного несчастья. Я чувствовал, как на меня падала из набухших вен тошнотворная роса. Одежда пропиталась странным запахом. Земля вокруг поблескивала животными соками.

Ошеломил ли меня ужас? Покинули ли меня чувства в час нужды? Не знаю — но дерево, казалось, пришло в движение. Наклонившись ко мне, оно будто выдергивало корни из увлажненной земли. Оно приближалось, нападало, это колоссальное чудовище с мириадами шепчущих хором губ, жаждущими моей крови!

В отчаянной попытке защитить себя от неминуемой смерти я выстрелил из ружья в надвигающийся ужас. Мои притупившиеся чувства восприняли звук выстрела как далекий, но благодаря удару от отдачи я сумел несколько прийти в себя. Отступив, я перезарядил ружье. Пули вошли в мягкое тело громадного существа. Раненый ствол содрогнулся, и по всему дереву пробежала внезапная дрожь. Упал плод, скользнув по листьям — ставшим теперь жесткими и словно резными, со вздутыми венами. Затем одна из огромных рук медленно склонилась, беззвучно оторвалась от налитого соком ствола и мягко, бесшумно полетела вниз сквозь блестящую листву. Я выстрелил снова, и еще одна ветвь бессильно повисла — она была *мертва*. С каждым выстрелом ужасное расщепление лишалось крупицы жизни. Я расстреливал его по частям, убивая то лист, то ветвь. По мере расправы моя ярость росла; наконец патроны кончились, а величественный гигант, словно сметенный ураганом, превратился в руины. На земле, корчась, приподнимаясь и падая, задыхаясь, горой лежали сбитые пулями конечности. Одна из ветвей уронила в предсмертной агонии несколько раненых плодов. Посреди этой груды, испуская сок из всех сочленений, высился блестящий ствол.

Услышав стрельбу, один из моих людей прискакал на муле. После он рассказал, что не осмелился приблизиться ко мне, решив, что я обезумел. А я вытащил охотничий нож и начал сражаться — сражаться с листьями. Да, каждый лист был напоен чудовищной жизнью, и не раз я чувствовал, как они хватали меня за руку и будто впивались в нее острыми зубами. Не подозревая, что мой проводник рядом, я рванулся вперед по опавшим листьям и в последнем пароксизме ярости по рукоятку вонзил нож в мягкий ствол. Затем, поскользнувшись на быстро свернувшемся соке, я упал без соз-

нания и сил среди испускающих дух листьев.

Мои спутники отнесли меня в лагерь и после напрасных поисков Отоны стали дожидаться, пока я не приду в сознание. Прошло два или три часа, прежде чем я сумел заговорить, и лишь несколько дней спустя я заставил себя вернуться к ужасному существу. Без меня мои люди отказывались к нему подходить. Мы нашли его мертвым; когда мы вышли на поляну, яркая птица с большим клювом, спокойно клевавшая полуразложившийся плод, взлетела над оствором. Мы разворошили гниющую листву, и там, в глубине, среди мертвых листьев, все еще влажных от сока, обнаружили у корней груду ужасных останков многочисленных пиршеств и труп последней жертвы — маленького Отоны. Мы не могли задерживаться, готовя тело к погребению, и похоронили его, как нашли, с сотней вцепившихся в него листьев-вампиров.

Таков был, насколько мне помнится, рассказ моего дяди о дереве-людоеде.

Элджернон Блоквуд

*Превращение*

Все началось с того, что заплакал мальчик. Днем. Если быть точной — в три часа. Я запомнила время, потому что с тайной радостью прислушивалась к шуму отъезжающего экипажа. Колеса, шелестя в отдалении по гравию, увозили миссис Фрин и ее дочь Глэдис, чьей гувернанткой я служила, что означало для меня несколько часов желанного отдыха в этот невыносимо жаркий июньский день. К тому же царившее в небольшом загородном доме возбуждение сказалось на всех нас, а на мне в особенности. Это приподнятое настроение, наложившее отпечаток на все утренние занятия в доме, было связано с некоей тайной, а гувернанток, как известно, в тайны не посвящают. Глубокое беспринципное беспокойство овладело мною, а в памяти всплыла фраза, сказанная когда-то моей сестрой: с такой чуткостью мне следовало бы сделаться не гувернанткой, а ясновидицей.

К чаю ожидали редкого гостя — мистера Фрина-старшего, «дядюшку Фрэнка». Это было мне известно. Я знала также, что визит каким-то образом связан с будущим благополучием маленького Джейми, семилетнего брата Глэдис. Больше я не знала ничего, и из-за недостающего звена мой рассказ превращается в некое подобие головоломки, важный фрагмент которой утерян. Визит дядюшки Фрэнка носил характер филантропический, и Джейми предупредили, чтобы он вел себя как следует и старался понравиться дядюшке. А Джейми, до тех пор никогда дядюшку не видевший, заранее ужасно боялся его. И вот сквозь замирающий в зноном воздухе шелест колес до меня донесся тихий детский плач, который неожиданно отозвался в каждом нерве и заставил вскочить на ноги, дрожа от беспокойства. Слезы подступили к глазам, вспомнился беспринципный ужас, охвативший мальчика, когда ему сказали, что к чаепитию приедет дядюшка Фрэнк и ему непременно нужно «вести себя хорошо». Плач мальчика причинял мне боль, словно ножевая рана. Несмотря на то, что все это произошло средь бела дня, меня охватило гнетущее ощущение кошмара.

— Этот человек с грома-а-адным лицом? — спросил Джейми чуть дрогнувшим от страха голосом и, не говоря больше

ни слова, вышел из комнаты в слезах; все попытки утешить его оказались безуспешны.

Вот все, что я видела, а слова мальчика о человеке «с грома-а-адным лицом» показались мне дурным предзнаменованием. Но в какой-то мере это послужило развязкой — внезапным разрешением тайны и возбуждения, пульсирувших в тишине знойного летнего дня. Я боялась за мальчика. Из всего этого вполне заурядного семейства Джейми нравился мне больше всех, хотя мы с ним не занимались. Джейми был нервным, чувствительным ребенком, и мне казалось, его никто не понимает, а меньше всего — добросердечные, порядочные родители; и вот негромкий плач мальчика заставил меня вскочить с постели. Я подбежала к окну, будто услышав крик о помощи.

Июньский зной тяжелым покровом повис над большим садом; чудесные цветы, радость и гордость миссис Фрин, поникли; газоны, мягкие и упругие, заглушали все звуки, только липы да заросли калины гудели от пчел. Сквозь жару и марево до меня донесся отдаленный, едва слышный детский плач. Удивительно, как мне вообще удалось услышать его, потому что в следующую минуту я увидела Джейми в белом матросском костюмчике, одного, позади сада, шагах в двухстах от дома. Он стоял рядом с Запретным местом — отвратительным куском земли, где ничего не было.

Меня охватила слабость, подобная смертной слабости, когда я увидела его не где-нибудь, а именно там, куда ему запрещалось ходить, где он и сам всегда боялся бывать. Увидев мальчика одного в этом странном месте и услышав его плач, я оцепенела. Однако только собралась с силами, чтобы позвать Джейми, как из-за поворота появился мистер Фрин-младший с собаками, возвращавшийся с нижней фермы, и, увидев сына, сделал это вместо меня. Громким, добрым голосом окликнул мальчика, Джейми повернулся и побежал к нему — как будто чары рассеялись, — прямо в раскрытые объятия своего любящего, но непонимающего отца. Мистер Фрин-младший, усадив его себе на плечо, понес домой, спрашивая по дороге, из-за чего такой шум. За ними с громким лаем следовали короткохвостые овчарки, они пры-

гали и приплясывали, взбрасывая сырой круглый гравий. Джейми называл это «танцами на дорожках».

Я отошла от окна, прежде чем меня заметили. Доведись мне стать свидетельницей спасения ребенка из огня или из реки, я вряд ли испытала бы большее облегчение. Но мистер Фрин-младший, я уверена, не в состоянии был сделать то, что нужно. Защитить мальчика от его собственных пустых выдумок он мог, но дать такое объяснение, которое развеяло бы их, был не в силах. Они скрылись за розовыми кустами, направляясь к дому. Больше я ничего не видела до приезда мистера Фрина-старшего.

\* \* \*

Трудно понять, почему этот безобразный клочок земли именовался «запретным»; возможно, такое определение закрепилось за ним когда-то давно, хотя не припомню, чтобы кто-нибудь из семейства употреблял его. Для Джейми и меня, хотя мы тоже никогда не называли так этот кусок земли, где не росло ни цветочка, ни деревца, он был более чем странным. В дальнем конце великолепного, пышного розария зияла голая, больная земля, черневшая зимой наподобие коварного болота; летом же, заскорузлая и потрескавшаяся, она давала приют зеленым ящерицам, пробегавшим по ней, словно искры. В сравнении с роскошью всего изумительного сада это место казалось воплощением смерти среди пышного цветения жизни, средоточием болезни, жаждущим исцеления, пока болезнь не распространилась. Но она не распространялась. Дальше шла роща серебряных берез, а за нею переливалась зелень луга, где резвились ягнята.

У садовников было очень простое объяснение бесплодности этой земли: вся вода ушла оттуда по лежащему рядом склону, и не осталось ни капли. Что тут можно сказать? Это Джейми, который на себе ощущал ее чары и часто был там, который, преодолевая страх, простоявал там часами — потому-то ему и было велено «держаться подальше от

этого места», ибо пребывание там бередило и без того богатое воображение мальчика, причем самые мрачные его стороны, — именно Джейми, который хоронил там побежденных людоедов и слышал исходивший от земли плач, уверял, что видел, как ее поверхность порою содрогается, и по-тихоньку подкармливала землю найденными во время своих ежедневных странствий по округе мертвыми птичками, мышами или кроликами. Это ему, Джейми, удалось необыкновенно верно выразить словами ощущение, охватившее меня с первой же минуты, как я увидела эту пустошь.

— Это дурное место, мисс Гулд, — сообщил он мне.

— Но, Джейми, в природе нет ничего дурного — совсем дурного; просто есть вещи, которые отличаются от остальных.

— Мисс Гулд, но ведь здесь пусто. Здесь ничего не родится. Эта земля погибает, потому что не получает нужной пищи.

И пока я смотрела на бледное личико, на котором чудесно сияли темные глаза, и собирались с мыслями, чтобы найти верный ответ, мальчик произнес, убежденно и страстно, ту самую фразу, от которой я похолодела.

— Мисс Гулд, — он всегда обращался ко мне именно так, — она голодает, разве вы не видите? Но я знаю, что может ей помочь.

Серьезность ребенка, возможно, могла бы заставить окружающих обратить хотя бы мимолетное внимание на странное предположение, но я ощущала: то, во что верит дитя, весьма важно, его слова всегда звучат как тревожный и мощный прорыв действительности. Джейми, со своей склонностью к гиперbole, уловил приметы удивительного явления, его чуткому воображению приоткрылась некая сокровенная истина.

Трудно сказать, в чем крылся ужас этих слов, но, когда он произнес последнюю фразу: «Но я знаю, что может ей помочь», мне показалось, что вокруг сгустились какие-то темные силы. Помню, что не стала расспрашивать его подробнее. Фразы, по счастью не произнесенные, дали жизнь некой не облеченной в слова возможности, которая с тех пор

существовала в глубине моего сознания. Само ее возникновение, как мне думается, доказывает, что она уже присутствовала в моем разуме. Кровь отхлынула от сердца, колени подогнулись: мысль Джейми совпадает — и совпадала — с моей собственной...

И сейчас, лежа на кровати и раздумывая обо всем этом, я поняла, почему приезд дядюшки Фрэнка был каким-то образом связан с переживаниями, ужаснувшими Джейми. Внезапно мне пришла в голову мысль, так испугавшая меня, что я не в силах была ни отказаться от нее, ни попытаться опровергнуть; вместе с ней явилась темная, полная — как в кошмаре — убежденность в том, что она истинна; и если кошмар можно облечь в слова, то мысль моя состояла в следующем: этой гибнущей земле в саду чего-то недоставало, и она постоянно искала это нечто — то, что даю бы ей возможность ожить и расцвести. Более того, существовал человек, который мог ее спасти. Мистер Фрин-старший, иначе дядя Фрэнк, и был тем человеком, который своею избыточной жизненностью мог восполнить этот ее изъян — сам не осознавая этого.

Связь между гибнущим, пустым куском земли и личностью этого энергичного, здорового и процветающего человека уже существовала в моем подсознании задолго до того, как я стала отдавать себе в этом отчет. Конечно, она существовала всегда, хотя и неосознанно. Слова Джейми, внезапная бледность мальчика, боязливое предчувствие как бы наметили контур, но его одинокий плач в Запретном месте выявил четкий отпечаток. Передо мной в воздухе возник некий образ. Я отвела глаза. Если бы не боязнь, что они покраснеют — с красными глазами лицо мое никуда не годилось, — я бы заплакала. Слова, сказанные Джейми утром о «грома-а-адном лице», снова обрушились на меня, подобно ударам тарана.

Мистер Фрин-старший столько раз становился объектом семейных бесед, с тех пор как я начала здесь работать, я так часто слышала разговоры о нем и так часто читала о нем в газетах — о его энергии, о благотворительной деятельности, об успехах на любом поприще, — что его портрет со-

ставился в моем представлении довольно полно. Я даже знала, каков он внутри, или, как говорит моя сестра, сокровенно. Единственный раз мне привелось видеть его воочию, отвозя Глэдис на собрание, где он председательствовал; там я ощутила окутывавший этого человека ореол, разглядела его лицо во время минутного покровительственного разговора с племянницей и убедилась, что нарисованный мною портрет верен. Остальное вы можете счесть лишь необузданными женскими фантазиями, я же думаю, что это род божественной интуиции, присущей женщинам и детям. Если бы души могли быть видимы, я поручилась бы жизнью за истинность и точность составленного мною портрета.

Мистер Фрин принадлежал к людям, которые увядают в одиночестве и расцветают в компании — потому что они используют жизненные силы окружающих. Он, сам не осознавая этого, был непревзойденным мастером присваивать плоды чужой жизни и работы — для собственной пользы. Занимался вампиризмом он, разумеется, бессознательно, однако всех тех, с кем ему приходилось иметь дело, оставлял измощденными, утомленными, вялыми. Мистер Фрин жил за счет других, поэтому в зале, где было полно народа, он блестал, а предоставленный самому себе, не имея рядом жизни, которую можно подманить, слабел, терял силы. Находясь с ним рядом, можно было почувствовать, как его присутствие опустошает тебя; он присваивал твои мысли, твою силу, даже твои слова и потом использовал их для собственной выгоды и возвышения. Разумеется, без злого умысла. Он был неплохой человек, но чувствовалось, насколько опасна та легкость, с которой этот бессознательный вампир поглощал не принадлежащие ему жизненные силы. Его глаза, голос, само присутствие лишало жизни — казалось, живое существо, недостаточно высокоорганизованное, чтобы сопротивляться, должно всеми силами избегать его приближения и прятаться в страхе быть поглощенным, то есть в страхе смерти.

Джейми, сам того не ведая, положил последний мазок на неосознанно составленный мною портрет этого человека, который владел даром молча подчинять себе и вытяги-

вать из тебя все силы, мгновенно усваивая их. Вначале сопротивляясь, ты постепенно слабеешь, воля твоя угасает, и тебе остается либо уйти, либо сдаться, соглашаясь со всем, что бы он ни сказал, ощущая слабость, доходящую до обморока. С противником-мужчиной могло быть иначе, но и тогда попытки сопротивления порождали силу, которую поглощал он, а не кто другой. Защищенный каким-то инстинктом, он никогда не давал ничего, я хочу сказать, он никогда ничего не давал людям. В этот раз вышло иначе: у него было не больше шансов, чем у муhi под колесами огромного — или, как говорил Джейми, «чудовищного» — паровоза.

Именно таким он виделся мне: громадный человек-губка, вобравший в себя жизненные силы, украденные у других. Моя мысль о человеке-вампире была, несомненно, верной. Мистер Фрин жил, присваивая струйки жизненной энергии других. В этом смысле его жизнь не была в полной мере «его», и поэтому, думаю, он не мог контролировать ее целиком, как предполагал.

\* \* \*

Через час-другой этот человек окажется здесь. Я подошла к окну. Оголенный кусок земли, тускло черневший среди великолепных садовых цветов, притягивал мой взгляд. Меня поражал этот клочок пустоты, жаждущий, чтобы его наполнили, напитали. Мысль о том, что Джейми играл на самом его краю, была невыносимой. Я смотрела на неподвижные летние высокие облака, вслушивалась в послеподденную тишину, всматривалась в знойное марево. Кругом царило гнетущее безмолвие. Не могу припомнить другого такого застывшего дня. Все замерло в ожидании, семейство тоже — в ожидании, когда из Лондона на большом автомобиле приедет мистер Фрин.

Мне никогда не забыть охватившей меня тревоги, ледяной дрожки, пробежавшей по спине, когда я услышала шум

мотора. Мистер Фрин приехал. Стол к чаю накрыли на траве под липами, и миссис Фрин с Глэдис, возвратившиеся из поездки, сидели в плетеных креслах. Мистер Фрин-младший встретил брата в холле, а Джейми, как я потом узнала, пребывал в таком беспокойном состоянии, что ему разрешили остаться в своей комнате. В конце концов, может быть, его присутствие и не было столь уж необходимым. Визит явно имел отношение к таким непривлекательным сторонам жизни, как деньги, ценные бумаги, дарственные и тому подобное; точно не скажу, однако семейство находилось в волнении, ведь дядюшка Фрин был человеком состоятельным.

Впрочем, это не имело значения для того, что произошло. Главным было то, что миссис Фрин послала за мной и просила сойти вниз в «своем миленьком белом платьице» — если, разумеется, я не против; я была и испугана, и польщена, поскольку приглашение означало, что глаз гостя хотят порадовать хорошеньким лицом. Странно, но я сразу почувствовала, что мое присутствие каким-то образом предполагалось, что мне надлежит стать свидетельницей всему, что случится. В тот момент, когда я ступила на газон — не знаю, стоит ли говорить, настолько глупо и путано это звучит, но я готова в этом поклясться! — и наши взгляды встретились, внезапно сгустилась тьма, затмив на мгновение щедро разлитый кругом солнечный свет, и целые табуны маленьких черных коней заскакали от этого человека к нам и вокруг нас, готовые растоптать все на своем пути.

Бросив на меня беглый взгляд, выдавший его, мистер Фрин больше не смотрел в мою сторону. Часы и беседа текли спокойно; я передавала чашки и тарелки, а случавшиеся паузы заполняла негромким разговором с Глэдис. О Джейми никто не упоминал. Внешне все выглядело превосходно, но только внешне, ибо происходящее соприкасалось с чем-то не облекаемым в слова и было столь чревато опасностью, что я, как ни старалась, не могла сдержать дрожи в голосе, участвуя в беседе.

Рассматривая жесткое, холодное лицо нашего гостя, я отметила, как он худощав и как странно блестят его неми-

гающие глаза. Они отливали маслянистым блеском, мягким и бархатным, как у людей Востока. Во всех его действиях и словах ощущалось то, что я рискнула бы назвать «присасыванием». Его вампирическая сущность достигала своей цели без ведома сознания. Мистер Фрин властвовал над всеми нами, но настолько мягко, что этого никто не замечал — до самого конца.

Не прошло и пяти минут, как я впала в какую-то прострацию: представившаяся моему внутреннему взору картина казалась настолько живой, что мне было странно, почему никто не вскрикнет и не побежит, чтобы предотвратить неизбежное. А происходило вот что: отделенный от нас добродушной ярдов, наш гость, в котором бурлили присвоенные жизненные силы окружающих, стоял неподалеку от зиявшей пустотою земли, ждавшей и жаждавшей, чтобы ее наполнили. Земля чуяла добычу.

Эти два действующих «полюса» находились на расстоянии, подходящем для поединка: он — худощавый, жесткий, энергичный за счет окружающих, практичный, торжествующий, и безобразная пустошь — терпеливая, глубокая, ненасытная, за ней стояли силы земли, и она — ах! — явно упивалась на долгожданную возможность утолить свой голод.

Я видела все это так ясно, как если бы наблюдала за двумя огромными животными, готовыми схватиться в смертельном поединке; это было какое-то необъяснимое внутреннее видение. Столкновение предстояло неравное. Каждая сторона уже выслала лазутчиков, не могу сказать, давно ли, поскольку первым свидетельством, что с нашим гостем что-то не в порядке, было замешательство в его голосе, ему стало не хватать воздуха, губы дрогнули. В следующую минуту эта странная и ужасная перемена отразилась и на его лице — оно сделалось обвислым, большим, мне невольно вспомнились загадочные слова Джейми о «грома-а-адном лице». Лазутчики двух царств, человеческого и стихийного, сопились, как я поняла, именно в этот момент. В первый раз за всю свою долгую жизнь мистер Фрин противостоял противнику более сильному, и та небольшая часть его живущего за чужой счет существа, которая, собственно, и являлась лич-

ностью этого вампирического человека, содрогнулась, охваченная предчувствием беды.

— Да, Джон, — говорил он, лениво растягивая слова и самодовольно внимая собственному голосу, — сэр Джордж отдал мне этот автомобиль... точнее, подарил. Взгляни, разве он не очарова... — и он вдруг запнулся, оборвал фразу, набрал в грудь воздуха и тревожно огляделся.

Все застыли в изумлении. Это было как щелчок, пустивший в ход огромный механизм, — мгновенная пауза перед тем, как он действительно заработает. Дальнейшие свои действия мистер Фрин, напоминавший сейчас больше работающий без контроля автомат, совершал с калейдоскопической быстротой. Мне пришла в голову мысль о невидимом и бесшумном моторе, который приводил его в движение.

— Что это? — пролепетал он упавшим голосом, в котором слышалась нескрываемая тревога. — Что за жуткое место? И там как будто кто-то воет? Кто это?

Мистер Фрин указал на пустошь и, не дожидаясь ответа, побежал к ней через газон, с каждым мгновением убирая шаг. Прежде чем кто-либо успел остановить его, он оказался на краю пустоши. Наклонился, пристально вглядываясь в землю.

Казалось, прошли часы, хотя на самом деле всего несколько секунд, ведь время измеряется не тем, сколько произошло событий, а тем, с какими переживаниями они сопряжены. Среди всеобщего замешательства я фиксировала проходящее с безжалостными, фотографическими подробностями. Противоборствующие стороны проявляли необычайную активность, но лишь одна — человек — сопротивлялась, напрягая все силы. Другая просто играла, не используя и тысячной доли своих исполинских возможностей, большего и не требовалось. Победа была легкой и тихой, можно даже сказать, жуткой — ни шума, ни титанических усилий...

Я наблюдала за ходом битвы, стоя неподалеку, кажется, мне одной пришла в голову мысль последовать за мистером Фрином. Все остались на своих местах, только миссис Фрин, всплеснув руками, задела чашку, а Глэдис, как мне помнится, воскликнула, чуть не плача:

— Мама, это от жары, да?

Мистер Фрин-младший, ее отец, сидел безмолвный, бледный как полотно.

Когда я подошла к краю пустоши, стало ясно, что именно влекло меня туда. На другом ее краю, среди серебристых берез, стоял малыш Джейми. Он наблюдал. Из-за него я пережила один из самых ужасных моментов в своей жизни — мгновенный, беспричинный и от этого еще более сильный страх охватил меня. И все же, знай я заранее то, что должно было случиться, страх мой оказался бы во сто крат сильнее; происходило нечто жуткое, выполненное несказанного ужаса.

Казалось, я наблюдала за столкновением вселенских сил, причем ужасное действие происходило на пространстве не более квадратного фута. Думаю, мистер Фрин догадывался, что, если кто-нибудь займет его место, он будет спасен, и инстинктивно выбрал самую легкую добычу из всех возможных — увидев Джейми, он громко позвал его:

— Джеймс, мальчик мой, подойди сюда!

Голос звучал глухо и безжизненно, подобное ощущение вызывает сухой щелчок при осечке ружья вместо ожидаемого выстрела. Это была мольба. И с удивлением я вдруг услышала свой собственный голос — повелительный и сильный, он принадлежал, несомненно, мне, хотя до меня только сейчас стало доходить, что с моих уст срываются эти слова:

— Не ходи, Джейми. Стой, где стоишь.

Но Джейми, этот мальчишка, не послушался ни одного из нас. Подойдя к самому краю пустоши, он остановился — и засмеялся! Я слышала этот смех, но готова была поклясться, что смеялся не мальчик, а голая, жаждущая жертвы земля...

Мистер Фрин повернулся, воздев руки. Его холодное, жесткое лицо, раздаваясь в стороны, делалось все шире, щеки обвисли. То же самое происходило со всем его телом, вытянувшимся под действием каких-то невидимых вихрей. Лицо его на мгновение напомнило мне игрушки из каучука, которые так любят растягивать дети, — оно стало поистине «гро-

ма-а-адным». Но это было лишь внешнее впечатление, на самом же деле я поняла совершенно ясно: жизненные силы, вся жизнь, которую этот человек годами получал от других людей, сейчас уходили от него, превращаясь в нечто иное...

Вдруг мистер Фрин пошатнулся, быстро и неуклюже шагнул вперед, на эту голую землю, и тяжело рухнул ничком. Глаза упавшего мертвенно поблекли, а то выражение, которое застыло на его лице, можно было охарактеризовать лишь одним словом — крах. Он выглядел совершенно уничтоженным. Мне послышался звук — неужели Джейми? — но на сей раз это был не смех, а что-то похожее на глоток, глубокий и жадный, шедший из глубины земли. Мне снова привиделся табун маленьких черных коней, уносящихся галопом в земную бездну — они погружались все глубже, а топот их копыт становился все слабее и слабее. Моих ноздрей коснулся резкий запах сырой земли...

\* \* \*

Когда я пришла в себя, мистер Фрин-младший приподнимал голову брата, который упал из-за жары на газон рядом с чайным столом. А Джейми, как мне потом удалось узнать, все это время проспал в своей кроватке наверху, измученный плачем и беспричинной тревогой. Глэдис бежала к столу с холодной водой, губкой, полотенцем и бутылкой бренди.

— Мама, это случилось от жары, да?

Ответа миссис Фрин я не расслышала. Судя по ее лицу, она сама была близка к обмороку. Подошел дворецкий, и бесчувственного гостя наконец подняли и отнесли в дом; он оправился еще до прихода доктора.

У меня до сих пор не укладывается в голове: как же так, ведь все остальные видели то же самое, что и я, однако никто так и не обмолвился об этом ни словом. И это, возможно, самое ужасное во всей этой истории.

С того дня я едва ли слышала упоминание о мистере Фрине-старшем. Казалось, он вдруг куда-то исчез. Газеты перестали писать о нем, его бурная общественная деятельность, очевидно, прекратилась. Так или иначе, в последующие годы этот человек не достиг ничего, достойного публичного упоминания. Хотя, возможно, покинув дом миссис Фрин, я лишилась возможности слышать о нем.

Судьба же пустого клочка земли в последующие годы оказалась совершенно иной. Насколько мне известно, садовники не делали ничего для того, чтобы провести туда воду или насыпать другой земли, но еще до моего ухода, случившегося на следующее лето, это место превратилось в густые буйные заросли сорных трав и ползучих растений — мощных, полных сил и жизненных соков.

*Е. и Х. Херон*

*История Балбру*



Прискорбно, что столь многие воспоминания мистера Флаксмана Лоу связаны с наиболее мрачными эпизодами его деятельности. Впрочем, это практически неизбежно, так как по преимуществу сугубо научные и менее яркие случаи, вероятно, показались бы широкой публике малоинтересными, какими бы ценными и поучительными они ни представлялись знатоку предмета. Мы также рассудили, что предпочтительней будет ознакомить публику с завершенными расследованиями, увенчавшимися некими положительными доказательствами, нежели с теми многочисленными случаями, когда нить внезапно обрывалась, оставляя лишь догадки, которые невозможно было подвергнуть убедительной проверке.

К северу от полосы низин выдается в море тупоносый мыс Бэл-Несс. На мысе, в окружении сосен, стоит квадратный и удобный каменный особняк, известный в округе как Бэлбру. Без малого триста лет встречает он лицом к лицу восточный ветер, и все это время в нем проживает семейство Сваффамов; их горячую любовь к отчему крову никоим образом не преуменьшает тот факт, что в особняке испокон веку обитает привидение. По правде говоря, Сваффамы даже гордятся Призраком Бэлбру, давно завоевавшим двусмысленную славу, и никто из них, конечно, и не подумал бы жаловаться на его недостойное поведение, пока профессор Юнгворт из Нюренберга не собрал доказательства его вины и

спешно не призвал на помощь мистера Флаксмана Лоу.

Профессор, хорошо знакомый с мистером Лоу, в подробностях изложил, при каких обстоятельствах он поселился в Бэлбру, а затем перешел к неприятным событиям последних недель.

Выяснилось, что мистер Сваффам-старший, проводивший большую часть времени за границей, предложил профессору снять дом на летний сезон. Юнгворты приехали и были совершенно очарованы. Однообразные виды с лихвой искупаались широкой панорамой побережья и пьянящим воздухом. Вдобавок, дочь профессора часто навещала ее жених, Гарольд Сваффам, сам же профессор с восторгом занялся ревизией фамильной библиотеки Сваффамов.

Юнгвортов своевременно предупредили о призраке, который придавал старому дому особый шарм, но никогда и ничем не тревожил покой его обитателей. Некоторое время Юнгворты считали, что описание это вполне соответствует истине, но начало октября принесло резкую перемену. До тех пор призрак, как свидетельствовали семейные анналы Сваффамов, оставался лишь тенью, шорохом, кратким вздохом, не принимая определенную форму и не доставляя никаких хлопот. Но в первые дни октября в доме начали происходить странные вещи, и ужас достиг апогея, когда три недели спустя в коридоре была обнаружена мертвая горничная. Именно тогда профессор решил, что пришло время обратиться за помощью к Флаксману Лоу.

Мистер Лоу прибыл холодным вечером; дом уже начал таять в фиолетовых сумерках, ветерок доносил с суши смолистый запах сосен. Юнгворт встретил его в просторном холле, освещенном горевшим в камине огнем. Профессор был плотным немцем с густой шапкой седых волос, круглыми глазами, казавшимися еще больше за стеклами очков, и добрым, мечтательным лицом. Всю свою жизнь он посвятил филологии и знал только два развлечения: игру в шахматы и курение большой пенковой трубки с чашечкой, вырезанной в виде головы Бисмарка.

— Итак, профессор, — сказал мистер Лоу, когда они устроились в курительной, — с чего все началось?

— Я расскажу вам, — ответил Юнгворт, выпятил подбородок, постучал по своей широкой груди и продолжал, словно оскорбленный неслыханной вольностью:

— Начнем с того, что он предстал передо мной!

Мистер Флаксман Лоу улыбнулся и заверил собеседника, что начало просто прекрасное.

— Отнюдь не прекрасное! — воскликнул профессор. — Я сидел здесь один; было, если не ошибаюсь, около полуночи. Вдруг я услышал, как по дубовому полу холла кто-то крадется и стучит, точно маленькая собачка когтями: тук-тук. Я свистнул, подумав, что это Рэгс, собачка моей дочери, а затем открыл дверь и увидел... — он помедлил и пристально уставился на Лоу сквозь очки, — нечто, сразу исчезнувшее в переходе между двумя крыльями дома. Это была фигура, напоминавшая человеческую, но тонкая и прямая. Кажется, я заметил копну черных волос и что-то раззывающееся и летящее следом, наподобие платка. Меня охватило отвращение. Я снова услышал шаги и царапанье когтей, а затем это нечто остановилось, как мне показалось, у входа в музей. Пойдемте, я покажу вам.

Профессор провел мистера Лоу в холл. Сверху нависал пролет темной и массивной главной лестницы, а прямо под ним начинался упомянутый профессором коридор. Он был более двадцати футов в длину; примерно посередине находилась глубокая ниша с дверью, к которой вели две ступеньки. Юнгворт объяснил, что эта дверь служила входом в большую комнату, называемую музеем, где мистер Сваффам-старший, своего рода просвещенный дилетант, держал различные диковинки, собранные во время путешествий по свету. Далее профессор поведал, что тотчас же последовал за фигурой, которая, по всей видимости, скрылась в музее, но не нашел там ничего, помимо шкафов с сокровищами Сваффама.

— Я никому об этом не рассказывал, заключив, что видел призрак. Но два дня спустя одна из служанок заявила, что в темноте, когда она шла по коридору, на нее из ниши кинулся какой-то мужчина. Ей удалось вырваться, и она с криками убежала в комнату для прислуги. Мы незамедли-

тельно обыскали дом, но не нашли ничего, что могло бы подтвердить ее рассказ.

Я не обратил внимания на этот случай, хотя он совпадал в деталях с виденным мною. Неделю спустя моя дочь Лена как-то поздно вечером спустилась за книгой. Когда она собиралась пересечь холл, на нее сзади что-то набросилось. В серьезном расследовании от женщин мало толку — она упала в обморок! С тех пор она хворает; врач говорит, что бедняжка «истощена», — развел руками профессор. — Завтра она намерена уехать, чтобы сменить обстановку. Вслед за этим и другие обитатели дома подверглись подобным нападениям; результат был всегда одинаков — они теряли сознание, а после чувствовали лишь слабость и мало что помнили.

Однако в минувшую среду произошла трагедия. К тому времени слуги отказывались проходить по коридору иначе как группами по три-четыре человека, а большинство предпочитало добираться в эту часть дома через террасу. Но одна горничная, по имени Элиза Фриман, сказала, что не боится Призрака Бэлбrou, и тем вечером вызвалась потушить свет в холле. Когда она возвращалась по коридору мимо двери музея, на нее, видимо, кто-то напал. Как бы то ни было, она до смерти испугалась. На рассвете ее нашли мертвой возле ступенек. На рукаве у нее расплывалось небольшое кровавое пятно, но на теле не обнаружилось никаких ран, за исключением маленькой выпуклой пустулы под ухом. Врач сказал, что горничная отличалась крайней анемичностью и, вероятно, умерла от испуга, поскольку у нее было слабое сердце. Это удивило меня, так как она всегда казалась исключительно сильной и энергичной молодой женщиной.

— Смогу ли я завтра до отъезда мисс Юнгворт увидеться с нею? — спросил Лоу, когда профессор дал понять, что добавить ему нечего.

Профессору не слишком хотелось подвергать дочь распросам, но в конце концов он согласился, и наутро Лоу успел до отъезда Лены перекинуться с нею несколькими словами. Она оказалась очень хорошенькой, но апатичной и поразительно бледной девушкой с испуганным взглядом свет-

ло-карих глаз. Мистер Лоу спросил, может ли она описать нападавшего.

— Нет, — ответила она. — Я его не видела; он ведь напал сзади. Помню только, как перед глазами мелькнули темные костлявые пальцы с блестящими ногтями и забинтованная рука, а затем я упала в обморок.

— Забинтованная рука? Это что-то новое.

— Оставьте, просто полет воображения! — нетерпеливо вставил профессор.

— Я видела бинты на руке, — повторила девушка, устали отворачиваясь, — и почувствовала исходящий от нее запах антисептика.

— Вы поранили шею, — заметил мистер Лоу, разглядев маленькое круглое розовое пятно у нее под ухом.

Лена вспыхнула, побледнела, нервным движением резко подняла руку к шее и тихо сказала:

— Он чуть не убил меня. Еще до того, как он до меня дотронулся, я знала, что он там! Я его почувствовала!

Когда они вышли, профессор извинился за ненадежность ее свидетельства и указал на расхождения между показаниями дочери и своими собственными.

— Она утверждает, что не видела ничего, кроме руки, а я говорю вам, что у него не было рук! Какой абсурд! Вообразите только раненое существо, которое пробирается в дом, чтобы пугать молодых женщин! Не знаю, что и думать! Это человек или Призрак Бэлбrou?

В послеобеденный час, вернувшись с прогулки по берегу, мистер Лоу и профессор увидели мрачного молодого человека с бычьей шеей и резкими чертами лица, угрюмо стоявшего у камина в холле. Профессор представил его мистеру Лоу как Гарольда Свафффама. Последнему можно было дать около тридцати, но он уже завоевал на лондонской бирже репутацию дальновидного и успешного игрока.

— Рад познакомиться, мистер Лоу, — начал он, бросив на собеседника проницательный взгляд. — Должен заметить, что для человека вашей профессии вы выглядите не слишком чувствительным и нервным.

Мистер Лоу только поклонился.

— Вы не собираетесь защищать свое ремесло от моих инсинаций? — продолжал Сваффам. — Выходит, вы намерены изгнать из Бэлбrou наше бедное старое привидение? Вы забываете, что это наше наследие, фамильная ценность! И что это тут поговаривают, будто оно взбесилось? — закончил он, бесцеремонно поворачиваясь к Юнгвортu.

Профес sor повторил свой рассказ. Было ясно, что в присутствии будущего зятя он испытывал благоговейный трепет.

— Что-то похожее я услышал от Лены, которую встретил на станции, — сказал Сваффам. — По моему мнению, женщины в этом доме поразила эпидемия истерии. Вы согласны со мной, мистер Лоу?

— Возможно. Хотя истерией трудно объяснить смерть горничной.

— Здесь я ничего не могу сказать, мне необходимо прежде изучить все детали. Приехав, я не сидел сложа руки. Осмотрел музей. Снаружи в него никто не входил, а единственная дверь выходит в коридор. Под половицами, насколько я знаю — толстый слой бетона. В настоящий момент та-ковы все известные нам обстоятельства дела о призраке.

На несколько секунд он глубоко задумался, затем резко обернулся к мистеру Лоу; похоже, он поступал так всякий раз, когда собирался к кому-либо обратиться.

— У меня возник план — что скажете, мистер Лоу? Я предлагаю отвезти профессора в Ферривейл и на день-два поселить его в гостинице; я также удалю оставшихся в доме слуг, скажем, на сорок восемь часов. Тем временем мы с вами попробуем разгадать секрет новых фокусов нашего призрака.

Флаксман Лоу ответил, что этот план в точности совпадает с его предложениями. Профессор начал было возражать, однако Гарольд Сваффам любил делать все по-своему, и не прошло и сорока пяти минут, как они с Юнгвортом отбыли в двухколке.

К вечеру на небо набежали тучи. Бэлбrou, подобно всем зданиям, выстроенным на открытой местности, был крайне восприимчив к переменам погоды. Не прошло и нес-

кольких часов, как дом наполнился скрипом и треском; в закрытые ставнями окна ломился воющий штормовой ветер, ветви деревьев, стеная, бились о стены.

На обратном пути Гарольд Сваффам был застигнут бурей и промок до костей. Вследствие этого было решено, что он переоденется и отдохнет часа два на диване в курительной, пока мистер Лоу будет дежурить в холле.

Начало ночи прошло без происшествий. Тусклый свет горел в большом, обшитом деревянными панелями холле, но коридор был погружен в темноту. Слышались только дикие стоны и свист ветра, налетавшего с моря, и окна гудели от порывистых ударов дождевых струй. Чуть погодя мистер Лоу зажег приготовленный заранее фонарь и, освещая себе путь, прошел по коридору к двери музея. Дверь подалась под его рукой, и дыхание ветра что-то зашептало ему на пороге. Он проверил ставни, заглянул за высокие шкафы с сокровищами Сваффама, чтобы убедиться, что в комнате, кроме него, нет ни единой живой души.

Внезапно ему почудилось, что позади раздалось какое-то царапанье; он обернулся, но не увидел ничего, что могло бы издать подобный звук. Наконец он поставил фонарь на скамейку, установив его так, что свет из открытой двери падал в коридор, и вернулся в холл, где потушил лампу и снова занял свой пост у закрытой двери курительной.

Медленно тянулись минуты; ветер продолжал завывать в широкой каминной трубе, старые половицы потрескивали, словно из всех уголков дома доносились крадущиеся шаги. Но Флаксман Лоу не обращал внимания на голоса дома; он ждал определенного звука.

Через некоторое время он услышал этот звук — осторожный скрежет дерева о дерево. Он наклонился вперед, наблюдая за дверью в коридоре. По выложеному плитками полу музея странно процокало, как собачьи когти, что-то непонятное; затем существо, кем бы оно ни было, остановилось за открытой дверью и стало прислушиваться. Ветер на миг утих, и Лоу, в свою очередь, прислушался, но не услышал ни звука — лишь в широкой полосе света, падавшего из-за двери, выросла призрачная тень.

Порывы ветра с новой силой обрушили на дом тяжелые удары, и даже пламя в фонаре замерцало; когда свет снова сделался ровным, Флаксман Лоу увидел, что бесшумная фигура миновала дверь и стояла теперь на ступеньках снаружи. Он едва различал смутную тень в темном углу ниши.

Затем бесформенная тень издала звук, который мистер Лоу никак не ожидал услышать. Существо принюхалось, сделав глубокий, ясно различимый вдох, как медведь или другое крупное животное. В то же мгновение гулявший по холлу сквозняк донес до мистера Лоу слабый, незнакомый запах. Он вспомнил слова Лены Юнгворт — так вот оно, существо с забинтованной рукой!

И вновь, в реве бури и стуке ставен, луч света пересекла тьма. Существо выпрыгнуло из ниши, и Флаксман Лоу понял, что оно приближается к нему сквозь обманчивую черноту холла. Секунду он медлил, затем распахнул дверь курильной.

Гарольд Сваффам, еще сонный, приподнялся на диване.

— Что случилось? Призрак явился?

Лоу рассказал ему о том, что видел. Сваффам выслушал его с кривой улыбкой.

— И что вы теперь думаете? — спросил он.

— Я попросил бы вас немного подождать с этим вопросом, — ответил Лоу.

— Иными словами, я должен полагать, что у вас имеется теория, объясняющая все эти нелепости?

— Теория у меня имеется, но она может измениться в зависимости от того, что нам предстоит узнать, — сказал Лоу. — Однако сейчас мне хотелось бы выяснить, правильно ли я заключил, исходя из названия дома, что он построен на могильном холме или кладбище?

— Вы правы, хотя это никак не связано с последними выходками нашего призрака, — решительно заявил Сваффам.

— Как я понимаю, мистер Сваффам недавно прислал домой один из тех многочисленных ящиков, которые лежат сейчас в музее? — продолжал мистер Лоу.

— Да, действительно, он прислал один ящик в прошлом

сентябре.

— И вы его открыли, — добавил Лоу.

— Верно, хотя и тешился надеждой, что не оставил никаких следов своей работы.

— Я не осматривал ящики, — сказал Лоу. — Я пришел к такому выводу на основании других фактов.

— И еще кое-что, — произнес Сваффам, продолжая улыбаться. — Как вы считаете, грозит ли какая-нибудь опасность... разумным мужчинам вроде нас? Истеричных женщин нельзя вовсюе принимать в расчет.

— Безусловно. Любому, кто вздумает в одиночку разгуливать по этому крылу дома после наступления темноты, угрожает смертельная опасность.

Гарольд Сваффам откинулся на спинку дивана и скрестил ноги.

— Возвращаясь к началу нашей беседы, мистер Лоу, позовите напомнить вам о различных противоречивых деталях, которые вам придется согласовать, прежде чем представить миру стройную теорию.

— Мне это хорошо известно.

— Начнем с того, что наш первоначальный призрак являл лишь некое туманное присутствие, о котором можно было только догадываться по смутным шорохам и теням. Но сейчас появилось нечто осозаемое и способное, как мы видим, напугать человека до смерти. Далее, Юнгворт заявляет, что существо было тонким, высоким и несомненно лишенным рук, в то время как мисс Юнгворт не только видела руку и пальцы, но и разглядела их так отчетливо, что поведала нам о блестящих ногтях и бинтах. Она также испытала силу этой руки. С другой стороны, Юнгворт описывал, как существо стучало когтями, подобно собаке, — а вы подтверждаете это описание и добавляете, что оно принюхивалось, как дикий зверь. Но что это за создание? Его можно увидеть, можно почувствовать его запах и прикосновение, и при этом оно благополучно прячется в комнате, где не скрылась бы даже кошка! И вы по-прежнему утверждаете, что сумеете все объяснить?

— Разумеется, — убежденно ответил Флаксман Лоу.

— У меня нет ни малейшего намерения или желания показаться грубым, но простой здравый смысл заставляет меня честно и прямо высказать свое мнение. Я считаю, что загадочное существо — порождение воспаленного воображения, и собираюсь это доказать. По вашему мнению, сегодня ночью нам все еще угрожает опасность?

— Да, и опасность очень серьезная, — ответил Лоу.

— Что ж, как сказано, я намерен доказать свою правоту. Позвольте мне запереть вас в одной из дальних комнат, откуда вы не сможете прийти мне на помощь. Я проведу остаток ночи, расхаживая в темноте по коридору и холлу. Так или иначе, мы получим доказательство.

— Можете так и поступить, если настаиваете, но по крайней мере прошу разрешить мне наблюдать за вашим опытом. Я выйду наружу и буду следить за вами через окно в коридоре, которое я видел напротив двери музея. Было бы несправедливо отказать мне в праве выступить свидетелем.

— Спорить не стану, — ответил Сваффам. — Однако ночка выдалась такая, что хороший хозяин собаку из дома не выгонит, а я предупреждаю, что запру за вами дверь.

— Не имеет значения. Одолжите мне макинтош и пусть в музее, на том же месте, где я его оставил, горит фонарь.

Сваффам согласился. О дальнейших событиях красочно повествует мистер Лоу. Он вышел, дверь за ним сразу же была заперта; ощущая бредя в темноте, он обогнул дом и наконец оказался у окна коридора, находившегося почти напротив двери музея. Дверь была по-прежнему открыта, тонкая полоса света прорезала сумрак. Чуть дальше зиял черный и пустой провал холла. Лоу, стараясь укрыться от дождя, ожидал появления Сваффама. Затаился ли в темном углу напротив ужасающий желтый хищник на тощих ногах, готовый со смертоносной яростью наброситься на любого, кто осмелится пройти мимо?

Затем Лоу услышал, как в глубине дома захлопнулась дверь, и через мгновение появился Сваффам; в руке он держал свечу, островок слабых лучей на фоне непроницаемой черноты. Он шел по коридору размежеванными шагами, на его смуглом лице была написана мрачная решимость. Ког-

да он приблизился, мистер Лоу ощущал холодок, что так часто предвещает странные повороты судьбы. Сваффам ми-новал окно и углубился в коридор. Дверь музея еле замет-но дрогнула, и в коридор за его спиной выпрыгнула тощая фигура со сморщенной головой. Хриплый крик, шум паде-ния и полная темнота слились воедино.

Мистер Лоу мгновенно разбил стекло, открыл окно и бросился с подоконника в коридор. Там он зажег спичку и в дрожащем свете ее огоночка увидел картину, приступив-шую на мгновение из тьмы.

На полу с распростертыми руками лицом вниз лежало тяжелое тело Сваффама; на глазах у Лоу от упавшего чело-века отделилась согбенная тень, подняв над плечом несча-стного жуткую узкую голову.

Огонек спички слабо задрожал и погас, и Лоу услышал быстрый стук когтей по полу. Он нащупал свечу, которую обронил Сваффам, зажег ее, наклонился над упавшим и пе-ревернул его на спину. Вся кровь отхлынула от лица Сваф-фама; белое как воск лицо казалось еще белее по контрасту с черными волосами и бровями, а на шее, под ухом, взду-лась маленькая пустула, откуда стекала к скуле тонкая кро-вавая струйка.

В это мгновение, движимый каким-то бессознательным чувством, Лоу поднял глаза. Из-за двери музея наполовину высовывалась костлявая шея и лицо — надменное, зловещее лицо с тусклым взглядом, запавшими глазницами и оска-ленными потемневшими зубами. Рука Лоу нырнула в кар-ман, и по коридору и холлу эхом раскатился выстрел. В раз-битом окне вздохнул ветер, на навощенном полу затрепе-тал узкой лентой обрывок бинта, и видение исчезло, а Флакс-ман Лоу с трудом потащил Сваффама в курительную.

Прошло некоторое время, прежде чем тот пришел в соз-нание. Лоу рассказал, как нашел его в коридоре; Сваффам слушал с гневным красным блеском в темных глазах.

— Призрак провел меня, — произнес он со странным глу-ховатым смешком, — но теперь, думаю, пришла моя оче-редь! Нужно отправиться в музей и тщательно его осмот-реть, однако сперва позвольте мне узнать ваше мнение о

происшедшем. Вы оказались правы, говоря, что нам угрожает серьезная опасность. Сам я могу лишь добавить, что почувствовал, как на меня что-то набросилось, и больше я ничего не помню. Боюсь, если бы этого не случилось, я не стал бы вторично спрашивать, что вы думаете о случившемся, — прибавил он с мрачной откровенностью.

— Главных улик две, — ответил Лоу. — Обрывок желтоватого бинта, который я только что подобрал с пола в коридоре, и отметина у вас на шее.

— Что вы сказали? — Сваффам быстро вскочил на ноги и принялся изучать свою шею в зеркальце, висевшем сбоку от каминной полки.

— Стоит лишь связать их, и вы наверняка сами сумеете во всем разобраться, — сказал Лоу.

Сваффам задумался.

— Будьте любезны, изложите свою теорию полностью, — буркнул он вскоре.

— Хорошо, — добродушно ответил Лоу, так как в сложившихся обстоятельствах раздражительность Сваффама показалась ему вполне естественной. — Длинная и узкая фигура, которая показалась профессору лишенной рук, при следующем появлении обретает новые свойства. Мисс Юнгворт видит забинтованную руку и темные пальцы с блестящими — что, конечно же, означает позолоченными — ногтями. Постукивание при ходьбе соответствует этим деталям, поскольку нам известно, что сандалии, сделанные из полосок кожи, часто встречаются вместе с позолоченными ногтями и бинтами. Старая высохшая кожа, вполне понятно, будет издавать стук при соприкосновении с навощенными полами.

— Браво, мистер Лоу! Вы хотите сказать, что призрак нашего дома — мумия?!

— Так я считаю, и все, что я видел, лишь укрепляет меня в этом мнении.

— Воздам вам должное, ведь эта теория сложилась у вас еще до сегодняшнего вечера — собственно, еще до того, как вы сами что-либо увидели. Вы заключили, что отец прислал домой мумию, а затем пришли к выводу, что я открыл ящик.

— Да. Полагаю, вы удалили все или почти все внешние покровы, оставив конечности свободными; на них были одни только бинты, обернутые вокруг каждой конечности. Мне думается, что эту мумию бальзамировали по фиванскому методу, используя ароматические специи, которые придали коже оливковый цвет и сделали ее сухой и гибкой, как дубленая шкура; черты лица остаются при этом узнаваемыми, а волосы, зубы и брови сохраняются в совершенстве.

— Звучит убедительно, — сказал Сваффам. — Однако, чем объяснить периодическое пробуждение мумии к жизни? Отметины на шее у жертв ее нападений? И как связан со всем этим наш старинный Призрак Бэлбrou?

Сваффам старался говорить оживленным тоном, но его волнение и упадок духа были очевидны, несмотря на все попытки их скрыть.

— Начнем с самого начала, — сказал Флаксман Лоу. — Всякий, кто объективно и рационально изучает спиритические феномены, рано или поздно сталкивается с некоторыми загадочными явлениями, которые не в силах объяснить ни одна из распространенных теорий. По причинам, в которые сейчас нет необходимости вдаваться, мне кажется, что настоящий случай принадлежит к этой категории. Я вынужден заключить, что призрак, который на протяжении стольких лет извещал о своем существовании лишь мерклыми, туманными проявлениями, является вампиrom.

Сваффам недоверчиво дернул головой.

— Мы нынче не в Средние века живем, мистер Лоу! Кроме того, откуда здесь взяться вампиру? — насмешливо заметил он.

— Некоторые известные исследователи данных предметов считают, что сочетание определенных условий может привести к самозарождению вампира. Вы говорите, что дом этот построен на древнем могильном холме, то есть в таком месте, где вполне естественно ожидать появления первичного психического эмбриона. В мертвых человеческих организмах содержатся все семена добра и зла. Сила, которая заставляет данные семена или эмбрионы прорастать — не что иное, как мысль, и если веками предаваться мысли, ле-

леять ее, она может в конце концов обрести таинственную жизненную силу, которая будет увеличиваться, вовлекая в себя подходящие и необходимые элементы из своего окружения. Этот эмбрион долгое время оставался беспомощным разумом, который ждал возможности принять материальную форму и посредством ее осуществить свои желания. Невидимое и есть реальность; материальное лишь способствует его проявлению. Нечувствительная реальность уже существовала, когда вы обеспечили ее единственным физическим носителем, распеленав мумию. Мы можем судить о природе эмбриона только по его проявлениям в материальном мире. В них мы видим все признаки вампирического разума, который пробудил к жизни и наполнил энергией мертвое человеческое тело. Отсюда отметины на шеях жертв, а также их вялость и малокровие: вампиры, как вы знаете, питаются кровью.

Сваффам поднялся и взял фонарь.

— Отправимся за доказательствами, — отрывисто бросил он. — Хотя... минутку, мистер Лоу. Вы говорите, что выстрелили в это привидение? — И он взял револьвер, который Лоу положил на стол.

— Да, я целился в ногу, мелькнувшую на ступеньках.

Не произнося больше ни слова, с револьвером наготове, Сваффам направился к музею. Лоу двинулся за ним.

Вокруг дома завывал ветер, и предрассветная тьма окутывала мир, когда перед ними открылось самое невероятное зрелище, когда-либо заставлявшее содрогаться людские сердца.

Наполовину свесившись наружу из продолговатого деревянного ящика в углу большой комнаты, лежала тощая фигура в прогнивших желтых бинтах; чахлую шею венчали растрепанные волосы. Передняя полоса кожи на сандалии и часть правой ступни были отстрелены.

Сваффам с дергающимся лицом посмотрел на мумию и затем, схватившись за разорванные бинты, швырнул ее в ящик, где мумия застыла как живая, разинув широкий рот с влажными губами.

На мгновение Сваффам замер над ней; затем он выругался, поднял револьвер и принял снова и снова мстительно стрелять в ухмыляющееся лицо. Под конец он втиснул существа в ящик и, схватив оружие за ствол, разнес на куски голову мумии с таким взрывом злобы, что вся эта ужасная сцена стала напоминать убийство.

После, повернувшись к Лоу, он сказал:

— Помогите мне закрыть крышку.

— Вы намерены ее похоронить?

— Нет, мы должны избавить от нее землю, — свирепо произнес Сваффам. — Я положу ее в старое каноэ и сожгу.

На рассвете дождь прекратился, и они перенесли на берег ветхое каноэ. Внутрь они положили ящик вместе с его чудовищным обитателем и обложили ящик вязанками хвороста. Парус был поднят, дерево загорелось, и Лоу со Сваффамом молча смотрели, как каноэ подхватил отлив — сперва виднелась мерцающая искорка, после вспыхнуло дрожащее пламя, пока наконец далеко в море не завершилась история этого мертвого существа, чей конец наступил спустя 3000 лет после того, как жрецы Амона положили мумию на вечный покой в предназначенной ей пирамиде.

Дж. Родинсон

*Мегуга*

Мир узнал о скоропостижной кончине Джеймса Уэстерби из утренних газет за семнадцатое июня. Умер он в своем кабинете на Уайтхолле и, если расшевелить память людей, они еще, вероятно, вспомнят, что причиной смерти называли болезнь сердца, обостренную переутомлением на работе. Что касается прискорбности самого события, то ее признавали газеты любого политического толка.

Джеймс Уэстерби достиг бы высот, даже если бы не стал заместителем министра и одним из приятнейших ораторов Палаты общин. Родом он был из оксфордширских Уэстерби и, боюсь, на нем эта славная и древняя линия пресеклась. Среди предков значился «Сорвиголова» Уэстерби, известный революционер, и заместитель министра немало гордился своим сходством с этим героем давних времен, вызывавшим у Кромвеля лютую ненависть. Отец Джеймса Уэстерби завоевал прочное положение в литературном мире, и его сын обещал стать достойным своей родословной. Несмотря на молодость (Джеймс Уэстерби умер в тридцать девять), он уже прекрасно зарекомендовал себя на общественной ниве, и многие сочли его безвременную потерю национальным бедствием.

Для меня смерть Джеймса была личной трагедией. Я работал у него секретарем с тех пор, как он получил назначение на должность около полутора лет назад, но познакомился с ним еще выпускником университета, и нас двенадцать лет связывала близкая дружба, хотя он был несколькими годами старше.

Утром шестнадцатого июня я, как обычно, сидел за своим рабочим столом, расположенным между приемной и личным кабинетом Джеймса. Последней к нему заходила некая леди в черном платье и под густой вуалью, плохо запечатлевшаяся у меня в памяти. Заместитель министра уже отказал в приеме примерно десятку просителей, но, когда я передал ему визитку этой дамы, велел пустить посетительницу. Они провели вместе с полчаса. Покинула она кабинет, наверное, около одиннадцати, а чуть позднее половины двенадцатого туда вошел я и обнаружил Джеймса в кресле мертвым.

Как уже упоминалось, часть этих фактов — с более или менее вымыщленными подробностями — была представлена почтенной публике утренними газетами за семнадцатое июня. Однако леди под вуалью нигде не упоминалась по той простой причине, что ни один репортер о ней не знал.

Примерно без четверти двенадцать я и несколько руководителей департамента сидели у меня в кабинете, ожидая прихода врача. Дверь в кабинет заместителя министра была закрыта. Видимо, швейцар из приемной покинул свой пост, воспользовавшись всеобщим смятением, ибо, проследив за взглядом собеседников, я увидел, что в дверях стоит уже знакомая дама под вуалью.

— Могу я еще раз повидать мистера Уэстэрби? — осведомилась она.

— Сожалею, мадам, но он умер.

Она не ответила, а только обеими руками подняла вуаль, словно желая меня лучше видеть, чтобы понять, говорю ли я правду. Много я повидал красавиц, но равной ей не встречал никогда, и, вероятно, больше никогда не увижу. Подобные очи принадлежат миру грез. Возможно, в них смотрел сам Эндимион, но я даже не надеялся однажды увидеть такие на женском лице. Смутно помню, как она недоверчиво прошептала грудным, но очень мелодичным голосом всего одно слово: «Умер?».

— Да, мадам, скоропостижно скончался меньше часа назад.

Мы стояли недалеко от остальных. Не желая, чтобы нас слышали, она отошла к моему столу в дальнем углу комнаты, а я последовал за ней.

— Вы не помните, после меня к нему кто-нибудь приходил? — спросила она.

— Нет, мадам, после вашего ухода у меня не было повода заглядывать в кабинет мистера Уэстэрби. А когда я вошел, он был уже мертв.

Она замолкла, потом...

— Прошу прощения, — нерешительно начала она, — надеюсь, меня не обязательно связывать с его смертью. Вы же понимаете, насколько мне будет неприятно, — на ее губах

мелькнула слабая улыбка, — увидеть свое имя во всех газетах. Конечно, если начнется расследование, ради пользы дела я готова дать показания, но вряд ли сообщу что-то важное. Во время нашей встречи заместитель министра был здоров — вот и все.

Повисла еще одна пауза. Я тоже молчал.

— Если бы вы смогли оградить мое имя от упоминаний, я была бы вам очень признательна. — С этими словами она вручила мне визитку, извлеченную из маленькой черной сумочки, и добавила: — Надеюсь, вы позовите и доставите мне удовольствие вас отблагодарить.

Я взял карточку и заверил, что сделаю все возможное. Дама снова опустила вуаль и вышла из комнаты. Визитка вызвала у меня теперь куда больший интерес, чем первая, которую я не глядя занес своему начальнику. На ней значилось:

МИССИС УОЛТЕР Ф. ТИЕРС,  
Гресмер-Кресцент, 19, W.

Едва миссис Тиерс ушла, как явился врач, а спустя минуту и полицейский инспектор.

— Сердечный приступ, — объявил врач.

Инспектор задал мне несколько вопросов и решил, что в расследовании нет необходимости.

Думаю, сказав ему, что за час до смерти у заместителя министра не было посетителей, я действовал в достаточной степени безотчетно. Но и после, когда до меня дошло, что я сделал, совесть меня почти не мучила. Ведь я просто оказал любезность женщине. На моем месте, будь возможность, так поступил бы любой мужчина. Зачем миссис Тиерс страдать только потому, что Джеймс умер примерно в то время, когда она к нему приходила?

Вот почему на следующее утро мир ничего не услышал о леди под вуалью.

В течение месяца я вернулся в свои старые апартаменты в Линкольнс-Инн и попытался свести воедино разрозненные обрывки моих исследований в области права. Воз-

можно, работа шла бы гораздо быстрее, уделяй я ей все внимание, но львиную долю моих мыслей занимало совершенное другое — миссис Уолтер Тиерс.

Миссис Тиерс была вдовой. Сразу после похорон друга, я ее навестил, и она приняла меня с восхитительным радушием.

Я стал часто к ней захаживать, но никогда не встречал в доме других гостей. Очаровательнейшая женщина, а живет в полной изоляции! У меня не укладывалось в голове, как такое возможно в фешенебельном лондонском квартале. Впрочем, подобное положение меня вполне устраивало.

Годам к тридцати пяти я остыпелился, более или менее смирившись с мыслью, что никогда не женюсь. Умозрительно я всегда придерживался мнения, что долг каждого здорового мужчины перед собой и обществом — жениться до тридцати лет и принять на себя ответственность за семью. Жизнь холостяка — ущербное, в лучшем случае половинчатое существование. «Холостяк — неполноценный человек. Он схож с половинкой ножниц, которая еще не нашла пару, а потому и половину не так полезна, как обе вместе», — говорил Бенджамен Франклин. Мужчина получает возможность достигнуть зенита, только став главой семьи и неся на своих плечах бремя ответственности за других. В это я верю, о чем всегда во всеуслышание заявлял. Однако сам до сих пор не обзавелся семьей. Вот бы проснуться однажды утром и обнаружить себя женатым! И чтобы собственный дом, очаровательная и хозяйственная супруга, может, даже несколько детишек. Но все, что неизбежно предшествует этому состоянию, ужасно. Трудности выбора всегда отвращали меня от брака, тем более пред лицом явно неизлечимой неспособности серьезно в кого-то влюбиться.

Однако теперь я часто с удовольствием рисовал себе картину уютного дома, где прекрасные черные очи улыбались мне за столом по утрам и ловили мой взгляд вечерами, когда я отрывался от чтения в нашей библиотеке.

По сути, это была любовь... иногда. Однако порой, анализируя собственные ощущения, я чувствовал странное недовольство собой, странную раздвоенность. Особенно часто

это случалось после визитов к миссис Тиерс, они накладывали определенный отпечаток. Покинув ее дом, я неизменно задавался вопросом: действительно ли я люблю ее так, как мужчина должен любить женщину, которой собирается предложить руку и сердце? Миссис Тиерс заполняла все мои мысли днем и большую часть сновидений ночью. Эти очи... они меня преследовали. В ее присутствии я чувствовал себя беспомощным — пьяным — слепым фанатиком, поклоняющимся своему божеству. Все мое существо переполняла нежность. Я томился от желания подойти к ней ближе, коснуться, приласкать. Плотское влечение было сильнее меня.

Однако уже через четверть часа после прощания, меня снова посещали сомнения: действительно ли это та любовь, которую муж должен чувствовать к жене? Полная потеря индивидуальности, подчинение другому... неужели ничего не изменится за дни, недели и месяцы постоянного партнерства? За годы супружеской жизни, со всеми ее испытаниями и невзгодами? А если изменится, мое «я» даст о себе знать и увидит в ней недостатки, что тогда?

Впрочем, меня привлекала в миссис Тиерс не только красота. Напротив, мало кто из женщин столь сильно впечатлял меня своим интеллектом.

Но больше всего меня очаровывали ее поразительное самообладание и сдержанность. Миссис Тиерс хорошо себя понимала и обо всем имела собственное мнение, при этом умудряясь не казаться мужеподобной или слишком деловитой. Казалось, она была попросту неспособна утратить эмоциональное равновесие.

Вообще-то, миссис Тиерс была очаровательна. И тем не менее, хоть я не находил в ней недостатков, с какой бы стороны ни смотрел, на меня постоянно накатывали сомнения, как только мы расставались. Сомнения столь же мимолетные, сколь и постоянные. Через час, когда я сидел в полном одиночестве у себя в комнате, ее очи преследовали меня снова.

Я никогда не заговаривал с ней о своей любви, но она наверняка читала ее в моих глазах сотни раз, и, похоже, не возражала против пылких взглядов.

Прошло уже пять месяцев с тех пор, как я вернулся в Линкольнс-Инн, и как-то мрачным декабрьским днем я сидел у себя в кабинете. Если бы я читал, зажег бы газ, но для того, чтобы мечтать о ней, света хватало, и для того, чтобы видеть в тени от книжного шкафа ее глаза — тоже. Мой единственный помощник отлучился на час, и я грезил без помех, пока шорохи за дверью не вернули меня к действительности. При более ярком свете клиент решил бы, что застиг меня за работой, и, желая выглядеть деловито, я потянулся к спичечному коробку, но не успел. Дверь распахнулась сразу после стука, и через несколько секунд в комнату ввалился человек на костылях: мужчина, и калека, больше я ничего не разглядел.

С видимыми усилиями он преодолел половину комнаты. Затем, стоя на одной ноге, прислонил костьль к стене и тяжко плюхнулся в кресло за несколько шагов от меня, а я безмолвно смотрел, желая оказать ему помощь, но не зная, как ее предложить.

После короткого молчания он заговорил: просто произнес мое имя. Не вопросительно, а словно давая понять, что меня знает и пришел по делу именно ко мне. Я кивнул в ответ и с сухой деловитой учтивостью спросил, чем могу быть полезен.

Мужчина молча сел напротив меня и окна, откуда лился в комнату скучный свет, и я впервые смог рассмотреть его лицо. Отнюдь не старик, вероятно, даже моложе меня, черты приятные, когда-то был привлекательным и, вероятно, до сих пор бы считался красивым, если бы не глубокие морщины горя и боли. Тело тоже, когда он сидел, выглядело крепким и здоровым, разве что легкая одеревенелость позы намекала на недуг. Наконец он заговорил — торопливо, резким и каким-то лихорадочным голосом.

— Благодарю, ничем. Вы никак не можете мне помочь. Это я пришел, чтобы кое-что сделать для вас.

Я признательно кивнул.

— Я пришел вас предостеречь, — все так же торопливо продолжал он, беспокойно ерзая в кресле, словно должен был сказать нечто неприятное и желал поскорее с этим по-

кончить. От странного голоса и манер, а еще от напористости — почти свирепости — взгляда моего гостя, мне стало не по себе. Закрались сомнения в его здравомыслии, и я пожалел о недостатке света в комнате и отсутствии моего помощника.

— Я пришел вас предостеречь. — Он подался ко мне, и я заметил, как нервно дрожат его руки. — Вы влюблены в нее, — торопливо и решительно продолжал он, — в миссис Тиерс. Нет-нет, не отрицайте. Я знаю, знаю, и, небом клянусь, я сделаю все, чтобы вас спасти.

Посетитель тяжело дышал, явно подыскивая слова в сильнейшем душевном волнении.

— Миссис Тиерс не женщина и не человек. — Он еще больше подался в кресле вперед и простер ко мне руки. — Да, я знаю, как она красива, как беспомощны перед ней мужчины. Мы с ней знакомы шесть лет, и это из-за нее я стал таким. Вы сочтете меня сумасшедшим. Скорее всего, уже считаете. Ничего удивительного. Что еще вам остается? Какой-то незнакомец заявился к вам в контору и утверждает, что в наш прозаичный девятнадцатый век еще существуют создания, которые вовсе не люди... и наделены сверхчеловеческими свойствами, и одно из этих созданий — ваша любимая.

Он стал спокойнее, серьезнее, и говорил почти рассудительно, как человек, который пытается лишь убедить, но в душе уже потерял на это надежду.

— Вы сейчас смеетесь надо мной, а может, жалеете, но Господь свидетель, я говорю правду... хотя, как может Он быть всемогущим, если позволяет этой твари жить? Говорю вам сэр, знакомство с нею смерти подобно. Не поверите — вас постигнет участь еще хуже моей... как мужа миссис Тиерс, который умер у ее ног здесь, в Лондоне, как того американца, который умер, сидя с ней за столиком кафе в Ницце... лишь небеса знают, скольких еще она погубила.

Конечно, я не сомневался в безумии незнакомца, но его искренность — сила убежденности, с которой он говорил — странным образом меня тронула. Несомненно, бедняга всему этому верил.

— Прошло шесть лет с тех пор, как мы с ней впервые повстречались. Это произошло в Гавре, во Франции. Я случайно сел за соседний столик у «Фраскати» и сразу влюбился. С ней был тот американец. Я последовал за ней в Канны, в Трувиль, в Монако. Куда бы она ни направлялась, американец следовал за ней. В их отношениях не было ничего неподобающего, но он всюду за ней ходил, как и я, просто, в отличие от меня, был с нею знаком. И я знал, или, по крайней мере, думал, что пока они вместе, у меня нет ни единого шанса ее завоевать. Американец ее явно боготворил, и она, похоже, была к нему неравнодушна, ведь он был красивым малым. Ридинг, так его звали. Я наблюдал за ней издалека в надежде, что однажды пробьет мой час.

Он пробил в кафе «Ройял», и никто, кроме нее самой, не заметил, как это случилось. Внезапно миссис Тиерс выбежала из-за углового столика, где они сидели, и позвала на помощь. Вокруг столпились все официанты и посетители. Американец умер... умер прямо за столиком. Голова была задрана, глаза смотрели в одну точку, будто его внезапно что-то испугало. Причиной смерти сочли сердечный приступ. Сердечный приступ!

Почти стемнело, и он придвинул кресло ко мне. В тусклом свете из окна я хорошо видел его изможденное лицо и лихорадочно горящие глаза.

— Тогда я и свел с ней знакомство, — продолжал он, помолчав. — Я приkleился к ней, как тот американец, и три месяца полагал себя самым большим счастливцем Европы. Венеция, Флоренция, Париж, Лондон — я не отлучался ни на шаг, день за днем. Она меня вроде бы любила. Как же я гордился тем, что она рядом, когда нас видели вместе в Буа и Гайд-парке! Потом она на месяц остановилась в Оксфорде, и я, с ее позволения, каждое утро заезжал за ней в гостиницу «Митра», что неподалеку от университета. Под тенью его серых стен и во время прогулок по ухоженным аллеям и садам лицо моей любимой словно обретало новую, более одухотворенную красоту, сочетаясь с живописностью места. В одном из таких мест, галереях собора Крайст-Черч, когда мы на минуту остановились отдохнуть, я приз-

нался ей в своих чувствах и попросил стать моей женой.

Голос незнакомца звучал очень печально. От былой резкости ничего не осталось, и, когда он вспоминал — или только грезил? — о сладких днях своей влюбленности, в его тоне, скорее, проскальзывало сожаление, чем гнев.

— Она не отказалась, но и не согласилась. А я был счастлив, как идиот, — счастлив целых три дня — до того вечера в аллеях колледжа Магдалины, когда буквально за десять минут из здорового, сильного мужчины превратился в развалину, которую вы перед собой видите.

Сожаление исчезло без следа. Его голос снова звенел от ярости.

— Мы сидели на скамье в так называемой аллее Аддисона. Я настаивал на более определенном ответе. Она словно не слышала, будто я был пустым местом, просто откинулась на спинку скамьи, уронила руки на колени и вперилась своими огромными, погибельными очами в даль за лугом. Охваченный страстью, я сжал ее руки и взмолился об ответе. Наконец она повернулась ко мне. Я встретил ее глаза...

Голос моего посетителя сорвался, он замолк, закрыв лицо ладонями. С минуту, а то и больше, мы тихо сидели в сумерках. Затем он снова поднял голову и медленно, равнодушно продолжал:

— Когда я заглянул ей в глаза, они выглядели потухшими, как будто она меня не видела или смотрела сквозь меня. Но постепенно ее глаза начали меняться. В их глубинах разгоралось пламя. Зрачки расширились, стали черными и сверкающими... никогда не видел, чтобы глаза так блестели. Что это было? Любовь? Я наклонился еще ближе и вглядился в них пристальнее. Теперь ее глаза пылали. Глядя в них, я потерял связь с действительностью. Это было словно обморок. Я смутно осознавал, что теряю способность двигаться, говорить, думать. Эти очи... они меня засасывали. Я как-то понял, что должен стряхнуть наваждение, но ничего не выходило. Я был бессилен, а она... она словно пожирала саму мою жизнь. Иначе не скажешь. Я онемел и, хотя пытался заговорить, не мог даже пошевелиться. Затем

сознание начало меня покидать. Я оказался на краю — один лишь Бог знает чего — но тут мои уши уловили хруст гравия.

Кто это шел, я не знаю. Не помню, сколько так просидел. Помню только, что она поднялась, не говоря ни слова, и покинула меня. Способность ходить вернулась ко мне только к вечеру. Солнце уже спряталось за стенами колледжа, и на аллее было темно. Почти не соображая, я на ватных ногах как-то выбрался за ворота и поднялся по Хай-стрит к гостинице «Кларендон», где снимал номер. На следующее утро я проснулся таким, как сейчас... калекой, паралитиком на всю жизнь.

Весь этот безумный рассказ я слушал, как завороженный. Если рассматривать его как образчик драматического красноречия, он был поистине бесподобен. Когда незнакомец закончил, я подумывал встрять с какой-нибудь банальностью, но в моем тогдашнем состоянии ничего не приходило на ум.

Он первым нарушил тишину:

— Тиерс, несчастный дурак! Я предостерегал его, как сейчас вас. Она вышла за него через два года и за две недели свела его в могилу. Он умер в их особняке на Парк-лейн... умер от сердечного приступа! Сердечного приступа!

Тут я невольно подумал о Джеймсе Уэстэрби.

Мой посетитель собирался что-то добавить, но с лестницы за дверью донеслись шаги, дверь отворилась, и на пороге застыл мой помощник, потрясенный темнотой.

— Входите, Джексон, — пригласил я, давая знать о своем присутствии, — и, пожалуйста, зажгите свет.

Мой посетитель с гримасой боли поднялся и взял костьль.

— Я рассказал все, что имеет прямое отношение к делу, — произнес он равнодушным тоном клиента, обратившегося к своему адвокату, — а вы, безусловно, поступите так, как сочтете нужным.

Джексон, собиравшийся зажечь газ от горящей спички, придержал для незнакомца дверь, и тот, молча, заковылял прочь. Лишь когда он скрылся из виду, я понял, что так и

не узнал его имени.

— Джексон, вы раньше видели здесь этого джентльмена?

— Не припоминаю.

Возможно, мне бы стоило встретиться с незнакомцем еще раз.

Но мои мысли уже снова обратились к ней. Этот человек явно был душевнобольным, так что я счел его историю нелепой. Однако по дороге домой из конторы меня не покидало видение — ее очи, пылавшие огнем, который он в них когда-то зажег. И правда, что за очи! Просто чудо, не оторваться! И вместе с тем до чего же просто представить, как они, расширяясь, затягивают тебя в омут, и ты в конце концов тонешь.

В тот день я не надеялся снова увидеть миссис Тиерс, поскольку часть утра «помогал ей делать покупки» и рассчитывал, что завтра вечером поведу ее в театр. После однокого ужина в ресторане, я поднялся к себе в комнаты, чтобы скоротать вечер, предавшись сну.

Рассказ незнакомца ни в коей мере не повлиял на мои чувства к ней. Вообще-то, я о нем почти не думал, разве что жалел того бедолагу и строил догадки. Кто он? Возможно, он ее любил, и любовь свела его с ума? Стоит ли мне рассказать миссис Тиерс о его визите? Вероятно, это причинит ей боль, оживив неприятные воспоминания, но с другой стороны, хотелось бы узнать об этом калеке больше.

Тем не менее, я не находил себе места. В тот вечер собственная квартира казалась мне еще более одинокой и неуютной. Около девяти часов я не, выдержав, надел шляпу и пальто и вышел на улицу.

Ночь стояла холодная, слякотная, без намека на луну или звезды. В тумане свет уличных фонарей казался размытым и неровным.

Я непроизвольно повернулся на запад и, разумеется, направился к Гресмер-Кресцент, но безо всякого стремления заходить в гости, а с тоской влюбленного, желающего оказаться ближе к предмету своих вздоханий. Я прошел мимо ее дома по противоположной стороне улицы. В номере девят-

надцатом на первом этаже было большое эркерное окно и, когда я приблизился, штора с узкой его стороны приподнялась на несколько дюймов. Я смог мельком заглянуть в ярко освещенную, изысканную гостиную, с которой успел так хорошо познакомиться изнутри. Я надеялся заметить в окне миссис Тиерс, но на маленьком пятаке, видном через щель, не было никого.

Добравшись до конца Гресмер-Кресцент, я по соседним улицам описал круг и снова оказался перед домом миссис Тиерс. Теперь я приближался к нему с севера, и он выглядел темным, если не считать узкой полоски света по краю эркерного окна. Проходя мимо, я оглянулся на ту приподнятую штору и заметил кое-что занятное.

Пусть мимолетно, но на мгновение я увидел двоих: саму миссис Тиерс и знакомую мне служанку. Они стояли, наклонившись лицами друг к другу. Внезапно служанка всплеснула руками и резко, будто в припадке, опрокинулась назад. Миссис Тиерс метнулась к ней, словно желая подхватить. В этот миг ее скрыла из вида деревянная оконная рама.

Все произошло так стремительно, что я осталенел, не веря собственным глазам. Неужели я это действительно видел? Больше похоже на сцену из спектакля или картинку из волшебного фонаря, чем на реальность.

Когда я пришел в себя, моим первым порывом было предложить им свои услуги. Но зачем? Девушка просто поскользнулась на вощеном полу, и, вне сомнений, они уже над этим смеялись. Врываешься с признанием, что я шпионил, было бы с моей стороны неуместным нахальством. Я постоял под окном еще мгновение, успев увидеть, как миссис Тиерс быстро прошла по комнате туда и обратно, и вернулся к себе.

Следующим утром я во время завтрака получил записку.

*«Приношу глубочайшие извинения, — писала миссис Тиерс, — что сорвала ваш вечерний поход в театр, но вчера у меня дома случилось ужасное несчастье. Моя служанка, Мэри — вы ее знаете — внезапно скончалась. Мы разговаривали, и вдруг она всплеснула руками и замерт-*

*во свалилась к моим ногам. Сожалею, что приходится про-  
сить вас о прощении.*

*Искренне ваша,  
Эдит Тиерс».*

Я пожалел, что вчера не позвонил в дверь, подчинившись первому порыву, и не предложил помочь. Конечно же, я отправился к миссис Тиерс сразу после завтрака.

К счастью, помимо нее, со мной собирались в театр только двое: Джон Брэдстрит и его жена. Мы были на достаточно короткой ноге, и я не боялся обидеть их отказом от планов. Итак, я написал миссис Брэдстрит записку, вкратце объяснил положение дел и вложил в конверт билеты, надеясь, что она воспользуется ложей, если захочет. Затем сразу же выехал в Гресмер-Кресцент.

Миссис Тиерс со свойственным ей спокойствием и самообладанием уже распорядилась обо всем необходимом и в моих услугах не нуждалась. И все же в течение следующих двух дней мы с ней часто, пусть и не подолгу, виделись. Правда, наши разговоры в основном сводились к будущей скорбной церемонии. Как выяснилось, у покойной не было родственников, и устройством похорон пришлось заниматься миссис Тиерс. Я сопроводил ее в церковь и на кладбище, а затем покинул у двери дома, удостоившись приглашения заглянуть вечером.

Я уже упоминал об удивительном самообладании и непоколебимой уверенности в себе, которыми была наделена миссис Тиерс. Эти качества добавляли еще больше очарования ее тонкому, серьезному лицу и никогда еще не восхищали меня так сильно, как в те дни, когда тень смерти висела над ее домом.

Вечером в день похорон она вела себя даже спокойнее, чем обычно, погрузившись в мечтательность, какую я уже не раз за ней замечал. В подобном состоянии она едва сознавала — или, скорее, не замечала — мир вокруг, и тот калека, когда описывал сцену на оксфордской аллее, говорил именно о таком.

Вероятно, мы с ней прониклись взаимной нежностью именно под влиянием событий последних дней, выдавшихся богатыми на переживания.

Как легко понять, мы волей-неволей осторожно общались на личные темы с самой минуты моего появления, когда наше приветствие свелось только к рукопожатию, причем обе стороны едва ли произнесли хоть слово. И хоть я не раз отчаянно порывался вести себя сухо и по-деловому, голос, вопреки стараниям, мне изменял, и кто бы из нас двоих ни заводил разговор, он невольно обрывался.

В конце концов, благодаря какому-то слову, оброненному миссис Тиерс, я получил возможность коснуться темы, которую прежде не осмеливался поднимать... ее покойного супруга. Не успел я одуматься, как с языка сорвалось:

— Я знаю, нынешнее соприкосновение со смертью для вас отнюдь не первое. Вы мне почти ничего не рассказывали о мистере Тиерсе.

— Да, — задумчиво произнесла она, — но рассказывать особо нечего. Мы были женаты всего несколько недель.

И тут я выпалил:

— Но что вам мешает снова выйти замуж? Почему бы нет? — Я пересел из кресла на диван рядом с ней. — Почему бы нет?.. Смею ли я надеяться?

Вместо ответа она ушла в себя, ее большие, наполненные слезами глаза обратились далеко в прошлое или в будущее... не знаю.

— Скажите мне, — настаивал я, накрыв ее руку на колене своей. — Скажите, смею ли я надеяться?

Миссис Тиерс не шелохнулась, не произнесла ни слова. И снова я обратился к ней с мольбою, после чего она наконец-то ответила, но совершенно невпопад:

— Вы когда-нибудь слыхали о Суде Любви? В десятом или одиннадцатом веке его возглавляла виконтесса Эрменгарда Нарбонская.

Нет, я ничего не знал ни о Суде Любви, ни о виконтессе Эрменгарде, правда, впоследствии разыскал о них сведения.

— Тот суд постановил, что между лицами, состоящими в браке, истинная любовь невозможна, и с этим пригово-

ром согласился другой, более поздний суд, куда входила добрая половина европейских королев и герцогинь.

— Но вы же в это не верите? Прошло девять веков. Да и что королевы с герцогинями могли знать о любви?

— Я сама не знаю, верить этому или нет, — пробормотала миссис Тиерс, повернув ко мне голову с диванной подушки. Взгляд ее оставался до сих пор был странно мечтательным и отсутствующим.

— Нет, вы все-таки знаете... — Я порывисто наклонился вперед, и наши лица опасно сблизились. — Вы сами в это не верите. Вы знаете, что я всегда вас буду любить... иное попросту невозможно. И если бы вы позволили любить вас как свою супругу...

На ее губах мелькнула слабая, очаровательная улыбка, но ответа я так и не дождался.

— Любовь моя, — прошептал я, — Скажите хоть что-нибудь! Сделаете ли вы меня безмерно счастливым?

Но она по-прежнему не отвечала, только со слабой полуулыбкой откинулась на спинку дивана. Ее большие загадочные глаза заглянули в мои и словно бы сквозь меня. И тут, в молчаливом, тревожном ожидании, мне вспомнился рассказ того калеки. Неудивительно, что он поверил, будто эти очи его каким-то таинственным образом зачаровали... лишили воли и способности двигаться! И все равно я смотрел в них, а они — сквозь меня. Я позабыл о близости ее губ, позабыл, что держу ее за руку. Ее глаза... я думал только о них, видел только них. И вместе с тем думал только о том калеке и неосознанно его жалел.

Но каким-то образом я понял, что выражение ее глаз изменилось. Не знаю, когда я это заметил, но ее взгляд больше не был мечтательным и отсутствующим. Он стал предельно напряженным, полным огня, чуть ли не голодным.

Да, подумал я про себя (и, должно быть, улыбнулся), так незнакомец все и описывал. Вот почему ему показалось, будто в ее глазах вспыхнуло пламя. Они смотрят не в мои глаза, а сквозь них, в мозг, в душу. Мои глаза — лишь два стеклянных шарика на пути ее взгляда. Со странной благодарностью я понял, до чего точно описал ее тот, другой.

А ее глаза все расширялись, пока не стали в несколько раз больше моих, пока не заслонили для меня весь мир.

Случалось ли вам когда-нибудь в полутемной комнате приближать лицо вплотную к зеркалу, вглядываться в собственные глаза и видеть, до чего они ужасны, как все остальное прекращает существовать и вас затягивает в омуты зрачков? Так и я чувствовал, как все мое существо перетекает в ее глаза... становится с ними единым целым... тонет в их глубинах. Мной овладело странное опьянение... экстаз. Я бы громко захотел, если бы неказалось, что ради этого придется каким-то образом призвать душевые и физические силы из недосягаемой дали.

Не знаю, в какой момент мое странное спокойствие смирил осозаемый страх. Я видел, как сужались и расширялись ее зрачки, словно подстраиваясь к мерным ударам взолнованного пульса. Я видел или, скорее, сознавал, что на ее щеках расцвели было и снова увяли розы, что теплое дыхание на моем лице становится частым и прерывистым. Ее губы сомкнулись и открылись, влажные и блестящие, чем-то навевая сравнение с голодным зверем, что видит перед собой еду, но не может ее достичь. Ее ноздри расширились и затрепетали, и все ее существо напряглось от наплыва чувств, в котором проглядывало нечто плотоядное.

«Она будто пожирала саму мою жизнь», — сказал тогда тот калека, и теперь я его понял. Но он уже стирался из памяти. Для меня существовали только она и я; ужас перед ее свирепым голодом и моя собственная беспомощность. Я не мог пошевелиться, и даже воля ускользала. Ее глаза пылали у меня в мозгу, он лежал перед ней открытым, словно на блюде, выставленном под палящее солнце. Я оказался полностью в ее власти, не в силах оказать малейшее сопротивление и, когда ее дыхание стало еще частым и тяжелым, понял, что каким-то образом она вдыхает саму мою жизнь.

Внезапно ее лицо исказилось от страха... в мимолетной гримасе мучительного разочарования. Мгновение казалось, что одним долгим вдохом она вытянет из меня остатки жизненных сил, а затем моих ушей достиг мужской голос:

— Надеюсь, я вовремя.

Она рухнула на диванные подушки. Я изумленно поднял взгляд. Посреди комнаты стоял со шляпой в руке тот самый калека.

— Ради вашего же блага... Позвольте вас увести, — как в тумане донеслось до меня.

Я повернулся к миссис Тиерс и пришел в неописуемый ужас. Она обессилено хватала воздух, все еще голодно ища глазами мои. Руки на коленях, ломая пальцы, нервно сжимали друг друга. Губы шевелились, все тело трепетало от обуревавших ее страстей. Жуткая параллель, но я невольно сравнил ее с кровососущими тварями, какой-нибудь пиявкой в человечьем обличье или вампиrom, оторванным от добычи и молча дрожащим от неутоленной жажды.

В ту минуту я не совсем понимал, что происходит вокруг. Знал только, что опасность позади и передо мной открылся путь к спасению. Калека, хорошо понимая, в какой ужас она меня привела, терпеливо ждал, пока я поднимусь на ноги. Но все было как в тумане. Я казался себе совершенно беспомощным, тело не подчинялось мозгу. Видя мое состояние, он подошел и поддержал меня здоровой рукой. Встал я с большим трудом, потому что совершенно не чувствовал под собой ног и, только благодаря поддержке своего спутника, каким-то образом добрался до двери.

Никто не обронил ни слова, если не считать тех двух фраз, что чуть раньше произнес калека. С порога комнаты я еще раз обернулся на миссис Тиерс, ухватившись для равновесия за косяк. Она не шелохнулась. Обуявшая ее страсть затмила для нее все, лишив способности думать или чувствовать что-либо еще. На лице миссис Тиерс не было ни намека на смущение — ничего, кроме слепой жажды вернуть добычу, которую у нее отобрали. Даже здесь, на другом конце комнаты, ее глаза искали мои с тем же отчаянным голодом. Но теперь она вызывала во мне лишь содрогание. С помощью калеки, все еще поддерживавшего меня, я покинул ее дом.

Остаток вечера плохо сохранился в памяти. Знаю, что меня довели до дома. Калека и кто-то третий уложили меня в

постель. Не знаю, кем был этот человек и где он к нам присоединился. Ту ночь я провел в полуобморочном состоянии, да и весь следующий день пластом пролежал в кровати, ни с кем не разговаривая и не испытывая тяги к общению, только сказал женщине, которая убирала у меня в комнатах, что не нуждаюсь ни в помощи, ни в пище. В сумерках эта добрая женщина появилась снова, и еще раз — глубокой ночью. Но я слабо сознавал, что вокруг происходит, и ничего не хотел. Даже говорить было трудно.

Я не вставал с постели семь дней, все рождественские праздники. Почти ничего не ел, мало говорил и мыслил не очень четко. Наконец, на следующий день после Рождества, отыскав в себе храбрость и силы, я набросился на гору почты, что продолжала расти на столе в моей комнате. Казалось бы, почерк миссис Тиерс должен был попасться хотя бы на одном конверте, но тут меня ожидало разочарование. Однако, повинуясь безотчетному порыву, я открыл первый конверт, адрес на котором был надписан незнакомой рукой. В нем лежала только газетная вырезка:

«Вчера на Гресмер-Кресцент 19, в доме миссис Уолтер Тиерс, вдовы покойного Уолтера Тиерса, эсквайра, произошла прискорбная трагедия. Вечером миссис Тиерс, двадцати шести лет от роду, как обычно, удалилась к себе почивать. Утром она не ответила на стук прислуги и горничная, зайдя, почувствовала сильный и странный запах. Испугавшись, она выскочила за дверь и привела другую служанку. Обе вошли в комнату и обнаружили мертвое тело миссис Тиерс и перевернутую бутылку хлороформа неподалеку от ее подушки. Вне всяких сомнений, произошел несчастный случай, и никакого расследования не проводилось. Обращает на себя внимание странное совпадение: это уже вторая смерть в доме за неделю. В прошлый понедельник от сердечного приступа скончалась служанка, работавшая в доме. Ее похороны состоялись вчера вечером, и миссис Тиерс на них присутствовала».

К заметке был прикреплен листок с датой выхода вчерней газеты, откуда ее вырезали: «Пятница. 19 декабря». Значит, это произошло неделю назад, на следующий день после того ужасного вечера. Похороны, наверное, уже состоялись.

Как я уже говорил, почерк на конверте был незнакомым, но я догадывался, от кого могло прийти это письмо, и после того, как оно пролежало у меня годы, неожиданно получил подтверждение тогдашних догадок. Месяца полтора назад мне стало известно, что я назначен душеприказчиком покойного Джеймса Ливингстона из Херефорда. Джеймс Ливингстон? Имя мне ничего не говорило. Подозревая, что здесь закралась какая-то ошибка, я зашел в контору поверенного, от которого узнал эту новость.

— Нет, никакой ошибки, — заверил меня он. — Я сам составлял завещание, и мистер Ливингстон дал мне указание обратиться к вам. Говорите, вы его вообще не знали? — Он задумчиво нахмурился. — Это определенно странно, потому что он вас знал. Вы едва ли смогли бы его забыть. Мистер Ливингстон был калекой: правую сторону тела чуть ли не полностью парализовало.

Френсис Флетч

Аромат

Знаменитый врач и известный деятель Общества психических исследований задумчиво раскуривал трубку. Дело было вечером, в 1931 году.

— Сталкивался ли я за все годы изучения странных явлений с чем-либо не подпадающим под критерии того, что нам угодно именовать «естественным объяснением»? Сложно сказать. Но много лет назад... — Он замолчал и чиркнул спичкой. — Пожалуй, лучше я вам расскажу.

— В то время я был молодым врачом и практиковал медицину в одном из городков Новой Шотландии. Тогда я еще не состоял в обществе, но уже интересовался спиритуализмом и родственными предметами. В университете моим руководителем был Мюнстенбург, и я видел некоторые из его уникальных экспериментов в области гипноза. Мюнстенбург проводил и другие эксцентричные исследования, связанные с так называемыми оккультными или тайными знаниями, о чем известно немногим. Именно под его влиянием я занялся психологией — и кое-какими другими областями знаний, которые в университетах не признают и не изучают.

Спустя положенное время у меня, естественно, появилась коллекция странных фактов и впечатлений, а также большая библиотека, отнюдь не состоявшая из сухих медицинских трактатов. По счастью, я обладал небольшим доходом, не зависящим от практики, и мог посвящать больше времени чтению и исследованиям, чем пациентам. Мой кабинет находился в так называемом здании «Геральд», жил же я в «Брунсвике», старомодном пансионе, и не только жил, но и завтракал, обедал и ужинал.

Однажды вечером я сидел у себя после ужина, наслаждаясь трубкой и книгой Хадсона «Лань в Гайд-парке», как вдруг раздался торопливый стук в дверь.

— Войдите, — рассеянно отозвался я.

Вошел худощавый, темноволосый и темноглазый молодой человек с бледным лицом и незапоминающимися чертами. Поселился он в «Брунсвике» не так давно — всего за несколько дней до этого хозяйка представила мне его за завтраком. Звали его Лемюэль Мейсон. Как я понял (хоть по виду этого не скажешь), происходил он из рыбаков Люнен-

бурга. Он закончил педагогическое училище и после летних каникул собирался занять место учителя в местной частной академии. Показался он мне тихим и самым обыкновенным молодым человеком лет двадцати с небольшим. Однако наблюдательный взгляд врача подсказал мне за обеденным столом, что он чем-то серьезно болен: его бледное лицо казалось чересчур изможденным и даже свидетельствовало о сильном расстройстве. Первые же слова молодого человека поразили меня.

— Доктор, скажите, я схожу с ума?

— Вероятно, нет, иначе вы бы не спрашивали, — ответил я, изобразив обнадеживающую улыбку. — Не скажете ли, что вас беспокоит?

Он произнес что-то невразумительное. Я пристально наблюдал за ним и после внимательно осмотрел.

— Нет, — сказал я, — признаков безумия я не нахожу. Со всех точек зрения вы совершенно нормальны. Все ваши физические и психические рефлексы и реакции соответствуют норме. Вы, конечно, испытываете некоторое нервное возбуждение и немного, что вполне понятно, взволнованы теми странными впечатлениями, о которых вы говорили. Но я вновь уверяю вас, что пережитое вами найдет простое и научное объяснение.

Я не был ни в чем уверен и сказал это, лишь стремясь его успокоить. Я понимал, что для точного определения его психического состояния понадобятся более длительные наблюдения.

— Скажите, как выглядит ваша комната? — спросил я. Он уже сообщил мне, что живет в другом корпусе примерно в двух кварталах от моего.

— Комната маленькая, доктор, не больше вашей прихожей.

— И как она обставлена?

— Там стоит железная кровать, шкаф, стол и два стула.

— А теперь еще раз, и помедленней, расскажите мне о том, что случилось.

— Я снял эту комнату из-за дешевизны — благодаря ее репутации плату назначили символическую.

— Репутации? О чём вы?

— Точно не знаю. Кажется, там умерла какая-то девушка. Я никогда не считал себя нервным человеком, не верю в привидения и прочую чепуху. В общем, я обрадовался возможности сэкономить.

— И что же вы видели?

— Ничего. И это самое любопытное, — хрюпнуло рассмеялся он. — Но я чувствовал запах...

— Ваша комната как-то соединяется с соседней?

— Нет. Единственная дверь с фрамугой ведет в холл.

— Кто-либо еще упоминал о запахе?

— Насколько мне известно, нет.

— А окно?

— Окно выходит в сад позади дома. У окна растет слива, а под ней разбита клумба с анютиными глазками и кустами роз.

— Вы уверены, что запах исходил не от них? В знойный и влажный вечер запах цветов может быть довольно сильным.

— Нет, доктор, все было совсем не так. Разрешите, я изложу все с самого начала. Въехал я вчера после обеда. В девять лег в постель. Окно и фрамуга над дверью, конечно, были открыты. Около часа я лежал и читал. Во время чтения я чувствовал какой-то тонкий аромат, раз или два даже вставал и выходил в холл. Запах при этом исчезал. Это был, однако, только намек на запах. Затем я погасил свет и заснул.

Не знаю, в котором часу аромат пробудил меня, но вся комната была пропитана им. Это были не благовония и не запах влажной земли и раскрывшихся цветов — скорее, запах чего-то неприятного и, я уверен, гниющего. Но в тот момент я об этом не думал: запах, пока я его чувствовал, опьянял меня. В этом и состояло самое страшное. Говорю вам, я лежал в постели и наслаждался этим ароматом. Я упивался им, катался по кровати взад и вперед, как собака, почувствовав запах падали. Все мое тело словно впитывало отравленный воздух всеми порами и каждым квадратным сантиметром кожи; по ней бегали мураски, мышцы подрагивали и весь я, с ног до головы, испытывал такой изысканный восторг и

экстаз, что и описать не могу.



Всю ночь я пролежал, ощущая вокруг это море восхитительного аромата. Внезапно забрезжил утренний свет и в соседних комнатах завозились жильцы. Запах исчез. Я чувствовал себя слабым и разбитым. От слабости меня вырвало, и я не смог выйти к завтраку. Как раз тогда я понял, что всю ночь наслаждался ароматом гниения, чем-то нескованно зловонным, но показавшимся мне желанным и нестерпимо нежным. Поэтому я и пришел к вам.

Он в изнеможении откинулся назад. Я не знал, что сказать. Как я упоминал, до прихода Мейсона я читал «Лань в Гайд-парке». Если вы знакомы с этой книгой, вы должны помнить, что в одном из разделов говорится о чувстве обоняния у животных. По странному совпадению — если что-либо в нашем мире можно назвать лишь «совпадением» —

я читал именно эти страницы, а также некоторые отрывки, посвященные обсуждению сновидений. Прибегнув к объяснению Хадсона, я успокаивающе сказал:

— Случай редкий, но вполне объяснимый. Я полагаю, что вы кое-что знаете о природе снов. Допустим, спящий укололся булавкой. Следует сон, который как бы истолковывает укол. Человеку снится, что он в жаркий летний день бродит по лесу, хочет отдохнуть и растягивается в тени на траве; он отдыхает и, может быть, дремлет, но внезапно его беспокоит тихий шелестящий звук. Он оглядывается по сторонам и видит, что к нему, приподняв голову, скользит по траве ядовитая змея. Змея жалит его в руку и от боли спящий пробуждается. Понимаете, укус становится кульминацией драматической сцены, что разыгрывается, как кажется спящему, на протяжении некоторого времени; и однако, весь сон, все чувства, мысли и действия сновидения начинаются и заканчиваются в момент укола булавкой.

— Но что общего между вашим примером и моим случаем? — спросил он.

— Все, — с наигранной уверенностью ответил я. — В вашем случае булавкой послужил запах. Какой-то незнакомый аромат достигает чувствительных клеток ваших ноздрей и вы мгновенно оказываетесь в сновидении, в кошмаре, объясняющем запах. Поскольку причиной сновидения явился не булавочный укол, а запах, события в вашем сне заняли большее времени.

Его лицо чуть порозовело.

— А мне-то казалось, что я все это время совсем не спал, — медленно сказал он. — Теперь я не сомневаюсь, что это была только иллюзия. Спасибо, доктор, вы мне очень помогли. Но вы уверены...

— Абсолютно, — коротко ответил я, хотя не был уверен ни в чем, кроме успокоительного влияния своих слов. — Сегодня прохладней. Лучше вам будет спать, закрыв на ночь окно и фрамугу, чтобы тревожащий вас запах не проникал в комнату. Я выпишу вам снотворное, и спать вы будете спокойно. Больше ни о чем не беспокойтесь.

«Странный случай», — подумал я, когда он ушел. Но я и представления не имел, насколько странным был случай, до тех пор...

Доктор помедлил, вновь раскуривая трубку.

— Если бы я только знал тогда то, что знаю теперь! Но я был молод и неопытен. Верно, у меня были книги, но написанное в них оставалось для меня тайной за семью печатями. И казалось абсурдным связывать... К тому времени я повидал немало странных экспериментов, тщательно изучил древнюю мудрость загадочных манускриптов, но не понимал, какая страшная явь кроется за многими оккультными символами и аллегориями. Я почти сумел убедить себя, что пережитое Лемюэлем Мейсоном было лишь ночным кошмаром, и был поражен, когда он на следующее утро ворвался ко мне. Он был близок к истерике, на лице отражался ужас. Я заставил его проглотить приличную порцию виски.

— Что с вами? — спросил я.

— Господи, доктор, этот запах!

— Что-о?

— Запах вернулся.

— Продолжайте.

— Он вернулся, зловонный и гнилостный. Но на сей раз я не просто обонял его, я его слышал и осязал...

— Спокойней, друг мой, спокойней!

— Налейте мне еще. Господи Боже! Запах все шептал и шептал. Но что шептал? Не помню. Все слилось в экстазе безумия. Погодите! Мне запомнилось одно слово.

Дрожащими губами он произнес имя, заставившее меня вздрогнуть. Нет, я не скажу, что это было за имя. Не стоит человеку слышать определенные вещи. Но я встречал это имя в книгах. Я схватил Мейсона за плечи и грубо затряс. И тогда, тогда...

— Я осязал это, чувствовал всю ночь, поверьте. Чувствовал тело, длинное и гибкое, холодное и чешуйчатое — тело змеи, но одновременно и женщины. Я обнимал его и ласкал... О, это было чудесно, чудесно — и невыразимо гадко!

Весь дрожа, он упал в кресло.

— А теперь, — сказал доктор, — я должен признаться в своем преступном поведении. Хотя я сознавал, что этому человеку грозит опасность, я убедил его провести еще одну ночь на прежнем месте. Я был молод, вспомните. Я решил, что смогу воспользоваться случаем и непосредственно изучить неведомое явление. К тому же я верил, что смогу защитить его от беды. Ограниченные познания, — медленно изрек доктор, — чрезвычайно опасны. Тогда я не знал, что за определенной чертой всякое сопротивление прекращается. Ни зверь, ни человек не может считать себя в безопасности, спасение только в бегстве... А Лемюэль Мейсон уже пересек эту черту.

Я был очень взволнован и в своей страсти исследователя проявлял чудеса красноречия. Лемюэль Мейсон хотел лишь исчезнуть и никогда больше не переступать порог проклятой комнаты.

— Там обитает призрак, призрак! — воскликнул он.

Да простит мне Господь, я переубедил его.

— Вы должны встретиться с этим лицом к лицу. Было бы сумасшествием просто так убежать.

Я верил в то, что говорил. Я накачал его взбадривающими средствами, заклинал довериться мне. В тот вечер мы пошли к нему вместе — мы договорились, что ночь я проведу у него в комнате.

Дом был старым, как и остальные дома на той улице. Лет тридцать назад в нем жили люди состоятельные и утонченные. Но модный дорогой квартал сместился на юг, прежние жители переехали или умерли, и впечатляющий особняк пришел в запустение. Широкие коридоры были такими темными и мрачными, какими могут быть только старинные коридоры; на поблекших стенах шелушилась краска. Поднимаясь вслед за Мейсоном на второй этаж, я ощущал затхлый запах пыли и разложения.

Комната точно соответствовала его описанию. Вход находился в конце длинного холла, в задней части; помещение явно предназначалось для слуги. Оно было довольно тесным и душным и больше ничем особенным не отличалось, за исключением необычно высокого потолка. Действ-

вительно ли в комнате что-то витало или мне только почудилось? Игра воображения — решил я и зажег все три газовые горелки.

Было девять вечера. Мейсон, пошатываясь, улегся в постель: я дал ему сильное успокоительное. Через несколько минут он уже спал, мирно, как ребенок. Я сидел на стуле, положив ноги на другой стул, курил трубку, читал и наблюдал. Читал я странное средневековое сочинение автора, чьей эмблемой служили рога Онама. Немногие ученые когда-либо видели экземпляр этой книги. Мне подарил ее... но не имеет значения. Я читал, завороженный намеками на сокрытые, невероятные и даже жуткие вещи, разбросанными по каждой странице, странными рисунками и таинственными схемами.

Я слышал, как по лестнице поднимались и хлопали дверями другие жильцы. На этом этаже, как я заметил, занята была лишь еще одна комната, расположенная в дальнем конце коридора. Вскоре все затихло. Я посмотрел на часы: половина первого. Не было слышно ни звука, помимо полуночных потресканий и скрипов, обычных для старых домов, да еще негромко шипел воздух в газовых светильниках. Эти шумы меня ничуть не тревожили. Я и раньше проводил ночи в старых домах, и мое сознание механически их отбрасывало.

Но неожиданно возникло что-то еще — нечто... Я невольно засопел и вскочил на ноги. По комнате разливался незнакомый аромат; запах был подобен ощущению, но незримому присутствию, и этот вероломно подкравшийся запах манил меня, лишал рассудка. Но я не спал и знал об опасности. Три горящих газовых светильника прибавляли мне мужества, и я, напрягая все силы, стал бороться с воздействием запаха.

Я изобразил рукой в воздухе защитный знак и будто почувствовал, как запах отступил. Аромат уходил, становился далеким, но в то же время Мейсон выпрямился на кровати, издал судорожный вздох и сел. Я присел рядом. Его глаза были закрыты, но лицо... Я никогда не видел на человеческом лице такого выражения безумного упоения и восторга.

Эти чувства выражало не только лицо: все его тело корчилось, вздрагивало и извивалось в ужасном забытье экстаза. Я с криком потянулся к нему.

— Мейсон, — закричал я, — проснитесь! Проснитесь!

Но он не обращал на меня никакого внимания. Он чувственно поводил руками, словно что-то обнимал, гладил, ласкал. Я принялся трясти его.

— Мейсон! Мейсон!

— Ax! — еле слышно вздыхал он, глядя воздух. Он извивался у меня в руках, а губы его произносили нежные слова и складывались для любовных поцелуев.

— Ради Бога!

Но чары не отпускали его, и все мои яростные усилия не могли его пробудить. Запах набегал, вздымался волнами и отступал. Припомнив все свои оккультные познания, столь необходимые в этот миг, я заключил нас обоих в священную пентаграмму.

— Прочь! — вскричал я, произнося непередаваемое имя, то имя, что грозит безумием, слетая с языка. — Силой Трех в Одном, Альфой и Омегой, могуществом Вечной Монады заклинаю тебя — изыди!

Так я приказывал, чувствуя, как это нечто отступает от меня — но не от Мейсона. Его тело по-прежнему трепетало и изгибалось в сладострастном экстазе, лицо горело нечеловеческим вожделением и радостью, а руки, его руки... С невыразимым ужасом я понял, что его уже не защитит никакая магия.

— Ax! — вздыхал он, источая руками ласки. — Ax, ax, ax!

Он продолжал вздыхать. Порой он тихо говорил:

— О, прикосновение твоей кожи, ее аромат... Ближе, любимая, ближе... Шепчи, шепчи...

И затем, понизив голос до жуткого шепота, от которого волосы у меня встали дыбом, он сказал:

— Я ощущал, я слышал тебя. Позволь мне *увидеть* тебя.

Он не должен увидеть! Я это знал. Я должен был вытащить его из комнаты, прежде чем он увидит. Обеими руками я обхватил его тело. Казалось, я тащил не только его, но и другое тело, которое льнуло к нему, сопротивлялось, воевало за каж-

дый сантиметр пути. Чувства изменяли мне, аромат окутывал меня незримым туманом.

Меня охватил страх, слепой, разъедающий душу страх. Я бился, как в кошмаре. Неужели я никогда не доберусь до двери? Невидимый противник тянул, тащил назад. Осталось три шага... два... один. С последним отчаянным усилием я всем телом ударил в дверь. К счастью, замок оказался слабым и дверь открывалась наружу. Я вывалился в холл вместе с обломками прогнившей рамы, все еще удерживая Мейсона. Но он вдруг страшно закричал, потом еще раз — и обмяк у меня на руках.

По всему дому хлопали двери, раздавались крики. Из комнаты в дальнем конце коридора выбежал жильтя в халате, болтавшемся вокруг его голых ног.

— Бога ради, — завопил он, — что тут происходит?

Но я не ответил. Я глядел на Мейсона. Лицо его искажала гримаса такого неприкрытоого ужаса, что кровь застыла у меня в жилах. Я понял, что на секунду опоздал.

Он увидел!

Доктор обвел взглядом слушателей.

— Да, он был мертв. Сердечный приступ — заявили сбежавшиеся жильцы. «Это выражение на его лице... — с дрожью произнесла экономка. — Такое же выражение было на лице девушки, умершей в той комнате два года назад». И тогда я закричал: «Во имя Господа, женщина! Разнесите эту комнату на куски! Забейте дверь досками, заприте ее! Пусть никто там больше не живет!»

Позднее я узнал, что весь дом сгорел во время большого пожара 1917 года.

Доктор замолчал, посасывая потухшую трубку.

— Ну, а теперь, когда я все рассказал — кто может предложить естественное объяснение? Понятно ли кому-либо это странное происшествие? В известном смысле, в мире не может быть ничего неестественного, и все же... все же... — Он постучал чашечкой трубки о пепельницу, выбивая пепел. — Я двадцать лет исследовал, изучал, погружался в позабытые знания и древние тайны, искал за иносказаниями истину, и иногда я думаю, я верю... что в небесах и на земле

есть вещи, какие и не снились... — Он остановился. — Первобытные люди далеких эпох были в сущности животными и обладали крайне развитым чувством обоняния. Возможно, в запахе первобытный человек прозревал иной мир — мир тонких, скрытых видений и звуков, такой же осязаемый и реальный, как наш... враждебный мир. Быть может, он прозревал «райский сад» — *и дьявола в том саду*.

Доктор издал странный смешок.

— Может быть, в той комнате возникали определенные запахи или же невидимое присутствие чего-то чуждого и невероятного заставило Мейсона, и в меньшей степени меня, прибегнуть к способностям, которые род человеческий, слава Богу, давно оставил позади.

Но, заметив выражение лиц слушателей, доктор резко прервал свои рассуждения.

— Да, — сказал он. — Понимаю. Это объяснение не сводится к *естественному* причинам!

Хюом Фисбем

Старинный портрет

Я увлекаюсь старинными рамами. Постоянно разыскиваю в мастерских и у антикваров какие-нибудь причудливые и уникальные рамы для картин. То, что внутри, меня не особенно интересует — я ведь художник, а художникам свойственны прихоти. Моя заключается в том, что я сперва нахожу раму и только потом пишу картину, которая, по моему мнению, соответствует ее характеру и предполагаемой истории. Таким образом мне приходят в голову некоторые любопытные и, полагаю, не лишенные оригинальности идеи.

В один прекрасный декабрьский день, где-то за неделю до Рождества, я нашел в лавке близ Сохо превосходный, но обветшавший образчик резьбы по дереву. Позолота почти стерлась, три уголка были сколоты, но один еще оставался на месте, и я надеялся, что он подскажет мне, как восстановить остальные. Вставленный в раму холст весь почернел от грязи и вековых пятен, и мне удалось лишь различить какой-то очень плохо написанный портрет малозначительной особы — дилетантская пачкотня нищего и голодного художника, созданная для заполнения подержанной рамы, которую заказчик, видимо, купил по дешевке, как и я вслед за ним. Но рама мне подошла, и я заодно унес домой и испорченный холст, решив, что он так или иначе мне пригодится.

В следующие несколько дней я был занят разными заказами и только в канун Рождества у меня нашлась свободная минута, чтобы внимательней осмотреть покупку. Все это время онаостояла у меня в мастерской лицом к стене.

Делать мне в тот вечер было нечего, идти куда-либо не хотелось, и я вытащил раму с холстом из угла, водрузил свое приобретение на стол и, приготовив губку, таз с водой и мыло, начал очищать картину. Она была в жутком состоянии: если не ошибаюсь, я израсходовал почти целый пакет мыльного порошка и раз десять менял воду, пока на раме не показался узор, а портрет не предстал передо мной во всей своей неимоверной грубости, отвратительной прорисовке и вопиющей вульгарности. Он изображал толстого свиноподобного человека, по виду трактирщика, украшенного множеством побрякушек — обычный случай для подобных ше-

девров, где важны не столько черты, сколько исключительная точность в изображении таких украшений, как цепочки для часов, перстни-печатки и кольца на пальцах, булавки для галстука и прочая, и все это художник с тяжеловесной реалистичностью втиснул на холст.

Рама восхитила меня, а картина свидетельствовала, что я не обманул антиквара, намеренно занизив цену. Газовый светильник отбрасывал на картину яркий свет, и я рассматривал это чудовищное произведение искусства, гадая, как мог такой портрет понравиться изображеному на нем толстому трактирщику. Мое внимание привлекла какая-то деталь фона, едва заметный мазок под тонким слоем краски, словно картина была написана поверх другой.

Я был не слишком в этом уверен, но все-таки бросился к комоду, где держал винный спирт и скипидар. Вооружившись ими и большим количеством тряпок, я начал безжалостно уничтожать портрет трактирщика в смутной надежде найти под ним что-либо более достойное.

Работа эта деликатная и медленная. Только к полуночи золотые кольца и багровые щеки исчезли и на холсте начала проступать другая картина. Я окончательно промыл ее, на сухо вытер, поставил на мольберт в золотистое пятно света, набил и закурил трубку и уселся, глядя на холст.

Что же освободил я из отвратной тюрьмы грубой мазни? Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: этот халтурщик кисти замазал и осквернил произведение, столь же непостижимое для его скучного ума, как облака для гусеницы.

Я увидел голову и грудь молодой женщины неопределенного возраста, мало-помалу сливавшиеся с темным фоном; в темноте угадывалась богатая обстановка, и все это было написано рукой мастера, не нуждавшегося в доказательстве своего умения и научившегося скрывать свою технику. Портрет, отличавшийся мрачным, но сдержанным благородством, казался таким совершенным и естественным, словно был написан кистью Морони.

Лицо и шея были мертвенно-белы и совершенно бесцветны, тени же положены так искусно, что были совершенно незаметны — такое порадовало бы требовательную к портрет-

тистам королеву Бесс, Елизавету I.

Сперва я видел в центре расплывчатой тьмы одно только тусклое, отсвечивавшее серым пятно, уходившее в тень. Но когда я отодвинул кресло подальше и откинулся назад, серое пятно посветлело, детали мягко выступили из темноты и стали более отчетливыми, фигура будто отделилась от фона и сделалась объемной, хотя я, только что промыл картину, хорошо знал, что слой краски на ней совершенно гладкий.

Сосредоточенное лицо с изящным носиком, красиво очерченными, но бескровными губами и глазами, казавшимися темными, без малейшей искры света провалами. Тяжелые, шелковистые, черные как вороново крыло и лишенные блеска волосы свободно обрамляли голову и овалы щек, закрывали часть лба и уши и ровной волной ниспадали на левую грудь, оставляя открытой правую сторону бледной до прозрачности шеи.

Платье и фон были истинными симфониями черных тонов, проникнутыми тонким колорированием и мастерством; это платье из богатого золотого бархата являло вместе с фоном громадное, уходившее вдаль пространство, волнующее и полное восхитительных обещаний.

Бледные губы, я заметил, были чуть приоткрыты, показывая краешек верхних передних зубов, что добавляло решительности всему лицу. Короткая верхняя губа была немного вздернута, нижнюю я назвал бы полной и чувственной, не будь она такой бесцветной.

Лицо, которое я воскресил в полночный час накануне Рождества, выглядело потусторонним; его безжизненная бледность наводила на мысль, что из тела была выпущена кровь и я гляжу на живой труп.

В эту минуту я впервые заметил, что детали узора на раме словно призваны были передать идею жизни в смерти: то, что ранее казалось орнаментом из цветов и фруктов, на самом деле было скопищем тошнотворных змееподобных червей, которые извивались среди могильных костей, наполовину скрывая эти декоративные элементы; ужасный, хотя и искусно вырезанный узор заставил меня содрогнуться

и пожалеть, что я не занялся промывкой картины днем.

Я не робкого десятка и только рассмеялся бы, вздумай кто-либо заявить, что я испугался; но сейчас, сидя в одиночестве напротив этого портрета, в опустевшем здании, вдали от людей (соседние мастерские в этот вечер пустовали, а сторож ушел на праздник домой), я жалел, что не провожу сочельник в более приятной обстановке: несмотря на гудевший в камине огонь и сверкающее пламя газа, это сосредоточенное лицо и сверхъестественные глаза оказывали на меня странное воздействие.

Часы на башнях и шпилях друг за другом пробили последний час дня, эхом подхватывая замирающий рефрен, а я все сидел, как зачарованный, глядя на жутковатую картину и сжимая в руке потухшую трубку; странная слабость охватила меня.

Бездонно глубокие глаза пристальным и властным взглядом смотрели на меня с портрета; лишенные малейшей искры света, они словно вбирали в себя мою душу, а с нею силу и жизнь. Я недвижно полулежал в кресле, пока не утратил волю; сознание покинуло меня и пришел сон.

Картина оставалась на мольберте, но мне почудилось, будто женщина сошла с холста и плавными шагами стала приближаться ко мне; позади нее показался склеп, наполненный гробами — одни были закрыты, другие лежали или стояли открытыми; виднелось их ужасное содержимое в истлевших, испещренных пятнами саванах.

Я видел только ее голову и плечи в мрачных складках платья, обрамленные иссиня-черными тяжелыми волосами.

Женщина приблизилась ко мне, ее мертвенно-бледное лицо коснулось моего, холодные бескровные губы прижались к моим в долгом поцелуе, а мягкие черные волосы окутали меня, как облако, наполняя все тело чудесным трепетом и опьяняя восторгом наслаждения, лишавшим меня последних сил.

Она словно торопилась впитать мое дыхание, не даря взамен ничего, становясь сильнее, пока я слабел, и мое тепло перетекало к ней, отдаваясь пульсом жизни.

Весь ужас близящейся смерти предстал передо мной, и я с отчаянным усилием оттолкнул ее и вскочил; потрясенный, я в первую минуту не понимал, где нахожусь, но затем сознание начало возвращаться ко мне и я, как безумный, стал озираться по сторонам.

Газ в лампе все еще ярко горел, в камине бушевало красное пламя. Часы на каминной полке показывали половину первого ночи.

Картина, как и прежде, стояла на мольберте, но присмотревшись, я увидел, что портрет изменился: на щеках женщины пятнами проступил румянец, глаза сверкали жизнью, чувственные губы налились и покраснели, и на нижней поблескивала капелька крови. В лихорадочном ужасе я схватил скребок и изрезал портрет вампира, затем выдral из рамы изуродованные обрывки холста, бросил их в камин и с диким наслаждением стал смотреть, как они извиваются в пламени.

Та рама до сих пор у меня, но я еще не набрался храбрости написать подходящую для нее картину.

## КОММЕНТАРИИ

### Г. де Мопассан. Орля

Окончательная версия новеллы Г. де Мопассана (1850-1893) была впервые опубликована в одноименном авторском сб. *Le Horla* (1887) и публикуется по изд.: *Мопассан Г. де. Полное собрание сочинений в двенадцати томах*. Т. 6. М., 1958 (пер. К. Локса).

С. 7. *Орля* — неологизм Мопассана. Критики и интерпретаторы предложили немало объяснений этого заглавия, возводя его, напр., к «*le hors la*» (нечто «внешнее», «постороннее»), «*hors la loi*» («вне закона») или нормандск. «*horsain*» («чужак, посторонний»).

С. 17. ...*нансийской школы* — Речь идет о влиятельной школе гипнотерапии, сложившейся в Нанси в 1870-80-х гг. и руководившейся в описываемое время проф. И. Бернгеймом (1840-1919). Противостояла «парижской школе» Ж. М. Шарко (1825-1893), видевшей в гипнотическом состоянии симптом истерии. Нансианская школа, чье мнение в итоге восторжествовало, считала гипноз проявлением суггестии, то есть внушения и психического воздействия, кот. мог поддаваться вполне здоровый человек.

С. 18. ...*Месмер* — Ф. А. Месмер (1734-1819), немецкий врач и целитель, создатель теории «животного магнетизма» (месмеризма), способствовавшей формированию научных представлений о гипнозе.

С. 26. ...*объемистый труд доктора Геренштаяусса* — вымыщенное сочинение.

### Я. Неруда. Вампир

Анонимный перевод рассказа «*Vampýr*» (1871) публикуется по: *Огонек*. 1909. № 10, 7 (20) марта. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Я. Н. Неруда (1834-1891) — чешский писатель, поэт, художественный критик, журналист, крупнейший представитель «чешского реализма», автор повестей, романов и рассказов, сб. стихов.

### **О. Кирога. Подушка**

Рассказ «El almohadón de plumas» (букв. «Подушка из перьев») вошел в авторский сб. *Cuentos de amor, de locura y de muerte* (1917). Публикуется по изд.: Кирога О. Анаconda. М., 1960 (пер. М. Абезгауз).

О. Кирога (1878-1937) — выдающийся уругвайский писатель, поэт, путешественник, фотограф. Наиболее известен рассказами с элементами сверхъестественного, изображающими сумеречные и галлюцинаторные состояния души, а также сказками о природе и животных сельвы, где Кирога прожил много лет. Жизнь Кироги была отмечена целым рядом трагедий; покончил с собой, будучи болен раком.

### **С. Грабинский. Белый вырак**

Рассказ вошел в авторский сб. *Księga ognia* (1922). Публикуется по изд.: Грабинский С. Тень Бафомета. М., 2002 (пер. И. Колташевой).

С. Грабинский (1887-1936) — польский писатель, автор фантастических повестей и рассказов. Изучал польскую литературу и филололгию в Львовском университете, испытывал глубокий интерес к христианской и восточной мистике, теософии и демонологии. С 1911 г. работал преподавателем гимназии во Львове, в 1917-1927 гг. в Перемышле. Умер в бедности, от туберкулеза.

### **Ф. Б. Лонг. Океанская пиявка**

Впервые: *Weird Tales*, 1925, январь, под назв. «The Ocean Leech». Пер. В. Барсукова.

Фрэнк Белнап Лонг (1901-1994) — плодовитый американский писатель-фантаст, поэт. Один из первых последователей Г. Ф. Лавкрафта и участник его «круга», автор воспоминаний о Лавкрафте. Помимо научной и «ненаучной» фантастики, писал также готические романы, сценарии для комиксов. Наследие Лонга включает 25 романов, восемь сборников рассказов, три сборника стихотворений и т. д.

### **Ф. Робинсон. Последний из вампиров**

Впервые: *Contemporary Review*, 1893, январь-июнь. Пер. М. Фоменко. Для настоящего изд. перевод заново отредактирован.

Филипп Стюарт Робинсон (1847-1902), публиковавшийся под именем «Фил Робинсон», натуралист, писатель, журналист и один из пионеров англо-индийской литературы, прожил довольно бурную жизнь. Он родился в Индии в многодетной семье военного священника и до 30 лет успел побывать редактором англоязычных изданий, цензором и профессором логики, литературы и философии в Аллахабадском колледже. С 1877 г. Робинсон жил в Англии, работал в газетах и освещал военные конфликты в Афганистане и Египте как корреспондент *Daily Telegraph*, *Daily Chronicle* и др. изданий. В качестве корреспондента *Pall Mall Gazette* и позднее *Associated Press* в 1898 г. побывал на Кубе во время испано-американской войны. Военные тяготы, включая лихорадку и пребывание в плену, подорвали здоровье Робинсона, и в последние годы жизни он писал довольно мало, хотя выпустил в общей сложности около двух десятков книг.

С. 70. ...в Белgravии — Белgravия — фешенебельный и аристократический район Лондона.

С. 70. ...Мараньон ...Чачапояс — соответственно, река (левый исток Амазонки) и город в Перу.

С. 70. ...пытался провести научный мир с помощью папирусных свитков — неточная отсылка к истории иерусалимского антиквара и изготовителя подделок Моисея Вильгельма Шапиро (1830-1884), который действительно пытался в 1883 г. продать в Британский музей фрагменты древнейших рукописей Второзакония. Пос-

ле того, как они были признаны подделкой, Шапиро покончил с собой, а сами рукописи в конечном итоге исчезли. Некоторые современные исследователи выражают мнение, что рукописи были настоящими фрагментами т. наз. «свитков Мертвого моря».

С. 70. ...*Бирундверст* — букв. «Пиво и сосиска» (нем.).

С. 72. ...*Пампа дель Сакраменто* — Район густых лесов и многочисленных протоков близ реки Укаяли.

С. 72. ...*тукупу* — соус из корней дикого маниокса, в сыром виде ядовит.

С. 73. ...*могучий охотник на жуков* пред *Господом* — пародируется библейское описание Нимрода, «сильного зверолова пред Господом» (Быт. 10:9).

С. 73. ...*воорали* — менее известное название кураре.

С. 74. ...*кенгуру Бэнкса или гориллы дю Шайлю* — Название «кенгуру» («кангуру») было впервые записано ботаником и натуралистом сэром Д. Бэнксом (1743–1820), участником первой экспедиции Д. Кука; франко-американский путешественник и антрополог П. дю Шайлю (1831?–1903) в середине XIX в. впервые в современной научной истории подтвердил существование горилл.

## У. Добени. Сумах

Рассказ вошел в авторский сб. *The Elemental: Tales of the Supernormal and the Inexplicable* (1919). Пер. А. Вий. Илл. Д. Стюарта.

У. Добени (1888–1922) — британский исследователь церковной архитектуры и истории музыкальных инструментов, автор единственного и получившего известность уже в наше время сборника фантастических рассказов, указанного выше.

## **Г. Уэллс. Странная орхидея**

Впервые: *The Pall Mall Budget*, 1894, 27 дек., под назв. «The Strange Orchid». Публикуется по изд.: Уэллс Г. *Собрание сочинений в пятнадцати томах*. Том 2 (М., 1964). Пер. Н. Дехтеревой.

## **А. Хайат Веррил. Вампиры пустыни**

Впервые: *Amazing Stories*, 1929, № 9, декабрь. Пер. М. Фоменко. Илл. Г. Бессо.

А. Х. Веррилл (1871-1954) — американский писатель, зоолог, путешественник, художник-иллюстратор. Участник ряда археологических экспедиций в Вест-Индию, Южную и Северную Америку, автор десятков научно-популярных книг (многие из которых Веррил самостоительно иллюстрировал), огромного количества газетных и журнальных статей и многочисленных научно-фантастических новелл и повестей.

С. 104. ...профессора Веррила — дань уважения отцу автора А. Э. Верриллу (1839-1926), который был первым профессором зоологии в Йельском университете и много занимался исследованиями беспозвоночных у атлантических берегов.

С. 112. ...чоло — Так называют метисизированных и ассимилированных индейцев, в свое время осевших в городах и в совершенстве овладевших испанским языком.

С. 133. «Форт Тримотор» — американский трехмоторный пассажирский моноплан. Серийно производился в 1927-1933 гг. *Ford Aircraft Company*.

## **М. Опальнов. Луатомвао**

Впервые: *Вокруг света* (Ленинград), 1929, № 14. Илл. С. Лузанова. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

С. 154. ...аскари — в Восточной, Северо-Восточной и Центральной Африке солдаты, набранные в колониальные войска из местных племен.

С. 158. ...«наполовину детей, наполовину дьяволов» — Цит. из стих. Р. Киплинга (1865-1936) «Бремя белого человека» (1899).

### **Ф. Робинсон. Дерево-людоед**

Рассказ вошел в авторский сб. *Under the Punkah* (London, 1881). Пер. В. Барсукова.

С. 176. ...Синаххериба — Синаххериб — царь Ассирии, правивший ок. 705-681 гг. д. н. э.; известен своим военными кампаниями против Вавилона и Иудеи и строительными начинаниями.

### **Э.Блэквуд. Превращение**

Рассказ (под назв. «The Transfer») вошел в авторский сб. *Pan's Garden: A Volume of Nature Stories* (1911). Пер. В. Кулагиной-Ярцевой.

Э. Блэквуд (1869-1951) — британский писатель и журналист, один из ведущих в XX в. представителей фантастики сверхъестественного. До 1930-х гг. жил в Канаде и США, успел побывать фермером, секретарем, газетным репортером в Нью-Йорке, преподавателем музыки и т. д. Увлекался оккультными учениями и горными восхождениями. По возвращении в Англию завоевал писательскую популярность, представлял собственные рассказы на радио и ТВ, выступал с эссе в периодических изданиях. Автор полутора десятков романов, пьес, десятков сборников рассказов.

### **Е.и Х. Херон. История Бэлбrou**

Впервые: *Pearson's Magazine*, 1898, апрель как часть цикла рассказов «Истинные истории о привидениях», собранных в 1899 в

кн. *The Experiences of Flaxman Low*. Пер. В. Барсукова. Комментарии принадлежат А. Шерману.

«Е. и Х. Херон» — псевд. Хескетта В. Причарда (1876-1922) и его матери Кейт О'Брайен Причард (1851-1935). Хескетт Причард, путешественник, искатель приключений, охотник, писатель, журналист и спортсмен, а также майор британской армии, реорганизовавший во время Первой мировой войны снайперское дело, до-стоин отдельной биографии. Здесь укажем, что совместно с матерью (сопровождавшей его в некоторых путешествиях) он написал несколько популярных в свое время книг. Созданного их воображением Флаксмана Лоу часто, хотя и ошибочно, называют первым в художественной литературе «оккультным детективом».

С. 199. ...профессор Юнгворт из Нюренберга — В книжном варианте этот герой стал профессором Ван дер Воортом из Левена и утратил все немецкие черты; там же, в конце рассказа, почему-то появились «жрецы Урарту» (!).

С. 200. ...трубки... Бисмарка — Речь идет о распространенных некогда пенковых «портретных» трубках, изображавших первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка (1815-1898).

С. 206. ...исходя из названия дома... на могильном холме или кладбище — Лоу использует слово «barrow» (могильный холм),озвученное «Baelbrow» (Бэлбру). Вымыщенное название имения, Baelbrow, также переводится с шотландского как «скорбная возвышенность».

С. 210. ...по фиванскому методу — Т. е. применялась наиболее длительная и дорогостоящая процедура бальзамирования из трех, описанных у древнегреческого историка Геродота («История», II, 86-88).

### **Ф. Робинсон. Медуза**

Рассказ вошел в совмесный сб. автора и его братьев *Tales by the Three Brothers* (1902). Пер. А. Вий и Л. Козловой. Комментарии принадлежат переводчикам.

С. 230. ...*Суде Любви* — отсылка к трактату Андрея Капелла на «О науке куртуазной любви» (ок. 1184-1186).

С. 230. ...*истинная любовь невозможна* — Текст дошел до наших дней и звучит так:

«Вопрос: «Возможна ли истинная любовь между лицами, состоящими в браке друг с другом?»

Приговор графини Шампанской: «Мы говорим и утверждаем, ссылаясь на присутствующих, что любовь не может простираять своих прав на лиц, состоящих в браке между собою. В самом деле, любовники всем награждают друг друга по взаимному соглашению совершенно даром, не будучи к тому понуждаемы какой-либо необходимостью, тогда как супруги подчиняются обоюдным желаниям и ни в чем не отказывают друг другу по велению долга...»

### **Ф. Флэгг. Аромат**

Впервые: *Strange Tales of Mystery and Terror*, 1932, январь, под назв. «The Smell». Пер. М. Фоменко. Илл. Г. Веско.

«Френсис Флэгг» — псевд. американского поэта и писателя Г. Дж. Уайса (1896-1946). Уайс учился в Калифорнийском университете, позднее выступал как автор научно-популярных книг, публиковал в периодике стихи и фантастические рассказы и новеллы. Перестал писать фантастику в середине 1930-х гг.

С. 235. ...*Общества психических исследований* — Общество психических исследований — основанная в 1882 г. и существующая по сей день организация, ставящая целью научное исследование парапсихологических явлений. Среди ее основателей был ряд знаменитых ученых своего времени.

С. 235. ...*Мюнстенбург* — Намек на Г. Мюнстерберга (1863-1916), видного германско-американского психолога, одного из пионеров прикладной психологии. Будучи религиозен, Мюнстерберг изучал среди прочего парапсихологические явления, но в основном с целью разоблачения шарлатанов, и являлся противником парапсихологии.

С. 235. ...книгой Хадсона «Лань в Гайд-парке» — У. Хадсон (1841-1922) — писатель, натуралист, орнитолог, Уроженец Аргентины, с 1874 г. жил в Англии. Очевидно, имеется в виду его посмертно изданная кн. *Лань в Ричмонд-парке* (1922).

### **Х. Нисбет. Старинный портрет**

Расказ вошел в авторский сб. *Stories Weird and Wonderful* (1900). Пер. В. Барсукова.

Х. Нисбет (1849-1923) — шотландский писатель, поэт, художник. С 16 до 23 лет жил в Австралии, побывал в Тасмании, Новой Зеландии, на о-вах Тихого океана (позднее дважды путешествовал в Австралию). По возвращении в Европу восемь лет преподавал в Школе искусств Уатта в Эдинбурге. Автор десятков приключенческих романов и триллеров, книг об искусстве, многочисленных рассказов о сверхъестественном и т. д.

С. 248. ...Морони — Джованни Баттиста Морони (1522-1578) — итальянский живописец, знаменитый портретист.

## Оглавление

Г. де Мопассан. Орля. <i>Пер. К. Локса</i>	7
Я. Неруда. Вампир	35
О. Кирога. Подушка. <i>Пер. М. Абэзгауз</i>	40
С. Грабинский. Белый вырак. <i>Пер. И. Колташевой</i>	46
Ф. Б. Лонг. Океанская пиявка. <i>Пер. В. Барсукова</i>	57
Ф. Робинсон. Последний из вампиров. <i>Пер. М. Фоменко</i>	69
У. Добени. Сумах. <i>Пер. А. Вий</i>	78
Г. Уэллс. Странная орхидея. <i>Пер. Н. Дехтеревой</i>	92
А. Х. Веррил. Вампиры пустыни. <i>Пер. М. Фоменко</i>	104
М. Опальнов. Луатомвао	154
Ф. Робинсон. Дерево-людоед. <i>Пер. В. Барсукова</i>	176
Э. Блэквуд. Превращение. <i>Пер. В. Кулагиной-Ярцевой</i>	186
Е. и Х. Херон. История Бэлбrouy. <i>Пер. В. Барсукова</i>	200
Ф. Робинсон. Медуза. <i>Пер. А. Вий и Л. Козловой</i>	216
Ф. Флэгг. Аромат. <i>Пер. М. Фоменко</i>	236
Х. Нисбет. Старинный портрет. <i>Пер. В. Барсукова</i>	248
К о м м е н т а р и и	255

## POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.